

Российский культурный центр в Будапеште
Университет имени Лоранда Этвеша

В Е С Т Н И К

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
И ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

№ 35

2021

BUDAPEST
РКЦ-ОКК

Будапешт
2021

**Российский центр науки и культуры в г. Будапеште
Научно-исследовательский и методический
центр русистики Университета им. Л. Этвеша**

ВЕСТНИК

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ**

№ 35

2021

г. Будапешт

В данный выпуск «Вестника» включены доклады и сообщения, прозвучавшие в ходе XXVI Международной научно-практической конференции "Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания".

г. Будапешт, Российский центр науки и культуры, 14 мая 2021 г.

Редакционная коллегия:

Уразбекова А.А. (отв. редактор), Российский центр науки и культуры, Венгрия
Алюнина Ю.М., к.ф.н., Российский университет дружбы народов, Россия; Университет Люмьер Лион 2, Франция

Васильева А.С., Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Самсонов В.В., Гуманитарно-Естественный Университет им. Яна Длугоша, Польша

Седова Е.С., к. ф. н., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия

Сироткина Т.А., д. ф. н., Сургутский государственный педагогический университет, Россия

Рецензент:

Лаппо М.А., д. ф. н., Новосибирский государственный педагогический университет, Россия

Ответственность за содержание материалов и корректность цитирования несут авторы.

ISSN 1788-9502

«Вестник» выходит 1 раз в год

Адрес редакции: 1062, г. Будапешт, пр. Андраши, 120

Телефоны: +36-1-332-21-54, +36-1-332-75-52

E-mail: hungary@rs.gov.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
------------------	---

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Алюнина Юлия Матвеевна , <i>Российский университет дружбы народов, Россия; Университет Люмьер Лион 2, Франция</i> «ГЕОМЕТРИЯ ПО-РУССКИ»: ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ЭЛЕКТРОННОМ КУРСЕ ПО НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ.....	7
--	---

Васильева Анна Сергеевна , <i>Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОЛДОВЕ В ШКОЛАХ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР.....	18
---	----

Геймбух Елена Юрьевна , <i>Московский городской педагогический университет, Россия</i> НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РЕЧИ И В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	24
--	----

Дьёрфи Беата , <i>Сегедский университет, Венгрия</i> ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ В ВЕНГЕРСКИХ ВУЗАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА.....	29
--	----

Йлдырым Ариф , <i>Эрджиесский университет, Турция</i> ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕФИКСАЛЬНОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ С ТУРЕЦКИМ ЯЗЫКОМ)	35
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Бокарева Юлия Михайловна , <i>Новосибирский государственный педагогический университет, Россия</i> ИНТЕРТЕКСТОВЫЕ ОТСЫЛКИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК)	40
--	----

Бреусова Елена Ивановна , <i>Сургутский государственный педагогический университет, Россия</i> АЛЬМАНАХ «СЛАВЯНСКИЙ МИР» КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР.....	45
--	----

Бухарбаева Куралай Нурсаиновна , <i>Католический университет им. Петера Пазманя, Венгрия</i> ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ “СВОЕГО” И “ЧУЖОГО” В РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ СКАЗКАХ.....	53
---	----

Ларкович Дмитрий Владимирович , <i>Сургутский государственный педагогический университет, Россия</i> ЛОКАЛЬНЫЕ СВЕРХТЕКСТЫ НА ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТЕ РОССИИ.....	63
--	----

Манчев Алексей Николов, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария

НРАВСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ РОМАННОЙ ПРОЗЫ Е. ВОДОЛАЗКИНА.....69

Мароши Валерий Владимирович, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ.....74

Озден Ирина Каральбиевна, Эрджиевский университет, Турция

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОЛОРИТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. КЕШОКОВА)83

Рац Ильди́ко Мария, Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

НОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ И.А. БУНИНА: ОТРЫВ ОТ ЧЕХОВСКОЙ ТРАДИЦИИ88

Седова Елена Сергеевна, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия; **Асташова Полина Николаевна**, Россия

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАВЕЛОГА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ОДНОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА»94

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Астахова Яна Алексеевна, Российский государственный гуманитарный университет, Россия

КОННОТАЦИИ ЦВЕТОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ.....102

Балажин Балаж, Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия; **Вёрёш Каролина**, Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

НУЖНО ЛИ НАМ ЭТО? БУКВА Ё И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ106

Иванова Ольга Валерьевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СОЗДАНИЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ: К 800-ЛЕТИЮ НИЖНЕГО НОВГОРОДА.....112

Магочи Нина Рудольфовна, Будапештский университет Корвинус, Венгрия; **Варга Эва Каталин**, Университет им. Семмельвейса, Венгрия

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА НОМИНАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....118

Маринова Елена Вячеславовна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия
**ЛЕКСИКА ИТ-СФЕРЫ В ФУНКЦИИ ОБРАЗНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ДИСКУРСА)**.....125

Сабарине Хегедюш Сильвия, Сегедский университет, Венгрия
ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ СПОСОБА ДВИЖЕНИЯ135

Сироткина Татьяна Александровна, Сургутский государственный педагогический университет, Россия
**ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ АКТИВНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**.....143

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВ В ЕВРОПЕ В ЦЕЛОМ И В ВЕНГРИИ В ЧАСТНОСТИ

Галяпина Виктория Николаевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; **Лебедева Надежда Михайловна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; **Трифонов Анастасия Валентиновна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия
**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ДИАСПОРНОЙ АКТИВНОСТИ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВУХ
ПОКОЛЕНИЙ РУССКИХ В КЫРГЫЗСТАНЕ**.....148

Молодикова Ирина Николаевна, Центрально-европейский университет, Венгрия; **Институт демографических исследований РАН РФ**, Россия; **Тепавчевич Саня**, Институт передовых исследований Кёсег, Венгрия; **Паннонский университет**, Венгрия
**ОСОБЕННОСТИ ДИГИТАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ИНТЕРНЕТ-
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ В ПЕРИОД
КАРАТИНА COVID-19 НА ПРИМЕРЕ ВЕНГРИИ**156

Ростовская Тамара Керимовна, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра РАН, Россия; **Письменная Елена Евгеньевна**, Финансовый университет при Правительстве РФ, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра РАН, Россия
**АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: ОБЗОР
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА**163

ПРЕДИСЛОВИЕ

14 мая 2021 г. в Российском центре науки и культуры в Будапеште прошла XXVI Международная научно-практическая конференция "Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания". Предлагаемый вниманию читателей 35-й выпуск «Вестника» включает в себя материалы докладов, прозвучавших на конференции.

В конференции приняли участие профильные специалисты из 10 стран мира: России, Венгрии, Австрии, Беларуси, Болгарии, Польши, Республики Молдова, США, Турции, Франции. Эта встреча специалистов уже не первый год способствует развитию многостороннего сотрудничества, укреплению межгосударственных связей в гуманитарной области.

Как и прежде, основополагающим принципом отбора материала является представление о важности изучения языковой системы в широком социокультурном контексте.

В соответствии с тематикой сделанных докладов «Вестник» включает следующие разделы: «Вопросы методики преподавания русского языка как иностранного», «Вопросы литературоведения, лингвокультурологии и художественного перевода», «Лингвистические исследования и возможности их использования в практике преподавания русского языка как иностранного», «Роль русского языка в формировании и развитии русскоязычных сообществ в Европе в целом и в Венгрии в частности». Разграничение тематических разделов носит во многом условный характер ввиду комплексного осмысления проблем описания и преподавания русского языка как иностранного, в том числе в венгерской аудитории.

Редколлегия

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

УДК 811.161.1

Алюнина Юлия Матвеевна
кандидат филологических наук
alunina-yum@rudn.ru
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия
yulia.alunina@univ-lyon2.fr
Университет Люмьер Лион 2
Лион, Франция
ORCID: 0000-0002-4970-5584

«ГЕОМЕТРИЯ ПО-РУССКИ»: ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ЭЛЕКТРОННОМ КУРСЕ ПО НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ

В статье рассматривается структура онлайн-курса «Геометрия по-русски», который был разработан для обучения научному стилю речи на начальном и продвинутом этапах владения русским языком как иностранным (A2–B1). Курс был создан в программе iSpring Suite Max для размещения на образовательной платформе Российского университета дружбы народов (Цифровой подготовительный факультет), не предполагающей массового доступа. В статье описаны ключевые принципы организации учебного материала в онлайн-курсе, приводятся основные типы заданий, разработанные с учётом специфики обучения иностранному языку в дистанционном формате.

Ключевые слова: онлайн-курс; цифровая лингводидактика; цифровое обучение; русский язык как иностранный.

Постановка проблемы

Если уважаемый читатель знакомится с этой статьёй в течение пары лет после её публикации, то нет необходимости объяснять ему актуальность затрагиваемой проблематики, поскольку он наверняка ещё не забыл, что такое внезапный и глобальный перевод образовательной деятельности в онлайн-формат. Если данная статья обратила на себя внимание спустя десятки лет после её публикации, наверное, стоит сообщить уважаемому читателю, что её появление связано с переводом образовательной деятельности в дистанционный режим, который был стимулирован распространением коронавирусной инфекции в 2019 году.

Пожалуй, уже сейчас, в 2021 году, в момент написания настоящей статьи, можно говорить о зависимости её восприятия от времени прочтения. Также можно предположить, что спустя десятилетия читатель не увидит ничего необычного в необходимости описания базовых принципов организации учебного материала в онлайн-курсе, потому что создание цифровых образовательных ресурсов, всего вероятнее, станет обычной практикой. Однако сейчас, в 2021 году, этот вопрос видится как никогда актуальным, поскольку именно сейчас потребность в цифровых образовательных курсах сочетается с «недостаточным анализом теоретических и дидактических оснований при подготовке и использовании подобных курсов» [3, с. 74]. Как следствие, имеет место своего рода независимость авторов-разработчиков в

создании онлайн-курсов, в том числе по иностранным языкам, что формирует необходимость обмена опытом и его систематизации.

Особое место среди онлайн-курсов, с нашей точки зрения, занимают курсы по языку специальности. В русскоязычной традиции этот профиль обычно называется *научный стиль речи*, а в англоязычной традиции – *language for specific purposes* или *LSP* [5], обучение которому на сегодняшний день имеет огромный социальный спрос. Высокий спрос на освоение языка специальности сформировал необходимость развития современных способов его преподавания с использованием информационных технологий, следствием чего в цифровую эпоху стала необходимость обсуждения этих способов в научном сообществе («The enormous social demand for language training in specialized domains has led to the proliferation of flexible technological applications of increasing complexity, which require a forum of their own») [5, с. v].

Целью настоящей статьи является описание организации учебного материала в онлайн-курсе «Геометрия по-русски»¹, разработанного для обучения научному стилю речи на начальном и продвинутом этапах владения русским языком как иностранным (A2–B1).

В **задачи** статьи входит описание возможностей программного обеспечения, использованного для разработки онлайн-курса; краткое описание учебного пособия, которое легло в основу онлайн-курса; представление структуры онлайн-курса на примере нескольких уроков. Перечисленные задачи последовательно решаются в тексте статьи.

Перед тем, как перейти к решению поставленных задач, объясним некоторые термины, значимые в контексте данной работы.

Под дистанционным обучением в настоящей статье понимается обучение студентов в онлайн-формате, которое может происходить синхронно и асинхронно. Синхронным дистанционным обучением называем очное обучение, подразумевающее контакт с преподавателем в режиме реального времени по видеосвязи (например, в Zoom, Teams). К асинхронному дистанционному обучению мы относим самостоятельную работу студентов на цифровых образовательных платформах или обучение на онлайн-курсе без связи с преподавателем в режиме реального времени. Онлайн-курсом в статье называется цифровой образовательный продукт, созданный с применением технологий электронного обучения, размещённый в системе дистанционного обучения (далее – СДО) образовательной организации (например, Moodle, Canvas) и предназначенный для асинхронного прохождения учащимися. Термины *онлайн-курс* и *массовый открытый онлайн-курс* (далее – MOOK) в нашей статье не являются взаимозаменяемыми: под MOOK-ом мы понимаем курс, размещённый на открытой, некорпоративной образовательной платформе (Coursera, Stepik, edX и др.), доступ к которой предоставляется неограниченному количеству слушателей; под онлайн-курсом мы понимаем курс, доступный только студентам определённого университета и не предполагающий размещения на образовательных платформах массового доступа. В настоящей статье речь пойдёт именно о последнем типе курса.

Возможности конструктора онлайн-курсов

Курс «Геометрия по-русски» был разработан в коммерческой программе iSpring Suite Max² (далее – iSpring) – конструкторе онлайн-курсов, который позволяет создавать цифровые образовательные продукты для размещения в СДО университета. В нашем случае курс был разработан для публикации на платформе Цифровой

¹ Полное название: «Геометрия по-русски. Курс по русскому языку как иностранному для студентов, изучающих математику: модуль “Геометрия”».

² iSpring Suite Max [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ispring.ru/ispring-suite> (дата обращения: 15.07.2021).

подготовительный факультет¹ Российского университета дружбы народов (далее – РУДН).

Конструктор iSpring представляет собой надстройку к Power Point, поэтому при создании курса будущий образовательный продукт выглядит как привычная презентация. При переходе во вкладку iSpring появляется возможность создавать интерактивные упражнения с автоматической проверкой, отложенной проверкой преподавателем или отложенной самопроверкой (тесты, диалоговые тренажёры, эссе). Также в iSpring есть возможность для оформления теоретического материала в интерактивном виде – создавать интерактивности (так называется этот формат подачи информации в терминологии iSpring²): электронные книги, интерактивные диаграммы, глоссарии, маркированные изображения, вкладки формата «вопрос – ответ» и др.

Некоторые тестовые задания и интерактивности можно дополнить аудио- и видеоматериалами. Для записи аудио в конструкторе предусмотрены диктофон и редактор звука, с помощью которого можно удалить посторонние шумы из аудирования. Использование аудиофайлов, записанных на внешних по отношению к iSpring устройствах, тоже возможно. Если в курс требуется вставить видео, оно может быть встроено в него из внешнего источника как самостоятельная видеозапись, созданная разработчиком онлайн-курса, или как ссылка на видеохостинг, например, YouTube.

По завершении работы над созданием курса он конвертируется в формат, поддерживаемый СДО образовательной организации (например, формат SCORM³) и размещается на платформе университета.

Структура учебного пособия

В основу нашего онлайн-курса легло пособие «Русский язык как язык специальности. Инженерно-технический и естественнонаучный профили» [4], созданное авторским коллективом кафедры русского языка № 1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН. Пособие включает 5 разделов: *Математика, Геометрия, Химия, Информатика, Физика*. Данная статья посвящена онлайн-курсу только по одному из модулей – *Геометрии*.

В учебном пособии модуль *Геометрия* представлен 5 уроками [4, с. 74–146]: 1 – *Геометрия. Основные понятия*; 2 – *Виды углов*; 3 – *Треугольники*; 4 – *Четырёхугольники*; 5 – *Объёмные тела*. Каждый урок включает четыре блока: объяснение темы (теоретический материал с упражнениями); работа с текстом по теме (анализ номинативного плана текста и обсуждение текста в формате диалога); задания для самостоятельной работы; тест по уроку для закрепления изученных лексико-грамматических конструкций. В конце каждого урока предусмотрен словарь новых слов с переводом на английский, французский и испанский языки, а в конце модуля – тест по всем темам модуля.

В процессе разработки онлайн-курса все перечисленные блоки были адаптированы к цифровому формату и расширены за счёт специфики организации учебного материала в электронном формате.

Специфика и структура онлайн-курса

При создании электронного курса «Геометрия по-русски» материал пособия был расширен до 31 урока: 30 уроков с учебным материалом и 1 урок с итоговым

¹ Цифровой подготовительный факультет РУДН [Электронный ресурс] // URL: <https://langrus.rudn.ru/> (дата обращения: 15.07.2021.).

² Виды интерактивностей в iSpring [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ispring.ru/elearning-insights/interaktivnosti-v-ispring-suite-9> (дата обращения: 15.07.2021.).

³ SCORM (Sharable Content Object Reference Model) – «это международный стандарт для электронных обучающих курсов», который «задает требования для передачи информации из курса до самой системы, обеспечивая совместимость и многократное использование» [Электронный ресурс] // URL: <https://vc.ru/u/740500-lms-service/225906-kak-sdelat-scorm-paket> (дата обращения: 14.07.2021.).

тестированием. Количественное увеличение уроков в цифровом виде объясняется особенностями представления учебного материала в онлайн-курсе по иностранному языку и спецификой используемого программного обеспечения.

К первой группе особенностей мы относим:

- минимальную поддержку со стороны преподавателя или её полное отсутствие, что требует включения в курс интуитивно понятных формулировок заданий и максимальной визуализации образовательного материала;
- потенциальное отсутствие языковой среды, требующее включения в онлайн-курс разнообразного аудиоматериала для развития навыков аудирования;
- потенциальное отсутствие русскоязычной клавиатуры у учащихся, требующее создания упражнений, для выполнения которых необходимо минимальное обращение к физической клавиатуре.

Ко второй группе особенностей можно отнести:

- необходимость размещения информации на слайдах в Power Point, которые не должны быть перегружены, чтобы внимание учащихся фокусировалось на образовательном контенте;
- возможность представления информации в виде интерактивностей, что позволяет использовать новые способы подачи теоретического материала;
- возможность использования аудио- и видеоматериалов в онлайн-курсе, которые расширяют спектр практических упражнений в сравнении с печатным пособием.

Выделенные нами особенности стали основными ориентирами при разработке электронного курса, цель которого – сформировать навыки аудирования, чтения и письма средствами онлайн-обучения.

Перейдём к описанию структуры курса.

Курс «Геометрия по-русски» включает 5 тем, названия которых соответствуют названиям уроков в учебном пособии, на основе которого был разработан курс. Структура всех тем одинакова и включает следующие типы уроков:

- Урок 1. Новая лексика.
- Урок 2. Грамматика (часть 1).
- Урок 3. Грамматика (часть 2).
- Урок 4. Анализ текста.
- Урок 5. План текста.
- Урок 6. Контрольный тест.

В каждом уроке теоретический материал чередуется с практическим. Практика – тестовые задания – нацелена на проверку понимания новых лексико-грамматических конструкций. В среднем урок включает от 3 до 4 тестов, каждый из которых содержит по 10 вопросов. Все уроки, кроме первого в теме, начинаются с повторения материала предыдущего урока в формате теста или интерактивности. Последний урок темы содержит диалоговый тренажёр, в котором студенту предлагается ответить на вопросы виртуального собеседника, и тест с 30 вопросами по теме.

Теоретический материал в уроках представлен в виде слайдов Power Point и интерактивностей конструктора iSpring. Все контрольные материалы с автоматической проверкой и отложенной самопроверкой тоже реализованы средствами конструктора.

Использование языка-посредника в онлайн-курсе минимально, поскольку модуль *Геометрия* является вторым в опорном учебном пособии [4] и, соответственно, вторым в ряду онлайн-курсов после модуля *Математика*, в котором практически весь теоретический материал и все формулировки заданий сопровождаются переводом на английский язык на слайде [1]. В онлайн-курсе «Геометрия по-русски» на английский язык переведены заголовки слайдов с теоретической информацией, вводные и заключительные слайды к урокам, но перевод размещён не непосредственно на слайдах

с учебной информацией, а в отдельных вкладках ENGLISH, которые синхронизированы со слайдами онлайн-курса.

Рассмотрим несколько примеров учебного материала из каждого типа уроков в онлайн-курсе «Геометрия по-русски».

Урок 1. Новая лексика

Каждый первый урок темы рассматриваемого курса начинается с введения новой лексики. В онлайн-курсе лексика демонстрируется на слайде в табличном формате в сопровождении перевода на английский язык и аудиодорожки на русском языке. Если лексика занимает более трёх слайдов, то после второго слайда предлагается тест из 10 вопросов, а далее вводится следующий фрагмент нового лексического материала. В конце каждого урока с лексикой (Урок 1 в теме) есть возможность скачать файл с новыми словами по теме в сопровождении перевода на английский, французский и испанский языки¹.

Ниже представлены формулировки некоторых заданий на отработку лексики.

- *Найдите соответствия русских и английских терминов. Один термин лишний.*
- *Послушайте. Расположите слова в том порядке, в котором вы их слышите.*
- *Составьте правильные словосочетания.*
- *Послушайте. Отметьте слова, которые вы слышите.*
- *Составьте слово из букв. Одна буква в слове лишняя.*
- *Выберите правильный антоним.*
- *Напишите термин на русском языке².*

При введении новой лексики некоторые термины требуют визуального сопровождения, как, например, виды треугольников и их составляющие: *равносторонний треугольник, остроугольный треугольник, медиана, биссектриса* и др. Использование визуализации способствует закреплению связи между понятийным (сигнификативным) и предметным (денотативным) компонентами лексического значения, что, в свою очередь, влияет на усвоение термина и узнавание соответствующего денотата по изображению. Ниже приведены формулировки некоторых заданий, в которых используются изображения.

• *Посмотрите на изображение и послушайте. Это правильное или неправильное название треугольника?*

• *Послушайте. Расположите изображения треугольников в том порядке, в котором вы слышите их названия.*

Далее на рисунке приведён пример задания на закрепление лексики, в котором используются изображения (см. рис. 1).

¹ Вокабуляр к Уроку 13 (первый урок Темы 3 в онлайн-курсе) можно скачать по следующей ссылке: https://drive.google.com/file/d/1DEQwPItwkgeoD_b9vzt3IHBz199asvRN/view (дата обращения: 18.07.2021.).

² В задании дано слово на английском языке, перевод которого требуется записать в ответе.

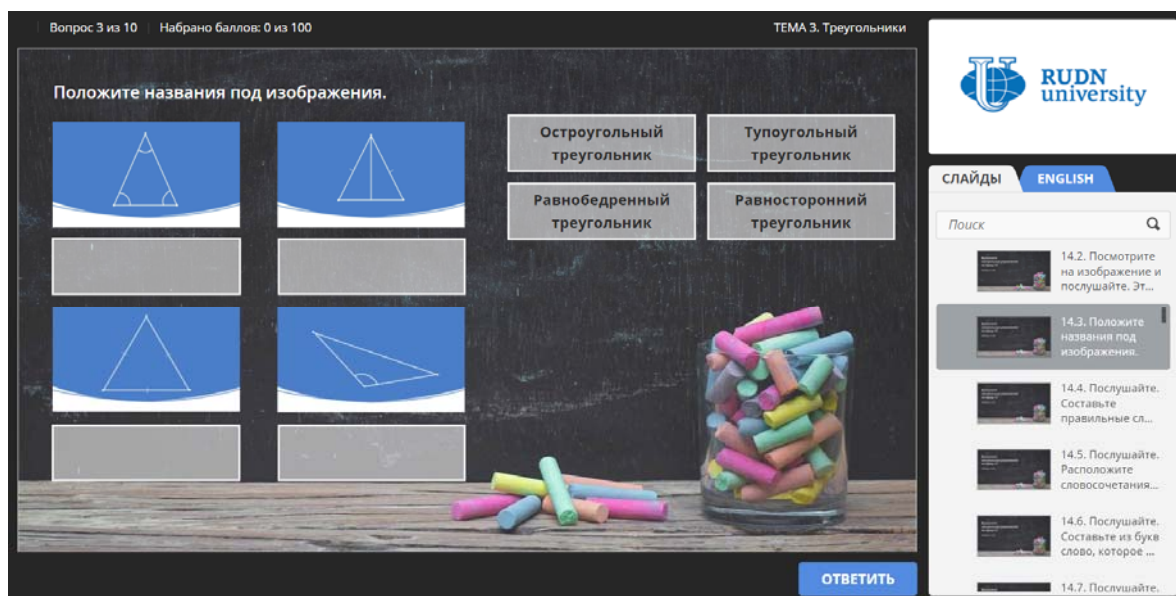

Рис. 1.

На изображении выше (см. рис. 1) приведён пример задания, в котором необходимо переместить термины под соответствующие изображения.

В правой части скриншота (см. рис. 1) во вкладке СЛАЙДЫ демонстрируются все слайды курса. При переходе во вкладку ENGLISH на месте перечня слайдов появляется текст на английском языке. Этот текст является переводом формулировки задания к теоретическому слайду. На рисунке выше демонстрируется пример практического задания, которое в модуле *Геометрия* не сопровождалось переводом. Теоретический слайд представлен на скриншоте далее (см. рис. 2), который соответствует следующему типу урока в рамках темы онлайн-курса.

Уроки 2 и 3. Грамматика

Во втором и третьем уроках темы вводятся новые лексико-грамматические конструкции, которые демонстрируются на слайдах в виде схем или таблиц с примерами в предложениях (см. рис. 2).

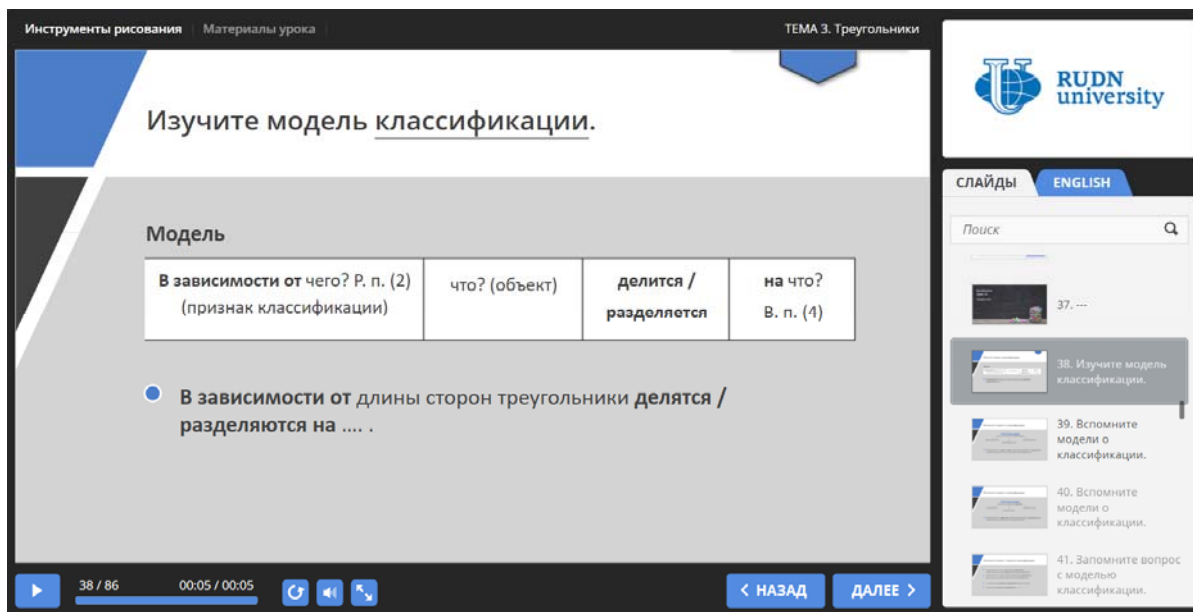

Рис. 2.

На изображении выше (см. рис. 2) представлен пример введения лексико-грамматической модели для построения предложения с классификацией по определённому основанию. На следующих теоретических слайдах курса

демонстрируются образцы построения утвердительных и вопросительных предложений с соответствующими моделями. Например:

- *В зависимости от чего треугольники делятся на тупоугольные, остроугольные и прямоугольные? → В зависимости от вида углов треугольники делятся на тупоугольные, остроугольные и прямоугольные.*

- *В зависимости от чего треугольники разделяются на равносторонние, разносторонние и равнобедренные? → В зависимости от длины сторон треугольники разделяются на равносторонние, разносторонние и равнобедренные.*

Аналогичным образом осуществляется введение других лексико-грамматических конструкций в онлайн-курсе: сначала демонстрируется схема или таблица с теорией и примером построения утвердительного предложения, затем вводится пример использования модели в вопросительном предложении. После такого объяснения модели предлагается тест с 10 заданиями. Формулировки некоторых заданий приведены ниже.

- *Сделайте вопрос о классификации треугольников. Используйте слова из списка. В списке есть лишние слова.*¹

- *Соедините начало и конец предложения.*

- *Найдите соответствия вопросов и ответов.*

- *Послушайте вопрос. Выберите правильный ответ.*

По окончании уроков с лексико-грамматическими конструкциями студенты могут скачать файлы с изученными моделями и примерами их использования.

Урок 4. Анализ текста

В четвёртом уроке каждой темы студентам предлагается прочитать и послушать текст, в котором задействованы изученные лексика и грамматика. Текст представлен в виде интерактивности с аудио и изображениями, например, схематичным представлением видов треугольников и их составляющих. Аудиосопровождение к текстам рассматриваемого онлайн-курса было записано автором настоящей статьи. После текста предусмотрены вопросы, предполагающие отложенную самопроверку в следующем уроке. Например:

- *Как называется текст?*

- *Как называется треугольник, который имеет равные стороны и равные углы?*

- *Почему треугольник называется равнобедренным?*

Проверить ответы на вопросы можно в следующем уроке (Урок 5. План текста), который начинается с интерактивности «вопрос – ответ». В интерактивности вопросы и ответы представлены в текстовом и аудио-форматах.

Для озвучивания некоторых вопросов и ответов использовались синтезаторы речи – программы, позволяющие переводить текст в аудио: Zvukogram², UniTools³ и др. Использование синтезаторов речи позволяет разнообразить аудиоматериал онлайн-курса за счёт включения разных голосов. Это является особенно актуальным, когда разработка курса осуществляется в условиях самоизоляции (нет возможности воспользоваться услугами дикторов или помощью коллег для записи аудирования), и курс создаётся для студентов, которые будут осваивать иностранный язык в условиях отсутствия языковой среды. Однако иногда использование синтезаторов речи для записи аудирования невозможно, поскольку программы могут совершать ошибки в интонировании и ударении. Наименее подходящим является обращение к синтезаторам речи, когда необходимо записать аудирование для высокого (*upper intermediate*) и продвинутого (*advanced*) уровней владения языком. Это связано с тем, что синтезаторы

¹ Задание на перемещение слов из списка в соответствующие пропуски, чтобы получилось предложение.

² Zvukogram [Электронный ресурс] // URL: <https://zvukogram.com/> (дата обращения: 18.07.2021.).

³ UniTools [Электронный ресурс] // URL: <http://unitools.tech> (дата обращения: 18.07.2021.).

речи «говорят» достаточно медленно, а повышение скорости воспроизведения приводит к тому, что речь звучит неестественно.

Перейдём к следующему типу уроков, в котором студентам предлагается составить номинативный план текста.

Урок 5. План текста

В пятом уроке темы студентам предлагается работа по составлению номинативного плана научного текста, изученного в Уроке 4. Составление плана осуществляется методом трансформации лексико-грамматических моделей, рассмотренных в Уроках 2 и 3, в пункты номинативного плана (см. рис. 3).

Инструменты рисования | Материалы урока | ТЕМА 3. Треугольники

Вспомните, как трансформировать модели в пункты номинативного плана.

В зависимости от длины сторон треугольники делятся на равносторонний, равнобедренный и разносторонний.

2. Треугольники. Классификация.
2.1. Признак классификации (длина сторон).
2.2. Группы треугольников (равносторонний, равнобедренный и разносторонний).

Модель ЧТО делится на ЧТО в тексте = Классификация в пункте плана (2). Классификация всегда имеет признак классификации (2.1) и группы объектов (2.2), которые существуют в зависимости от признака классификации. В данном случае Признак классификации – это длина сторон (2.1), а группы (чего? Р.п.) объектов – это Группы треугольников (2.2).

65 / 86 00:05 / 00:05

← НАЗАД ДАЛЕЕ →

РУДН university

СЛАЙДЫ ENGLISH

Поиск

64. Вспомните, как трансформировать модели в пункты н...

65. Вспомните, как трансформировать модели в пункты н...

66. ...

67. Вспомните, как трансформировать модели в пункты н...

68. Запомните, как трансформировать модели в пункты н...

Рис. 3.

На скриншоте выше (см. рис. 3) приведён пример трансформации предложения с моделью *классификация* в соответствующий пункт номинативного плана. В левой части слайда даётся предложение из текста, а в правой – пункт или пункты плана, созданные на основе этого предложения. Стрелки в схеме идут в направлении от опорного глагола лексико-грамматической модели и указывают на ключевое слово в плане, которое соответствует этому глаголу. В левом нижнем углу слайда присутствует интерактивная подсказка, которая открывается и закрывается при нажатии на вопросительный знак. В подсказке содержится информация, в *какой* пункт плана нужно трансформировать предложение, если в предложении присутствует *такая-то* модель, на наличие которой указывают *такие-то* слова в предложении.

Тестовые задания в уроке на составление номинативного плана в онлайн-курсе тоже присутствуют. Например:

- Соотнесите предложения и их части с пунктами номинативного плана.
- Прочитайте фрагмент текста. Расположите пункты номинативного плана в правильном порядке.
- Трансформируйте предложение в пункты номинативного плана. Используйте слова из списка (см. рис. 4).

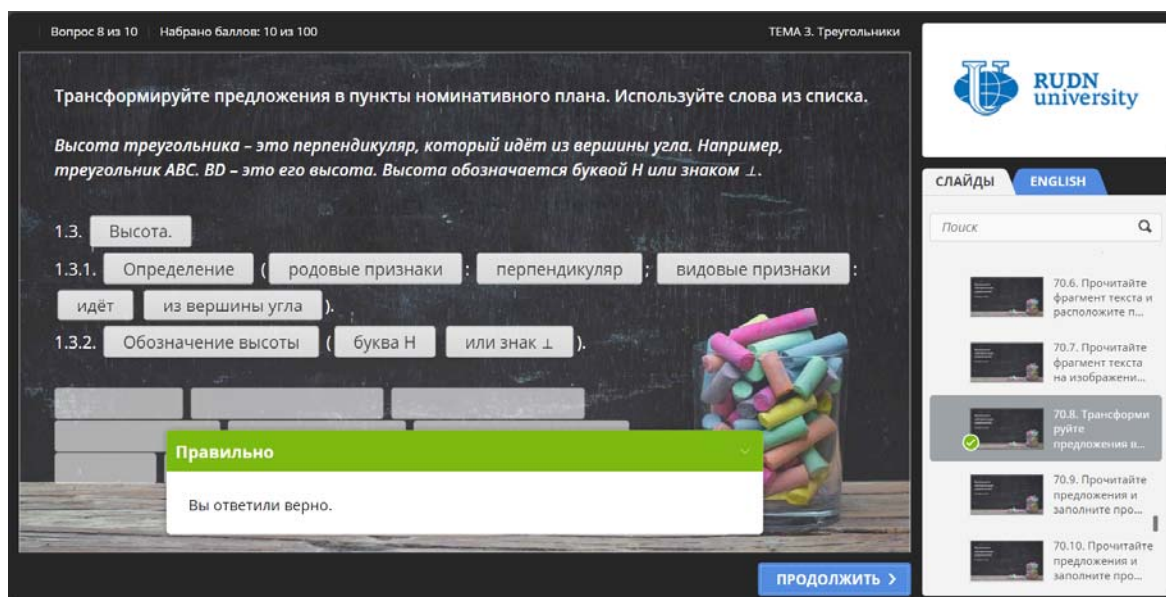

Рис. 4.

Приведённое изображение (см. рис. 4) иллюстрирует последнее задание из списка упражнений выше. В данном упражнении студентам предлагается фрагмент прочитанного ранее текста и схема номинативного плана с пропусками, которые необходимо заполнить словами и словосочетаниями из списка. На скриншоте приведено правильно выполненное задание, на что указывает диалоговое окно внизу экрана курса. При частично неверном выполнении упражнения появляется соответствующее диалоговое окно и указание на место, в котором была совершена ошибка.

Отметим, что в рамках онлайн-курса «Геометрия по-русски» уроки на составление номинативного плана текста строятся только на правилах трансформации изученных в модуле лексико-грамматических моделей в пункты плана. Теоретический аспект составления плана (правила образования отглагольных существительных, объяснение терминов *родовое* и *видовое понятие* и др.) не рассматривается. Это связано с тем, что в ряду онлайн-курсов, созданных на основе учебного пособия [4], модуль *Геометрия* стоит вторым после модуля *Математика*. Введение номинативного плана текста осуществляется в онлайн-курсе по модулю *Математика*, и именно в нём студентам подробно разъясняется теоретический аспект составления плана [2].

Перейдём к последнему типу уроков в рассматриваемом онлайн-курсе.

Урок 6. Контрольный тест

В последнем уроке темы нет нового материала. Здесь студентам предлагаются контрольные задания, нацеленные на проверку усвоения изученных в теме лексико-грамматических конструкций. Шестой урок темы включает два вида контрольно-измерительных материалов: диалоговый тренажёр и тест.

В диалоговом тренажёре учащемуся предлагается ответить на вопросы виртуального собеседника. Вопросы предъявляются только в аудиоформате (см. рис. 5), но при этом количество предъявлений не ограничено. Варианты ответов предъявляются в формате теста с одиночным выбором.

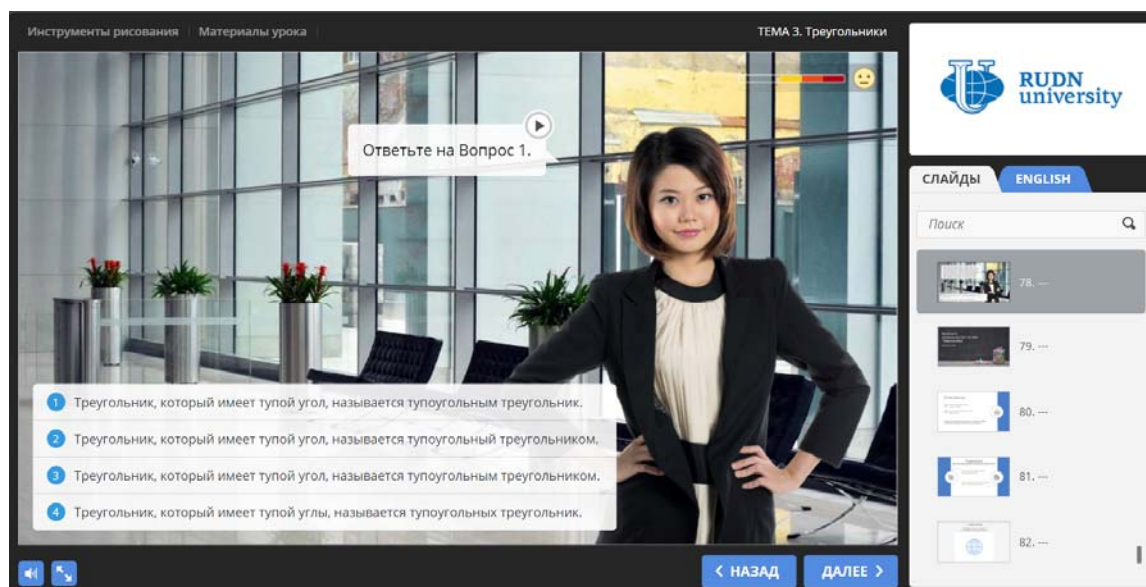

Рис. 5.

На скриншоте выше (см. рис. 5) приведён фрагмент диалогового тренажёра в онлайн-курсе. Каждый диалоговый тренажёр включает от 4 до 5 вопросов с выбором одного правильного ответа из четырёх вариантов. В письменном виде вопросы не предъявляются, вместо этого в диалоговом окне студенты видят текст «Ответьте на Вопрос 1», «Ответьте на Вопрос 2» и т. д. Количество прослушиваний вопроса не регламентировано. При выборе правильного варианта ответа меняется настроение виртуального собеседника, на что указывает изменение выражения его лица на радостное или одобряющее и индикатор настроения в правом верхнем углу экрана онлайн-курса. При выборе неверного варианта ответа индикатор настроения приближается к красной отметке, а виртуальный собеседник становится злым или грустным и сообщает, что студенту необходимо повторить обсуждаемую тему, а потом вернуться к итоговому тестированию.

После того, как студент правильно ответил на все вопросы в диалоговом тренажёре, виртуальный собеседник благодарит студента за общение и предлагает перейти к контрольному тесту по теме, в котором представлено 30 вопросов.

По завершении последнего урока темы студенты могут скачать файл с диалогом¹ и прочитать вопросы, которые предъявлялись им только в аудиоформате.

Заключение

В настоящей статье была представлена структура онлайн-курса «Геометрия по-русски», созданного для изучения научного стиля речи на начальном и продвинутом этапах владения русским языком. В представленном курсе были учтены особенности организации учебного материала в опорном пособии, специфика обучения иностранному языку в онлайн-формате, а также возможные технические затруднения у потенциальных учащихся. Описанная структура является одним из примеров онлайн-курсов по научному стилю речи, разработка которых сегодня представляется актуальной задачей.

¹ Диалог из Урок 18 (шестой урок Темы 3 в онлайн-курсе) можно скачать по следующей ссылке: <https://drive.google.com/file/d/1ptB5MOMF741DTyGYIF9m26ancnthETDV/view> (дата обращения: 18.07.2021.).

Литература:

1. Алюнина Ю.М. Организация учебного материала по научному стилю речи в цифровом формате (на примере модуля «Математика») // Неделя науки Высшей школы международных образовательных программ: материалы научно-методической конференции, 20 ноября 2020 г. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 11–14. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44695987> (дата обращения: 17.07.2021).
2. Алюнина Ю.М. Введение номинативного плана научного текста в условиях дистанционного обучения русскому языку как иностранному // Русский язык в цифровом пространстве в эпоху пандемии / Под ред. И. Микулацо. Пула: Университет Пулы им. Юрая Добрилы, 2021. С. 13–35. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/353103835_Vvedenie_nominativnogo_plana_nauchnogo_teksta_v_usloviakh_distancionnogo_obucenia_russkomu_azyku_kak_inostrannomu (дата обращения: 17.07.2021).
3. Веренич Т.К., Мезит А.Э., Микалаускайте Е.Ю. Принципы создания массового открытого онлайн-курса по русскому языку как иностранному для студентов начального уровня // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. С. 73–78. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/materials/4/2019/4/12.html> (дата обращения: 15.07.2021).
4. Щербакова О.М. [и др.]. Русский язык как язык специальностей. Инженерно-технический и естественнонаучный профили / О.М. Щербакова, В.В. Бондарева, Е.С. Михеева, М.А. Брагина, М.: Флинта, 2020. 536 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/152111> (дата обращения: 15.07.2021).
5. Bárcena E., Read T., Arus J. On LSPs in the digital // Languages for Specific Purposes in the Digital Era / ed. E. Bárcena, T. Read, J. Arus. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. v–ix. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783319022215> (дата обращения: 17.07.2021).

Alyunina Yulia

aliunina-yum@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russia

yulia.alyunina@univ-lyon2.fr

Lumière University Lyon 2

Lyon, France

«GEOMETRY IN RUSSIAN»: ONLINE COURSE ON RUSSIAN LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSE

The article discusses the structure of "Geometry in Russian" online course, which was created to teach academic Russian for elementary and intermediate levels (A2–B1). The course was created in iSpring Suite Max software for placement on the educational platform of Peoples' Friendship University of Russia (Digital Pre-University Faculty), which does not imply mass access. The article describes key principles of organizing educational material in the online course and provides the main types of tasks which were made for the course with the awareness of teaching a foreign language in a distant format.

Keywords: *online course; digital language education; e-learning; Russian as a foreign language.*

Васильева Анна Сергеевна
ana.vasiliev7@gmail.com
Университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОЛДОВЕ В ШКОЛАХ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

События конца 80-х годов XX века привели к существенным переменам в геополитическом статусе Молдовы и других постсоветских и постсоциалистических государств и, как следствие, в системе образования, языковой политике и сферах функционирования русского языка. Изменения также коснулись и условий преподавания русского языка в школах с молдавским (румынским) языком обучения. Из обязательной для изучения дисциплины русский язык перешел в статус вольного второго иностранного языка после английского. На сегодняшний день русский как второй иностранный изучают более 100 тысяч учеников по всей республике. В работе описываются особенности преподавания русского языка как иностранного в молдавских школах, рассмотрены требования к учебному предмету согласно Национальному curriculumу, приведены примеры заданий, направленных на преодоление интерференции, анализируются наиболее характерные для молдавских учеников интерферентные ошибки. В заключении изложено мнение преподавателей одной из столичных школ, представлены прогнозы о будущем преподавания русского языка в условиях сегодняшнего евроинтеграционного курса страны. Материалы исследования собраны на основании данных Национального бюро статистики Республики Молдова, Национального curriculumа и учебников по русскому языку как иностранному, законодательных актов, интервью с преподавателями и конкретных работ учеников молдавских школ. Результаты данной работы могут быть использованы для усовершенствования материалов и методов преподавания русского языка в национальных школах с целью сохранения и развития русского языка как на территории Молдовы, так и в других постсоветских государствах, данные также могут быть полезны преподавателю РКИ, работающему с интерферентными ошибками.

Ключевые слова: *интерференция; ошибки; русский как иностранный; постсоветское пространство; преподавание.*

Русский язык играл особую роль для многонациональной Молдовы на протяжении более 200 лет. Исторически так сложилось, что русский язык стал для Молдовы не только языком межнационального общения, но и языком образования. Во времена СССР русский функционировал как официальный и как язык межнационального общения. Изучение русского языка, наряду с молдавским, являлось обязательным в школе начиная с 1938 года [7]. После распада СССР государственным языком был признан молдавский, за русским же был закреплён статус языка межнационального общения и одного из официальных в Гагаузии (согласно Закону от 1.09. 1989 №.-3465XI «О функционировании русского языка в Молдове»). Данный закон был направлен на осуществление «реального национально-русского и русско-национального двуязычия», так как «русский язык используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения» [2].

Так продолжалось до начала 2000-х годов. Сложная языковая ситуация на рубеже веков заставила все больше и больше родителей отказаться от обучения на русском языке для своих детей. Эта тенденция сохраняется до сих пор, что приводит к массовому закрытию учебных заведений с преподаванием на русском языке, особенно в провинции. Для русскоговорящих детей, поступивших в школы с молдавским языком обучения, уроки русского языка оставались единственным способом поддерживать и получать новые знания, умения и навыки на родном языке. Вышеупомянутый закон о функционировании языков предписывал изучение русского языка в качестве обязательного с 5 по 9 классы в школах с государственным языком обучения. На преподавание русского в молдавских школах отводилось 2 часа в неделю. В 2003 году Министерство образования Молдовы выдвинуло учебный проект, который предусматривал обязательное изучение русского языка в национальных школах со второго класса. Это вызвало недовольство и привело к массовым протестам со стороны молдавских националистов, что привело к отмене законопроекта и внесению поправок в существующий закон о функционировании языков [3].

	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21
Numărul total de elevi	334 509	333 729	335 621	334 159	333 144	334 375
Română	269 634	268 390	270 551	269 689	268 703	269 548
Rusă	64 130	64 781	64 553	64 034	63 982	64 241
Alte	745	558	517	436	459	586
În % față de numărul total al elevilor	100	100	100	100	100	100
Română	80,6	80,4	80,6	80,7	80,7	80,6
Rusă	19,2	19,4	19,2	19,2	19,2	19,2
Alte	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2

Рис. 1. Количество и процентное соотношение детей, обучающихся на молдавском (румынском), русском и других языках за период 2015–2021 гг.

Языковая политика республики находится в очень сильной зависимости от правящих сил. После смены власти в 2009 году коренным образом изменилась, значительно сузившись, сфера функционирования русского языка. Сильнее всего это стало ощущаться в административной и образовательной сферах. В 2013 году министр просвещения Майя Санду (сегодня – президент РМ), сославшись на поправки в Кодексе об образовании, предложила исключить русский язык из числа обязательных предметов. Изучать русский язык учащимся было предложено в качестве второго иностранного языка, наравне с английским, французским и немецким языком. В 2018 году в Молдове вновь была проведена реформа образования, был введен новый curriculum. Согласно новому Кодексу об образовании, русский язык получил статус иностранного языка в школах с преподаванием на молдавском языке, а на его изучение был отведен всего 1 час в неделю. Предпринятые позже президентом Игорем Додоном попытки вернуть русский язык в качестве обязательного предмета в молдавские школы не увенчались успехом, а в 2020 году Конституционный суд и вовсе лишил русский язык статуса языка межнационального общения, признав недействительным «Закон о функционировании языков» от 1989 года.

Несмотря на значительно пошатнувшиеся позиции русского языка и попытки властей к вытеснению его из сферы образования, русский язык остается востребованным и в качестве второго иностранного. Согласно Кодексу об образовании, приоритетом является «открытость к межкультурному диалогу в контексте освоенных национальных и мировых ценностей», а статья 9 гарантирует формирование и развитие общения на английском, французском и русском языках во всех публичных общеобразовательных учреждениях. Большинство учащихся кишиневских лицеев,

исходя из нашего опыта преподавания, выбирает именно русский как второй иностранный потому, что они его уже знают, им легче и интереснее на уроках русского, чем французского или немецкого. Если же выбор все-таки делается в пользу другого иностранного языка, то это объясняется тем, что, по мнению родителей или самих детей, русский язык они могут выучить и вне школы, а знание третьего иностранного языка поможет в будущем.

Согласно данным Национального бюро статистики Республики Молдова, в 2019 / 2020 учебном году в начальной и средней школе (гимназии) обучалось 334400 учеников. В настоящее время в школах является обязательным изучение двух иностранных языков. Первый иностранный всегда является обязательным, второй же предлагается по выбору. В конце 2020 года вышеупомянутое Бюро статистики подготовило отчет, в котором представило количественные данные об изучении английского, французского, немецкого и русского языков в качестве иностранных с 5 по 9 класс в школах с молдавским языком обучения. На первом месте оказался английский, вторым по популярности был французский, третьим – русский. В 2019 / 2020 учебном году русский язык как иностранный изучали 100200 учеников, что, к сожалению, более чем на 8 тысяч меньше, чем в предыдущем учебном году. На сегодняшний день русский язык преподается в 838 учебных заведениях, а количество изучающих русский сократилось еще на 1,1 % и составило 99100 [3].

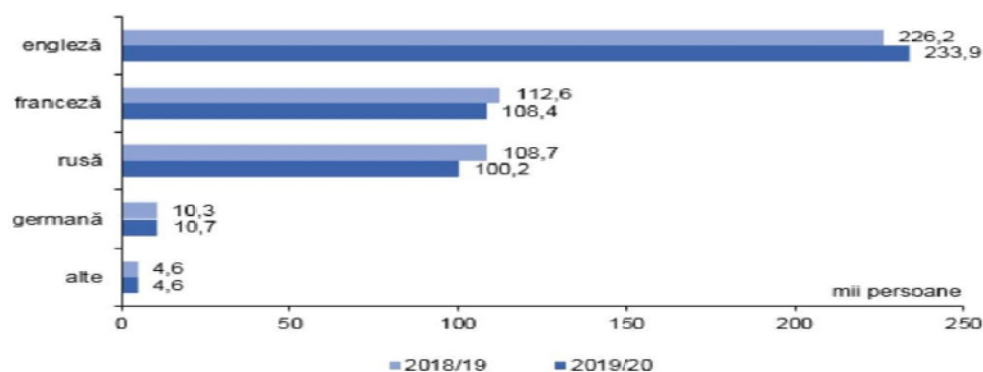

Рис. 2. Соотношение изучаемых иностранных языков (английский, французский, русский, немецкий, другие) в 2018–2019 и 2019–2020 учебных годах

Принципы преподавания русского языка в школах с молдавским языком обучения

Преподавание, изучение и оценивание по русскому языку как иностранному регулируются Национальным kurikulumом, пересмотренным и обновленным в 2019 году. Изучение русского языка как иностранного в школах с государственным языком обучения делится на два этапа: комплексное (V–VII классы) и интегрированное (VIII–IX классы) обучение. В качестве основного в обучении русскому языку как иностранному используется коммуникативно-деятельностный подход. Организация процесса преподавания русского языка как иностранного в школах с молдавским языком строится на многочисленных принципах, среди которых можно выделить целенаправленность, мотивированность и опору на родной язык учащихся. Общей целью изучения русского языка на всех этапах является формирование коммуникативной компетенции, т. е. способности к общению во всех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме. Коммуникативная компетенция, в свою очередь, подразделяется на следующие составляющие: языковую, речевую, предметную, прагматическую. Особое внимание на этапе комплексного обучения уделено прагматической компетенции, так как именно она призвана сформировать у учащихся знания о России и традициях русского народа в отсутствие культурного фона, а также умение использовать данные знания для успешного

взаимодействия и представления своей собственной культуры на русском языке [5].

Молдова – многонациональное государство, следовательно, поддержание межкультурного диалога и взаимодействия, формирование уважительного отношения к представителям других национальностей должно являться приоритетным и формироваться еще в начальной школе. Помимо вышеописанных компетенций и субкомпетенций, обучение русскому призвано сформировать у учащихся определенное ценностное отношение к русскому языку как к языку межнационального общения. К концу 9 класса ученики должны быть способны осознавать и понимать роль и значение русского языка для установления взаимоотношений и конструктивного сотрудничества с людьми (сверстниками, взрослыми) других национальностей в той или иной области совместной деятельности (бытовой, игровой, учебной, спортивной, социальной, культурной и т. д.), а также проявлять желание и интерес общаться на русском языке [5].

Предисловие из учебника по русскому языку для 5-го класса:

Дорогие друзья!

Мы начинаем вместе изучать русский язык – один из самых красивых и выразительных языков мира. На этом пути нам будут сопутствовать русские народные сказки, стихотворения и песни. Наше путешествие по России, по ее селам и городам будет интересным и захватывающим. Для этого нам нужно для начала научиться читать и писать с помощью данного учебника.

Желаем вам успехов!

Авторы¹ [1].

Кроме формирования ценностного отношения к русскому языку, одним из важнейших принципов преподавания в национальной школе является опора на родной язык учащихся, поэтому особое внимание на начальном этапе изучения уделяется феномену интерференции. В переизданном в 2020 году учебнике для 5-го класса появилась рубрика «Сравни» и специальные задания, помогающие учащимся преодолеть трудности, связанные с различием двух языков. Работа по предотвращению интерференции происходит на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях. Так, например, уже на первых уроках при обучении письму детям предлагается обратить внимание на строчные буквы *м, н, р* в русском и *т, п, р* в молдавском (румынском).

Подобные упражнения предлагаются и для борьбы с интерференцией на фонетическом уровне: *поднимите зелёную карточку, если услышите в начале слова [э], и красную, если услышите [йэ]; поднимите зелёную карточку, если в слове есть Ь, и красную карточку, если его в слове нет: угол, уголь, ель, ел, пальто, альбом, мальчик, полка, Ольга, Алла.* Здесь же ученикам необходимо сравнить различие в произношении русских и молдавских слов: *Olga – Ольга, albit – альбом, palton – пальто* [1, с. 12–14].

В послебукварный период продолжается работа по предотвращению интерференции на лексическом и морфологическом уровнях. Здесь пристальное внимание уделяется роду существительных, использованию предлогов и падежей, так как именно эти явления русского языка вызывают наибольшую трудность у молдавских школьников:

имя – имена – nime – nime;

платье – платья – rochie – rochii;

дерево – деревья – copac – copaci [1, с. 12–14].

Это стол. – Книги лежат на столе. – Книги лежат на столах.

Aceasta este o masă (Nom. Sg-3). – Cărțile stau pe masă (Acc. Sg-3). – Cărțile stau pe

¹ Перевод с румынского наш. – А. В.

mesec (Acc. Pl-3).

Это *cad*. Мы работаем *в cadу*. – Aceasta este o *gradină* (Nom. Sg-3). – Noi lucrăm *în grădină* (Acc. Sg-3) [4].

Упражнения по преодолению интерференции представлены в учебниках только до 7 класса включительно. К сожалению, на этапе интегрированного обучения, когда учащиеся уже начинают писать сложные сочинения, синтаксическая интерференция не учитывается. Ниже представлены примеры интерференции из сочинений учеников 8-го класса (орфография и пунктуация авторов сохранены):

И сейчас речь не о новой прическе мамы или новые ногти подруги.

Возможно для богатого, счастье заключается в деньгах и успехе, а для более бедного возможно так же деньги, но и семья.

Счастье это состояние мозга вызванный воздействием на центр удовольствия.

Я его (снег) так ждала, санки только не хватают.

У нас существенно упал число зараженных и люди расслабились.

Люблю гулять по городу, могу целый маршрут приготовить.

Для другого новые знания или познания новых мест.

Несмотря на то, что государство гарантирует право на изучение русского языка, его положение в сфере образования продолжает стремительно ухудшаться. На сегодняшний день в Молдове число школьников, изучающих русский язык в школе с молдавским языком обучения, постоянно сокращается из-за программы оптимизации школ, все более частого выбора иного языка в качестве второго иностранного, а также в некоторых случаях нежелания или невозможности школы организовать обучение русскому языку. По данным Главного управления образования, молодежи и спорта Кишинева, еще в 2017 году 24 столичные школы полностью отказались от преподавания русского языка. Представители власти не видят поводов для критики: «Мне кажется, что, так как сегодня в кодексе сформулирована идея изучения языков, ничей интерес не ущемляется», – заявила еще в 2015 году Майя Санду в одном из интервью местным СМИ [6].

Абсолютно противоположного мнения придерживаются преподаватели русского языка как в русских, так и в молдавских школах. По их мнению, политики делают все, чтобы «задавить» русский язык любыми способами, а ситуация с преподаванием русского языка с каждым годом становится все хуже и хуже, даже в русских школах. Учителя признаются, что на практике всё намного сложнее, чем описано в куррикулуме. В государственных молдавских школах «самой большой бедой остается изучение грамматики», среди особенно сложных для усвоения тем выделяются «правописание слов с мягким знаком, ча–ща, жи–ши, 2-е лицо единственного числа, тся–ться, постановка запятых». Серьезной проблемой также является нехватка преподавателей. Из-за того, что учителя вынуждены набирать непомерное количество часов, нагрузка возрастает, и становится невозможным уделить должное внимание каждому ученику. Это осложняется тем, что учебники русского языка как иностранного не предусмотрены для различного уровня владения языком, из-за чего дети на уроках часто не заинтересованы.

Однако несмотря на сложности и проблемы в системе образования, преподаватели в частных беседах указывают на довольно высокий процент владения русским языком среди школьников: «Разговорный язык у них хорошо развит, особенно у детей из смешанных семей или у тех, чьи родители работают в России. Также хороший уровень русского объясняется тем, что дети с малого возраста находятся в языковой среде, они постоянно слышат русскую речь как на улице, так и при просмотре фильмов, мультиков, пользуются русскими Интернет-порталами».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что русский язык занимает в Молдове прочное положение в сфере письменно-бытового и устно-бытового общения. Учитывая

настоящую политическую ситуацию и сильную зависимость языковой политики государства от властей, на данный момент довольно трудно предположить, как дальше будет проводиться обучение русскому языку в школах с государственным языком обучения. Но желание молодого поколения учить русский и довольно хороший уровень владения языком дают возможность предположить, что, вопреки попыткам вытеснить русский язык из образования, он не исчезнет с территории Республики Молдова.

Литература:

1. Волковская М., Горбачева Н. и др. Русская речь. Manual pentru clasa a V-a. Chişinău: Prut internațional, 2020.
2. Закон № 3465 от 01-09-1989 «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» [Электронный ресурс]. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=85725&lang=ru (дата обращения: 11.03.2021).
3. Национальное бюро статистики РМ [Электронный ресурс]. URL: <https://statistica.gov.md/pageview.php?l=ru&id=2819&idc=350> (дата обращения: 03.03.2021).
4. Пригорски А., Лука Е., Шиловский Б. Русский язык. Manual pentru clasa a VI-a. Chişinău: Prut internațional, 2020.
5. Русский язык и литературное чтение. Куррикулум для гимназий с румынским языком обучения (V–IX классы) / Министерство просвещения Республики Молдова. Кишинев, 2019.
6. Санду М. Нужно хотеть учиться, а не платить [Электронный ресурс]. URL: <https://newsmaker.md/rus/novosti/mayya-sandu-nuzhno-hotet-uchitsya-a-ne-platit-971/> (дата обращения: 04.03.2021).
7. Şevcenco R. Începuturile politicii lingvistice a regimului sovietic în RSS Moldovenească. Revista de Istorie a Moldovei 3(21)/2007, p. 68–72.

Vasileva Anna
ana.vasiliev7@gmail.com
Eotvos Lorand University
Budapest, Hungary

PECULIARITIES OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHING IN MOLDOVAN SCHOOLS AFTER THE USSR COLLAPSE

The events of the late 1980s led to significant changes in the geopolitical status of Moldova and other post-Soviet and post-socialist states and, consequently, in their educational systems, language policy and spheres of Russian language functioning. The changes also affected the conditions of Russian language teaching in schools with Moldovan (Romanian) language of instruction. From a compulsory subject Russian has turned into a freely chosen second foreign language after English. Today Russian as a second foreign language is studied by more than 100 thousand students throughout the republic. The paper describes the peculiarities of teaching Russian as a foreign language in Moldovan schools, examines the requirements for the academic subject according to the National Curriculum, gives examples of tasks aimed at overcoming interference, analyzes the most typical interference errors for Moldovan students. In conclusion we provide the teachers' opinion and forecasts about the future of Russian language teaching in the context of today's European integration course of the country. The research materials were collected based on data provided by National Bureau of Statistics in Republic of Moldova, National Curriculum and textbooks of Russian as a foreign language, legislative acts, interviews with teachers and

essays of students from Moldovan schools. The results of this work can be used to improve the materials and methods of teaching Russian language in national schools, to preserve and develop the Russian language both on the territory of Moldova and in other post-Soviet states. Also, the results can also be useful to any RFL teacher working with interference errors.

Keywords: *interference; errors; Russian as a foreign language; post-Soviet space; teaching.*

УДК 81-13

Геймбух Елена Юрьевна

доктор филологических наук

gejmbuh@rambler.ru

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-2129-9876

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РЕЧИ И В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Актуальность и новизна исследования определяются как новыми подходами в обучении русскому языку как иностранному (включение в лексический минимум разговорно-сниженной лексики), так и языковым материалом, который обязан своим появлением специфике современной ситуации («карантинки»). Основная цель статьи – определить проблемы, связанные с предъявлением иностранцам разговорно-сниженной лексики, и наметить пути их разрешения. Одной из возможных форм предъявления разговорной лексики является новый жанр – карантинки. Карантинки имеют различные формы воплощения и дают возможность реализовать коммуникативную направленность обучения русскому языку как иностранному. Карантинки могут быть востребованы не только на занятиях по стилистике, они также могут использоваться при изучении лексики, морфемике и словообразовании. Изучение карантинки позволяет также дать представление иностранцу о русской языковой картине мира и языковой личности русского человека, реализованных в том числе и в отношении к пандемии коронавируса: вера в себя, возможность в возбужденном состоянии горы свернуть, хвастовство и расплата за него, соблюдение / нарушение установленных порядков, неприятие крайностей (ковидиот), чуткость к языку.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный; разговорно-сниженная лексика; карантинки; русская языковая картина мира.*

Долгое время иностранцев учили только «правильному» русскому. Но приехавшие в Россию студенты не всегда понимали своих ровесников и однокурсников – молодежный и студенческий сленг были им недоступны. Новейшие технологии РКИ включают в сферу изучения и разговорную речь, и сленг. Лексика за пределами книжной включена и в приложение «Разговорно-сниженная лексика», и в «Лексический минимум Третьего уровня общего владения русским языком как иностранным». Своего рода подведением итогов обсуждения вопроса «Какому русскому учить иностранцев» стала статья Н.П. Андрюшиной, И.Н. Афанасьевой и др. «Разговорно-сниженная лексика в Лексическом минимуме Третьего уровня общего

владения русским языком как иностранным». Авторы указывают на необходимость, с одной стороны, «обеспечить ... потенциальные коммуникативные потребности иностранного русиста-филолога ограниченным списком наиболее частотной разговорно-сниженной лексики (за исключением обценной)», с другой – более близкое знакомство со сниженной лексикой («детальное ознакомление с коннотативными компонентами значения жаргонных слов», что поможет, «во-первых, адекватно понять коннотацию представленной субнейтральной лексики, во-вторых, воздержаться от ее необдуманного употребления» [1]).

Так как современная теория РКИ имеет коммуникативные основания, то встает вопрос о том, какие речевые жанры необходимо брать для ознакомления иностранцев со сниженной лексикой. Выбор здесь, безусловно, огромный, в частности, антипословицы, демотиваторы, мемы и другие креативные явления современной речи. Мы остановимся на таком частном, временном и преходящем жанре, как карантинка, т. е. словесное или креолизованное (поликодовое) высказывание, связанное с пандемией коронавируса. Содержание и форма карантинки бесконечно разнообразны, мы же отбираем для занятий материал, представляющий русского человека как креативную натуру, для которой характерна ирония и самоирония и которая в самых сложных жизненных ситуациях видит свет в конце тоннеля. Другими словами, изучение разговорно-сниженной лексики направлено на дополнение представлений о русской языковой картине мира и языковой личности русского человека.

Классификация материала¹ ведется по различным основаниям:

- первое – жанры-источники, т. е. исходные жанры, преобразованные в карантинки; это могут быть стихотворные и прозаические тексты, иногда значительного объема. Мы отбираем лаконичные жанры: пословицы и антипословицы, речевые шутки, каламбуры, анекдоты и др., что обеспечивает возможность осмысления на протяжении одного занятия и смыслового наполнения карантинки, и роли сниженной лексики в выражении смысла;

- второе основание классификации – стилевая принадлежность изучаемой лексики: разговорные элементы (в рамках кодифицированной нормы), просторечия, жаргон/сленг (общий жаргон, молодежный сленг и др.); понятие «общий жаргон» нуждается в дополнительном изучении в аудитории, для которой русский язык не является родным;

- третье основание – языковые признаки: уровень языка, маркирующий отступления от книжной речи (в наших примерах это в основном лексика и словообразование).

Изучение сниженной лексики в **пословицах** и **поговорках** позволяет достичь двух целей: с одной стороны, обратить внимание на устаревшие слова (которые сейчас воспринимаются как сниженные, просторечные) и показать активное использование в речи пословиц как живых моделей для выражения актуальных смыслов; с другой стороны, восстановить оригинальные высказывания и проследить наличие / отсутствие содержательных и коннотативных изменений:

- *На карантин надейся, а сам не **плошай**!* (исходное «На бога надейся, а сам не плошай» со значением «Бог помогает тому, кто не допускает оплошности, промаха». Здесь интересна внутренняя форма глагола, которая может помочь иностранцу в определении значения лексемы. Данное выражение не изменило значения при замене одного из элементов высказывания);

- *Не так страшен ковид, как его **малюют*** (исходное «Не так страшен черт, как его малюют» в значении: «Не так страшно, как говорят»);

¹ Материал собран совместно с магистрантом направления «Русский язык в поликультурном образовательном пространстве» Е.И. Асеевой.

• *С бешеной собакой семь верст – все в кайф* (исходное «Для бешеной собаки семь верст – не крюк» в значении «Прилагать чрезмерные усилия для достижения цели». Вследствие структурных изменений данное выражение буквализируется (т. е. прочитывается не в переносном, а в прямом значении), в нем меняется как содержательная, так и эмоционально-оценочная составляющие: в период «сидимства» преодоление большого расстояния воспринимается не как чрезмерное усилие, а как удовольствие).

Сниженная лексика часто встречается в **анекдотах**, которые в силу своей лаконичности и занимательности также являются востребованными жанрами при изучении слова за пределами кодифицированной нормы:

- *Но помни, Золушка, ровно в 23 часа твоё платье превратится в лохмотья...*
- *А разве не в полночь, крёстная?*
- *Прости, **мать**, новые ограничения, всё до 23-х только работает!*

Просторечное в качестве обращения слово «мать» позволит напомнить обучающимся о том, что в полисемантах разные значения могут иметь разную стилевую окраску, как и в следующем анекдоте:

- *Алло, дорогая, я в магазине. Что **брат**?*
- *Ты маске?*
- *Да.*
- ***Бери** кассу!*

Нейтральное «брат» отличается от жаргонного «брат» не только стилистической окраской, но и значением: криминальное «брат» значит «красть, грабить».

Иногда на материале пословиц можно показать, как меняется значение слова с течением времени. Так, в пословице *Один **пахет** – семеро на карантине пляшут* слово «пахать» потеряло свое исходное значение («взрыхлять почву для посева» [5, с. 427]) и воспринимается как **сленговое** «работать, функционировать» [9].

Приобретение словом новой, «коронавирусной», семантики, можно проследить на примере «употребления слова *корона* в специфическом «пандемийном» значении «коронавирус»:

Человек: Я – царь природы!

*Природа: Ну царь так царь. На **корону**» [2].*

Жаргонные / сленговые выражения, как и фразеологические единицы, часто становятся основой **шуточных** высказываний:

- *мебельный бизнес дал дуба;*
- *производители масок зашиваются;*
- *авиаперевозчики в пролете;*
- *турагенты ждут у моря погоды;*
- *в ресторанах запахло жареным;*
- *фитнес-клубы протягивают ноги;*
- *парфюмерия выпускает дух.*

На примере приведенных высказываний (и множества подобных) можно рассмотреть не только семантику и коннотативную направленность фразеологизмов, но и показать средства создания комического эффекта: в данной модели предложения рематическая составляющая со значением «завершил существование», «оказался в трудном положении» коррелирует с названием производственной деятельности в первой части (из дуба делают мебель, производить маски – значит шить их и т. п.), в результате чего появляется скрытый каламбур. Кроме того, материал прямо подталкивает к разговору о синонимах, парафразах и эвфемизмах, которые также являются средством выразительности в случае, когда карантинки представлены как цикл.

Отдельного разговора заслуживает такое переосмысление исходного выражения (разговорного или жаргонного характера), когда меняется не только коннотативная окрашенность, но и смысловая наполненность высказывания: *«Угрожающая фраза «Ты чё, нюх потерял?» обрела новый смысл. Теперь это заботливый вопрос о Вашем здоровье»; «В связи с опасностью коронавируса фразу «Да чихать я на тебя хотел» следует признать экстремистской»; «"Не все дома" – это не оскорбление, а статья УК РФ в условиях карантина»* (последние два примера – из статьи О.Е. Вороничева [2, с. 231]). В данных высказываниях, как и в пословицах и фразеологизмах, также следует определить исходное и новое значения и объяснить их отличия (буквализация выражения, для которого характерно переносное значение).

В карантинках используются не только те разговорные и сниженные слова / выражения, которые есть в языке, но и те, которые возникли в период пандемии. И хотя новообразования пополняют не только разговорную, но и книжную лексику, мы отбираем материал, соответствующий нашим целям (примеры взяты из статьи Е.И. Головановой и С.И. Маджаевой «О словаре эпохи пандемии коронавируса» [3]):

Ковидиот – обозначает либо человека, который пренебрегает опасностью заражения и не принимает никаких мер против инфекции, либо того, кто слишком серьезно и даже параноидально относится к пандемии и, например, скупает горы туалетной бумаги и тонны гречки.

Погулянцы – те, кто за режим самоизоляции, но с возможностью гулять, и часто даже позволяют себе ходить на небольшие прогулки.

Сидидомцы – люди, выступающие за полное соблюдение режима самоизоляции и призывающие к этому других.

Удаленка (дистанционка) – работа из дома. Слово существовало и раньше, но в условиях самоизоляции приобрело особенный смысл, поскольку работать из дома далеко не всем оказалось комфортно – например, родителям с детьми.

Таким образом, в работе с иностранцами можно активизировать и представления о словообразовательных моделях:

- суффиксальное словообразование (*погулянцы*);
- универбация (*удаленка, дистанционка, сидидомцы*);
- междусловное наложение (*ковидиот*).

Итак, карантинки представляют собой богатый материал для изучения разговорно-сниженных элементов при обучении русскому языку как иностранному. И хотя карантинки могут служить основным объектом изучения на занятиях по стилистике, они также могут быть востребованы и при изучении лексики, морфемики и словообразования.

Какие же представления о русской языковой картине мира и языковой личности русского человека иностранец может получить из данного материала? Вера в себя, возможность в возбужденном состоянии горы свернуть, хвастовство и расплата за него, соблюдение / нарушение установленных порядков, неприятие крайностей (*ковидиот*), чуткость к языку.

Интересно, что на явления, происходящие в языке в период пандемии, лингвисты откликнулись очень оперативно, и в настоящее время довольно много работ, посвященных новой «пандемической» лексике (в том числе и в сопоставительном аспекте, в сравнении с европейскими языками) (О.Е. Вороничев [2], Е.И. Голованова, С.И. Маджаева [3], А.В. Зеленин, Т.Н. Буцева [4], А. Романик [8]), словообразовательным моделям новых слов (Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, И.В. Палоши [7]), даже новым концептам (Т.Б. Радбиль [6]). Наличие подобных исследований создает теоретический фундамент обучения иностранцев актуальным явлениям в русском языке.

Литература:

1. Андриюшина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. Разговорно-сниженная лексика в Лексическом минимуме Третьего уровня общего владения русским языком как иностранным // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному: Сб. статей. М.: МГОУ, 2017. С. 9–13.
2. Вороничев О.Е. Лексические и фразеологические средства экспликации каламбура в русском речевом пространстве интернета в период пандемии коронавируса // Дискурс социальных проблем в социокультурном, образовательном, языковом пространстве в период пандемии коронавируса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С. 315–323.
3. Голованова Е.И., Маджаева С.И. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 48–55.
4. Зеленин А.В., Буцева Т.Н. От сидидомцев до коронапофигистов (наименования лиц в период пандемии коронавируса) // Русский язык в школе. 2020. № 6. С. 97–106; Русский язык в школе. 2021. № 1. С. 74–85.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.
6. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774.
7. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.
8. Романик А. Лексические новации русского языка в период пандемии коронавируса // Новые слова и словари новых слов: Сб. научных статей. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. С. 137–144.
9. Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс]. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/молодежный-сленг/> (дата обращения: 15.07.2021).

Geimbukh Elena Yuryevna
Doctor of Philological Sciences
geimbuh@rambler.ru
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russia

NEW PHENOMENA IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The relevance and novelty of the research are determined both by new approaches to teaching Russian as a foreign language (including colloquially reduced vocabulary in the lexical minimum), and by the language material, which owes its appearance to the specifics of the modern situation ("quarantine"). The main purpose of the article is to identify the problems associated with the presentation of colloquially reduced vocabulary to foreigners, and to outline ways to solve them. One of the possibilities of presenting colloquial vocabulary is a new genre-quarantines. Quarantine programs have various forms of implementation and make it possible to realize the communicative orientation of teaching Russian as a foreign language. Quarantines can be in demand not only in stylistics classes, they can also be used in the study of vocabulary, morphemics and word formation. Russian quarantines also allow us to give an idea to a foreigner about the Russian language picture of the world and the language personality of a Russian person, which is realized, among other things, in relation

to the coronavirus pandemic: self-belief, the ability to turn mountains over in an excited state, bragging and paying for it, compliance / violation of established procedures, rejection of extremes (covidiot), sensitivity to language.

Keywords: *Russian as a foreign language; colloquially reduced vocabulary; pictures; Russian language picture of the world.*

УДК 81-13

Дьёрфи Беата
bgyorfi@lit-u.szeged.hu
Сегедский университет
Сегед, Венгрия

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ В ВЕНГЕРСКИХ ВУЗАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Настоящая статья представляется «документом эпохи», поскольку в ней описывается опыт онлайн-обучения на четырёх отделениях русского языка в Венгрии. «Впечатления» студентов и преподавателей собраны при помощи онлайн-опросников. Вопросы касаются технической стороны дистанционного обучения, деталей подготовки к занятиям, организации работы, проведения контроля и степени удовлетворенности данным форматом обучения. С точки зрения исследования, особенно интересными представляются вопросы, относительно которых мнения преподавателей и студентов расходятся.

Ключевые слова: *онлайн-обучение; обучение РКИ; онлайн-платформа; онлайн-оценивание.*

В Венгрии во время первой волны пандемии коронавируса, в марте 2020 г., все вузы ввели дистанционное обучение. С тех пор с большими или меньшими перерывами преподавание проходит в онлайн-формате. Конечно, новый онлайн-режим во многом изменил систему обучения и бросил вызов как преподавателям, так и студентам. Следовательно, по тематике обучения в онлайн-формате появилось множество статей, проводились исследования, данной темы касались и вебинары.

Цель настоящей статьи – выявить, насколько эффективным является онлайн-обучение, по мнению участников учебного процесса. Кроме того, приведённое исследование даёт возможность получить общее представление о том, как проводилось онлайн-обучение на отделениях русского языка в венгерских вузах. Таким образом, на основе полученных результатов можно сделать общие выводы, которые могут послужить отправной точкой для дальнейших исследований или сопоставлений.

Статья построена следующим образом: в первой части рассматривается толкование понятия эффективности в области образования, во второй части описываются способы измерения эффективности учебного процесса. Затем представляется способ, принятый для настоящего анализа, и предъявляются результаты исследования.

Что понимается под эффективностью в области образования?

Понятие эффективности связано с разнообразным, многомерным смысловым содержанием. Эффективность является изначально экономическим термином, однако даже в экономике она имеет разные трактовки. Под заголовком *экономическая эффективность* в разных источниках можно найти следующее

определение: «Это величина, определяемая соотношением полученных результатов деятельности человека, производства продукции (товаров или услуг) и затрат труда и средств на производство». В экономическом онлайн-словаре указано два значения термина: 1) получение максимально возможного объёма продукции из данного количества ресурсов; 2) достижение определённых результатов с минимально возможными издержками [1]. По другим определениям, «эффективность выражает связь между количеством расходов и результативностью» [5]. Из экономики термин проник и в другие области, например, в философию, биологию или технические науки.

Эффективность является сравнительно новым термином в области образования. В середине прошлого столетия в Англии начали изучать *добавленную стоимость* в педагогике, а затем *эффективность образования*. В образовании данный термин понимается как синоним к результативности и качества образования (см. Педагогическая эффективность), в других случаях он является эвфемистической формулировкой для сокращения расходов (в этом значении упоминается в форме *рентабельность*) [2, с. 353]. Эффективность стали использовать и по отношению к онлайн-обучению: онлайн-занятие становится эффективным, если педагог может объяснить материал по учебному плану и студенты применяют новые знания [4, с. 13].

Как измеряется эффективность учебного процесса?

Как показывает научная литература, исследователей уже долгое время интересует оценка качества учебного процесса. В последние 50 лет были предприняты попытки разработать модель оценки эффективности обучения. Самыми распространёнными являются четыре метода: модель Киркпатрика, модель Кауфмана, модель оценки обучения Андерсона и метод успешного случая Бринкерхоффа [3]. Данные методы опираются и на объективные, и на субъективные инструменты измерения (кроме тестов используются фокус-группы, контрольные листы поведения, листы реагирования и т. д.).

В последнее время, особенно в отношении онлайн-обучения, вышли в свет ряд исследований, которые изучали эффективность данного режима образования. В этих исследованиях эффективность обучения измеряется либо формальными показателями на выходе учебного процесса (результатами тестирования, оценками или количеством баллов) [7], либо с опорой на субъективные ощущения участников учебного процесса: через интервью и при помощи опросников [2, 8].

Для настоящего анализа из вышеупомянутых методов была выбрана субъективная оценка участников обучения при помощи опросников. Измерение эффективности объективными методами оказалось бы проблематичным по нескольким причинам: с одной стороны, не следует сопоставлять результаты студентов нынешнего года с группами прошлого года, так как сами группы и студенты различны, с другой, не существует такого масштабного экзамена (такого курса), который соответствовал бы целям исследования.

Метод исследования

Исследование проводилось в формате анонимных онлайн-опросников (созданных в гугл-формах), которые были разосланы в четыре венгерских вуза, где работают отделения русского языка (в Печский, Дебреценский, Сегедский и Университет им. Лоранда Этвеша в г. Будапеште). Было составлено два параллельных опросника: один для преподавателей, другой для студентов. Опросники содержали параллельные вопросы, чтобы раскрыть те же проблемы с двух противоположных сторон. Опросники заполнили 18 преподавателей и 84 студента. Опросники содержали 21/22 вопроса. Вопросы были трёх типов: единственного/множественного выбора и в виде шкалы (выбора из сетки). Вопросы касались разных сфер онлайн-обучения: технической информации (формата занятий, выбранной платформы, системы электронного обучения, используемых платформ), деталей подготовки к урокам (временные затраты на подготовку к урокам, типы заданий, объём домашнего задания),

организации работы, проведения оценивания, степень удовлетворенности дистанционным форматом обучения.

Результаты исследования

В данной части рассматриваются и анализируются отдельные вопросы и ответы на них.

Технический фон дистанционного обучения

Как показывают ответы, подавляющее большинство (91 %) онлайн-занятий проводилось в синхронном формате. Каждый университет предоставлял студентам/преподавателям систему электронного дистанционного обучения: в г. Дебрецене и в г. Будапеште это была система Moodle, в г. Пече – Canvas, в г. Сегеде – CooSpace. Что касается уровня удовлетворенности данной системой, то студенты оказались более довольными, чем преподаватели.

Онлайн-семинары на всех отделениях проводились на платформах для организации видеоконференций (см. рис. 1). Самыми популярными платформами по ответам студентов оказались Zoom, Skype и MS Teams. По ответам же преподавателей самыми используемыми платформами были MS Teams, Skype, Zoom, а также Big Blue Button.

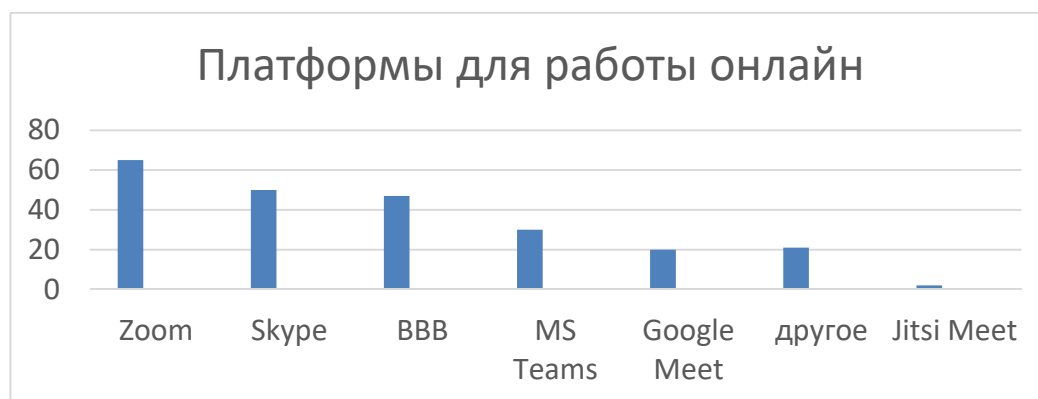

Рис. 1.

Данное явление, вероятно, объясняется тем, что бесплатная трансляция через Zoom возможна только в течение 40 минут, для более длительной связи необходимо приобрести подписку, а университеты не возмещали преподавателям стоимость подписки. Педагоги нашли использование данных платформ более трудным: 52 % студентов-респондентов сказали, что применение видео-платформ для них совершенно просто, тогда как только 28 % преподавателей разделяют это мнение.

Оценивание онлайн-формата обучения

Как студенты, так и преподаватели согласились с тем, что есть разница в эффективности онлайн-занятий по сравнению с оффлайн-уроками, и эта разница сильнее всего ощущается в случае онлайн-семинаров. Разница в эффективности онлайн- и оффлайн-семинаров, по мнению студентов, не так значительна, как по мнению преподавателей. Так, 77 % учащихся замечают разницу в онлайн-обучении по сравнению с 94 % преподавателей.

На вопрос «Насколько вы чувствуете, что удастся объяснить/усвоить материал при онлайн-обучении?» 29 % преподавателей ответили, что полностью удастся, и 47 % сказали, что удастся. Мнение студентов расходится по этому вопросу: 20 % чувствует, что абсолютно удастся, 25 % сказали, что удастся, и 30 % ответили, что более или менее удастся. Таким образом, преподаватели оказываются более довольными своей работой в онлайн-режиме.

Все респонденты сошлись в том, что онлайн-обучение оказывается менее эффективным в некоторых областях (см. рис. 2). Наиболее затронутыми областями представляются развитие говорения, развитие письма и академические семинары.

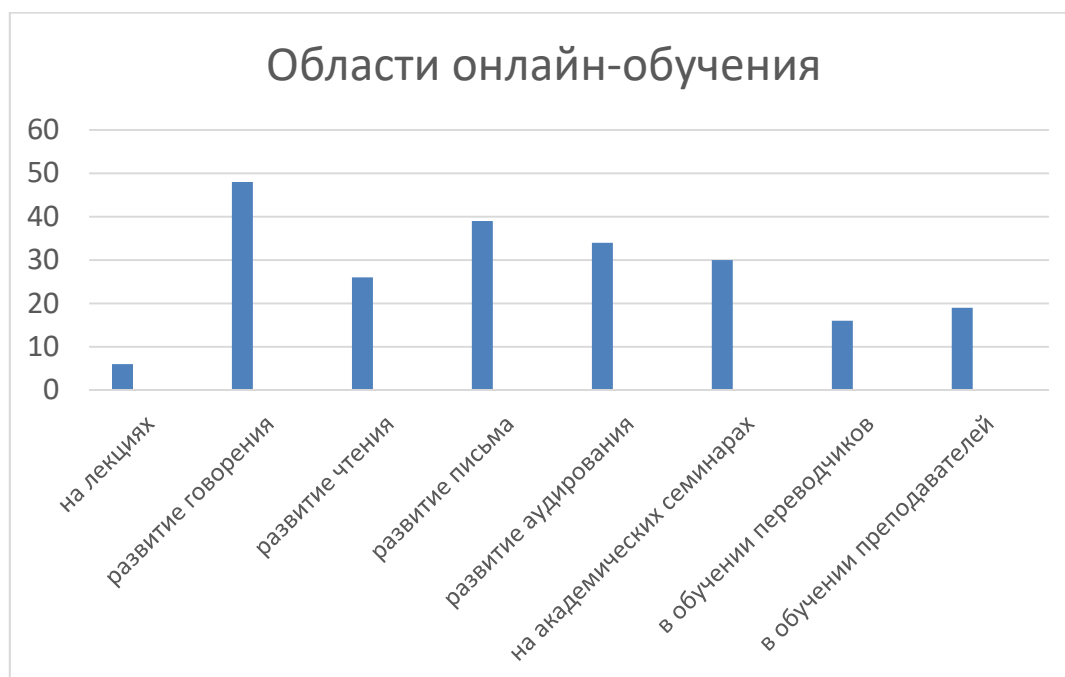

Рис. 2.

Организация и планирование занятий

На вопрос про временные затраты на подготовку к онлайн-семинарам 65 % преподавателей ответили, что готовятся больше, и 35 % сказали, что готовятся столько же, как и к оффлайн-урокам.

В ходе исследования особенно интересными были те вопросы, в ответах на которые отмечаются расхождения между мнениями сторон. Таким является вопрос относительно количества домашнего задания. Большинство (77 %) преподавателей считают, что количество домашнего задания не отличается от оффлайн-режима, и только 23 % сказали, что задает на дом больше материала. Однако только 54 % студентов думают, что нагрузка не изменилась, 40 % полагают, что повысилась, а 6 % считают, что нагрузка осталась прежней.

Опросник касался разницы в формах работы между онлайн- и оффлайн-занятиями. Выяснилось, что доминирующая форма работы на онлайн-семинарах – фронтальная работа, в меньшей степени используется индивидуальная работа и работа в парах или группах; только немногие преподаватели предпочитают проектную работу.

Какие же задания являются самыми распространёнными на онлайн-семинарах? Мнения здесь опять расходятся: преподаватели считают, что чаще всего используется тестирование, на втором месте – чтение и просмотр видеоматериалов, за ними следуют письменные рефераты, презентации, создание подкастов и другие методы. По мнению студентов, преобладают письменные рефераты, реже в работе присутствуют чтение, тестирование, просмотр видео, презентации, подкасты и «другие способы» (рис. 3).

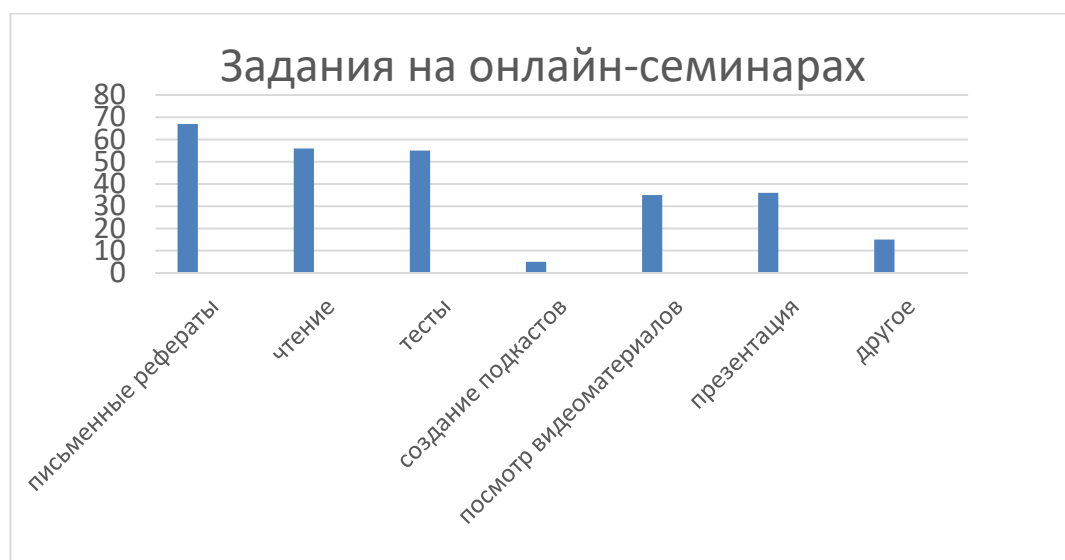

Рис. 3.

Нет согласия и относительно того, отличаются ли эти задания от тех, какими пользуются на оффлайн-занятиях. Большинство (63 %) студентов ответили, что формат работы не отличается, в то время как по мнению 59 % преподавателей различия есть. Возможность высказываться на семинарах студенты оценивали более положительно, чем преподаватели. Однако, по мнению всех сторон, речь преподавателей доминирует на занятиях и происходит мало взаимодействия между студентами.

Проведение оценивания

Оценивание представляется ключевым моментом онлайн-обучения с точки зрения эффективности. И студенты, и преподаватели согласились, что оценивание на онлайн-семинарах проводится с такой же частотой, как и при очной форме обучения. Самой распространённой формой оценивания является онлайн-тестирование. За ним следуют письменные рефераты и устные зачёты. Данная форма оценивания, по мнению 81 % преподавателей, отличается от формы оценивания оффлайн, но 51 % студентов не чувствует такого расхождения.

На вопрос о том, изменились ли результаты студентов при онлайн-оценивании, 58 % студентов ответили, что не заметили никаких изменений, 31 % сказали, что отметки улучшились, а 11 % пожаловались на ухудшение результатов. Согласно 44 % преподавателей, наблюдается улучшение в результатах, 31 % сказали, что нет изменений, а 25 % посчитали, что результаты ухудшились.

Респонденты видят разные причины данных изменений. Большинство студентов в своих ответах написали, что дома испытывают меньше стресса. Они думают, что онлайн-тесты более низкого качества, чем оффлайн-контрольные, а также признают, что в домашних условиях можно списывать или обращаться к интернету. Преподаватели же полагают, что онлайн-тесты не предоставляют возможность для создания проверочных работ такого уровня, как оффлайн и что студенты помогают друг другу и списывают.

Выводы

Все участники учебного процесса в венгерских вузах считают онлайн-обучение менее эффективным, чем оффлайн. Подготовка к онлайн-семинарам требует больше усилий как от преподавателей, так и от студентов. Следует обратить особое внимание на те области онлайн-обучения, где наблюдаются расхождения в оценках преподавателей и студентов (количество домашнего задания, оценивание, взаимодействие между преподавателем и студентами), и выяснить причину разногласий. Области обучения в разной степени затронуты отрицательным влиянием

онлайн-формата: оно пагубно сказалось на развитии говорения и навыков письма, но меньше коснулось подготовки переводчиков.

Литература:

1. Блэк Д. Экономика. Толковый словарь. М.: «ИНФРА М»; М.: «Весь Мир», 2000. 840 с.
2. Ali M., Hossain K., Ahmed T. Effectiveness of E-learning for university students: evidence from Bangladesh //Asian Journal of Empirical Research. 2018. Vol. 8, issue 10. P. 352–360.
3. Downes A. 4 Learning Evaluation Models You Can Use 2016 [Электронный ресурс] URL: <https://elearningindustry.com/4-learning-evaluation-models-can-use> (дата обращения: 15.07.2021).
4. Gyökös E. Az iskolák teljesítményének nyomában – az eredményességtől a hozzáadott értékig // M. Szemerszki (szerk.), Eredményesség az oktatásban – Dimenziók és megközelítések. Budapest: Oktatókutató és Fejlesztő Intézet, 2015. O. 11–24.
5. Hanushek E.A., Lockheed M.E. Concepts of Educational Efficiency and Effectiveness // Human Resources Development and Operations Policy Working Papers. 1994 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/727651468739517517/pdf/multi-page.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).
6. Hermann Z. Az oktatás társadalmi-gazdasági környezete // Hatékonysági problémák a közoktatásban. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://ofi.oh.gov.hu/tudastar/hatekonysagi-problemak/bevezetes> (дата обращения: 15.07.2021).
7. Jabeen S.S., Thomas A.J. Effectiveness of Online Language Learning // Proceedings of the World Congress on Engineering and Computer Science. 2015. Vol. I. WCECS 2015, October 21–23, 2015, San Francisco, USA. P. 287–301.
8. Mihai R.H., Cotoranu D. The Efficiency of the Online Academic Teaching Process During the Pandemic Covid-19 // Educatia 21 Journal. 2020 (19). P. 119–126.

Györfi Beáta

bgyorfi@lit-u.szeged.hu

University of Szeged

Szeged, Hungary

THE EFFECTIVENESS OF ONLINE LEARNING IN HUNGARIAN HIGHER EDUCATION. THE RESULTS OF A QUESTIONNAIRE

The present article is meant to be a „document of a period” in the sense that it describes the experience of online education at four Russian departments in Hungary. The impressions of the students and teachers were gathered with the help of online questionnaires. The questions addressed issues like the technical aspect of online education, preparation for the courses, the details of work organization and the degree of satisfaction with the online format of education. From the investigation point of view those questions where the answers of the students and teachers differ are of particular interest.

Keywords: *online education; teaching Russian as a foreign language; online platforms; online control.*

Йлдырым Ариф

Ph.D.

arifyildirim@erciyes.edu.tr

Эрджиесский университет

Кайсери, Турция

**ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕФИКСАЛЬНОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ
ГЛАГОЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
(В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ С ТУРЕЦКИМ ЯЗЫКОМ)**

Данная статья посвящена анализу префиксального способа образования глаголов русского языка и трудностям при его изучении, с которыми сталкиваются турецкие студенты. Изучение глаголов в грамматическом строе не только родного языка, но и неродного часто вызывает ряд сложностей. В связи с этим в статье рассматривается префиксальный способ образования глаголов русского языка в сопоставлении с турецким языком.

Ключевые слова: *префикс; образование глаголов; глагол; трудности в изучении; РКИ.*

В результате тесного взаимодействия России и Турции в политической, экономической, торгово-промышленной, туристической, технологической, социокультурной сферах значительно возросла потребность в лучшем освоении турецкими гражданами русского языка.

Учащемуся приходится развивать следующие виды речевой деятельности: письмо, чтение, говорение и аудирование. Получаемые в процессе языковые навыки, обеспечивая основу для овладения языком, родным или иностранным, позволяют осуществлять коммуникацию. Именно в этом процессе глаголы играют значимую роль.

Турки, изучающие русский язык, часто сталкиваются со значительными трудностями в изучении русской грамматики. К числу таких трудностей относятся недостаточное представление учеников о флективном характере нового языка, грамматических и синтаксических категориях, падежной системе, грамматических категориях глагола и т. п. К этому можно добавить еще усвоение лексико-семантических категорий глагола, отглагольных частей речи, глагольных форм возвратных глаголов, морфологических способов образований глагола, то есть префиксального, суффиксального и суффиксально-префиксального.

В турецком языке лексико-морфологический способ словообразования более характерен, чем лексико-синтаксический и фонетический способы словообразования. Фонетический способ можно отнести к наименее продуктивному в языке. Благодаря лексико-морфологическому способу, с помощью которого образуются новые слова, происходит переход слов одного грамматического класса в другой. В турецком языке слова образуются на основе морфем. В языке одним из основных компонентов в словообразовании является корень лексемы.

В морфологии турецкого языка любое словообразование и словоизменение происходят агглютинативным способом, с помощью аффиксов, присоединяемых к основе слова, в том числе и глагола.

При словообразовании инфинитив турецкого глагола состоит из двух легко выделяемых элементов: основы глагола + аффикса инфинитива *-mak, -mek*. Следует иметь в виду, что «основы турецкого глагола по своему морфологическому строению

делятся на коренные (основы, не поддающиеся разложению на составные элементы и признаваемые совпадающими с корнем), производные (основы, образованные путем присоединения к именной или глагольной основе специальных аффиксов), сложные (основы, состоящие из имени + вспомогательного глагола или состоящие из комбинации двух глагольных основ, первая из которых является носителем значения, вторая играет служебную роль)» [2, с. 102].

По способу семантизации вновь изучаемого слова выделяются демонстрация предмета, морфологический анализ производных слов, толкование слова, контекстуальный способ и перевод. Среди них морфологический анализ производных слов или морфологический способ образования глагола кажется наиболее сложным для изучающего русский язык.

При морфологическом анализе производных слов определяется словообразовательная структура производного слова (система производящих основ и словообразовательных и формообразовательных аффиксов) и его морфемный состав (система морфем в их отношении друг к другу). Н.Л. Федотова пишет: «Например, у слов *переход* и *прадед* одинаковый морфемный состав – приставка и корень, но разная словообразовательная структура. Слово *переход* образовано бессуффиксальным способом, а слово *прадед* – префиксальным. Использование этого способа возможно только в том случае, если обучаемые знают значение производящего слова и значение аффиксов» [5, с. 59].

Иностранному студенту нужно помнить, что в русском языке существуют следующие способы образования слов: аффиксация (образование слов с помощью разных приставок и суффиксов), словосложение (создание сложного слова из двух или больше корней) и безаффиксальный способ (переход слова в другие части слов). Важно отметить, что среди перечисляемых приемов наиболее широко распространены у глаголов префиксация и суффиксация.

Для русского языка характерен аффиксальный способ образования слов, в который входят приставки и суффиксы. Аффиксы, то есть морфемы с грамматическим значением, подразделяются на приставки (префиксы), суффиксы и окончания. Напомним, что префиксы – это морфемы, стоящие перед корнем и изменяющие его грамматическое или лексическое значение, именно они и являются центром нашего интереса в данной работе.

Префиксальный способ является продуктивным в словообразовании глаголов. Словообразовательные группы со следующими префиксами составляют префиксальное словообразование у глаголов: *в-/во-, вз-/взо-, воз-/возо-, вы-, де-/дез-, дис-, до-, за-, из-/изо-, на-, над-/надо-, недо-, низ-/низо-, о-, об-/обо-, от-/ото-, пере-, по-, под-/подо-, пре-, пред-/предо-, при-, про-, раз-/разо-, ре-, с-/со-, у-* и т. п.

Префиксальные глаголы чаще всего относятся к совершенному виду и мотивируются глаголами несовершенного вида (*писать – переписать*); в то же время «значительно реже в качестве мотивирующих выступают глаголы совершенного вида (*прыгнуть – выпрыгнуть*) или двувидовые (*наследовать – унаследовать*). Префиксальные глаголы несовершенного вида имеют префиксы *пред-, со-* (а также *дис-* в единичном *дисгармонировать*), префиксальные двувидовые глаголы – префиксы *де-, дис-* и *ре-*; отдельные двувидовые глаголы имеются среди глаголов с некоторыми другими префиксами, например: *дооборудовать, недоиспользовать, перерасходовать*» [4, с. 53].

В книге Д.Э. Розенталя «Современный русский язык» четко объясняется, как именно префиксы различаются по функции: «а) словообразовательные (*словообразующие*), служащие для образования новых слов: *анти-научный* (*словообразовательная приставка*); б) формообразующие, служащие для образования форм слов: *на-писать* (*формообразующая приставка*); в) словоформообразующие,

совмещающие в себе функции словообразования и формообразования: *пере-читать* (приставка, меняющая лексическое и грамматическое значение основы)» [3, с. 167].

Производные слова, образованные префиксальным способом, все время относятся к той же части речи, к которой относятся производящие слова. Префиксальный способ используется в образовании всех знаменательных частей речи, но наиболее продуктивен он при образовании новых глаголов. Например: *за-жи-ть* ← *жи-ть*; *до-жи-ть* ← *жи-ть*; *про-жи-ть* ← *жи-ть*; *пере-жи-ть* ← *жи-ть* и т. д.

В русском языке глаголы имеют следующие префиксальные значения: значение направленности действия в пространстве; значение направленности к чему-либо, приближения, присоединения, добавления; значение удаления от чего-либо, отделения; значение доставки из разных мест в одно, соединения; значение направленности в разные стороны, распространения, разъединения; значение направленности, помещения, проникновения во что-либо; значение удаления чего-либо откуда-либо; значение направленности действия на поверхность чего-либо; значение удаления с чего-либо, очищения чего-либо; значение направленности действия вниз, значение направленности действия снизу вверх; значение помещения чего-либо между предметами или частями одного предмета; значение распространения действия на часть предмета; значение направленности действия мимо чего-либо; значение направленности действия куда-либо; значение перемещения, продвижения вперед, преодоления какого-либо расстояния; значение направленности действия сквозь что-либо, вглубь; значение направленности действия из одного места в другое, через что-либо; значение уещения кого- или чего-либо в каком-либо пространстве и др. [4, с. 427]. Для того чтобы передать эти значения с помощью турецкого глагола, часто приходится добавлять еще одно слово или фразу к этому глаголу, но не префикс.

Теперь рассмотрим варианты и значения глаголов *жить*, *верить*, *дать* [1, с. 113] с префиксальными образованиями, сопоставляя их с турецким:

- **жить** (НСВ) – *турец. yaşamak* ← существовать/обитать, быть где-либо/вести какой-либо образ жизни/считать что-либо главным в жизни;
- **пожить** (СВ) – *турец. kısa süreliğine yaşamak, bulunmak* ← жить, быть где-либо недолго;
- **прожить** (СВ) – *турец. bir yerde/biriyle belirli bir süre yaşamak/geçirmek* ← просуществовать/пробыть какое-либо время где-либо/с кем либо;
- **проживать** (НСВ) – *турец. ikamet etmek* ← иметь определенный адрес;
- **переживать/пережить** – *турец. birtakım olaylara tanık olmak, görmek geçirmek/endişelenmek/birinden daha fazla süre yaşamak* ← быть/стать участником каких-либо событий и/или испытывать/испытать связанные с этим чувства // (СВ) прожить дольше кого-либо // волноваться за кого/что-либо;
- **оживать/ожить** – *турец. canlanmak, yeşermek, yeniden doğmak* ← возрождаться/возродиться;
- **выживать/выжить** – *турец. hayatta kalmak* ← оставаться/остаться в живых (в тяжелых условиях, после болезни и т. п.);
- **заживать/зажить** – *турец. iyileşmek, düzelmek* ← становиться/стать здоровым (о ранах, шрамах, ожогах, царапинах);
- **приживаться/прижиться** – *турец. uyum sağlamak, adapte olmak* ← адаптироваться;
- **уживаться/ужиться** – *турец. geçinmek, uyum içinde yaşamak* ← налаживать/наладить мирную жизнь с кем-либо, где-либо/сосуществовать;
- **обживать/обжить** – *турец. yaşanılır hale getirmek, yerleşmek* ← приспособлять/приспособить для себя;

- **верить/поверить** [1, с. 88] – *tureç. inanmak/bir şeyin doğruluğunu, yanlışlığını saptamak* ← устанавливать/установить правильность или ошибочность чего-либо;

- **удостоверяться/удостовериться** – *tureç. emin olmak, doğrulamak* ← убеждаться/убедиться в реальности чего-либо;

- **доверять** – *tureç. güvenmek* ← знать, что человек не может/сможет обмануть, делать/сделать плохо;

- **уверять/уверить** – *tureç. temin etmek* ← убеждать/убедить кого-либо в чем-либо. Делать/сделать так, чтобы кто-либо поверил во что-либо;

- **давать/дать** [1, с. 173] – *tureç. vermek, müsaade etmek* ← предоставлять/предоставить в чье-либо распоряжение // производить/произвести – приносить/принести – обеспечивать/обеспечить // позволять/позволить что-либо;

- **отдавать/отдать** – *tureç. geri vermek, teslim etmek, feda etmek, bir şeyi belirli bir süreliğine bir amaç için bir yere vermek* ← возвращать/вернуть что-либо, посвящать/посвятить, жертвовать/пожертвовать // отказываться/отказаться от чего-либо добровольно // устраивать/устроить кого-либо куда-либо // давать/дать что-либо куда-либо на какой-либо срок с какой-либо целью;

- **сдавать-сдать** – *tureç. bir şeyi belirli bir süreliğine bir amaç için bir yere vermek (resmi durumlarda), kiraya vermek, kiralamak, sınav vermek* ← давать/дать что-либо куда-либо на какой-либо срок с какой-либо целью (официальная ситуация), давать/дать какое-либо помещение на какой-либо срок за плату // проходить/пройти оценку своих знаний/умений;

- **передавать/передать** – *tureç. iletmek, aktarmak, bildirmek, radyoda/televizyonda yayınlamak, aktarmak (his, duygu, düşünceleri)* ← отдавать/отдать, посылать/послать что-либо через третье лицо // сказать/сообщать/сообщить/рассказывать/рассказать//показывать/показать/транслировать по радио/телевидению // выразить/выразить/формулировать/сформулировать/показывать/показать (чувства, мысли и т. п.);

- **раздавать/раздать** – *tureç. dağıtmak* ← распределить что-либо между кем-либо;

- **подавать/подать** – *tureç. sunmak, sunum gerçekleştirmek, yazılı biçimde belge sunmak, evrak teslim etmek, vermek* ← давать/дать в качестве услуги // предоставлять/предоставить куда-либо какой-либо документ в письменной форме.

Таким образом, из-за разных языковых систем русского и турецкого языков при изучении префиксального способа образования глаголов русского языка турки часто сталкиваются с трудностями. Трудность в основном заключается в том, что, в отличие от турецкого языка, в русском различное значение придаётся с помощью префиксов, которое в переводе на турецкий часто имеет иногда аналитический, но иногда и синтетический способ выражения грамматического значения. В русском языке из одной основы глагола или корня благодаря префиксам образуются новые глаголы с новым лексическим значением. В турецком же языке все эти глаголы выражаются совсем иными словами или корнями слов. Именно поэтому турками часто путаются глаголы с такими новыми лексическими значениями либо при образовании их во время изучения, либо в употреблении их в речи. В русском глагольном управлении глаголы с префиксальным способом образования нередко употребляются с существительными в косвенных падежах, что также может вызывать затруднения у изучающего русский язык населения Турции.

Литература:

1. Киселева М.С. Лексика и словообразование. 4-е издание, стереотипное. М.: Флинта-Наука, 2017. 296 с.
2. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка / А.Н. Кононов; АН СССР, Ин-т востоковедения; [отв. ред. С.Е. Малов]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 312 с.
3. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б, Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2017. 444 с.
4. Улукханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Глаголы, мотивированные глаголами / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2017. 430 с.
5. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). СПб., 2013. 192 с.

Yıldırım Arif

Ph.D.

arifyildirim@erciyes.edu.tr

Erciyes University

Kayseri, Turkey

DIFFICULTIES IN LEARNING THE PREFIX WAY OF FORMING RUSSIAN VERBS (IN A COMPARATIVE ASPECT WITH THE TURKISH LANGUAGE)

This article is devoted to the analysis of the prefixal method of verb formation in Russian language and the difficulties in its study that Turkish students face. The study of verbs often causes a number of difficulties both in grammatical structure of a non-native language and in native one. In this regard, the article discusses the prefixal method of verbs formation in Russian language in comparison with the Turkish language.

Keywords: *prefix; verb formation; verb; difficulties in learning; Russian as a foreign language.*

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

УДК 811.161.1+81

Бокарева Юлия Михайловна

кандидат филологических наук

yuliamihal@mail.ru

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

ИНТЕРТЕКСТОВЫЕ ОТСЫЛКИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК)¹

В статье анализируются интертекстовые отсылки (аллюзии, цитаты), содержащиеся в произведениях Андрея Жвалецкого и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее», «Москвест», «Я хочу в школу!». Интертекстовые отсылки в проанализированных текстах позволяют охарактеризовать героев произведения, картину мира героев, а также систему ценностей социума, отраженную в сознании литературных героев. Особенность функционирования интертекстовых отсылок в книгах А. Жвалецкого и Е. Пастернак заключается в том, что отсылки к произведениям литературы помогают читателю-подростку осознать причины коммуникативных неудач, которые возникают при общении представителей разных поколений. Используя отсылки к произведениям литературы, авторы показывают изменения, произошедшие с течением времени в национальной ценностной картине мира, что способствует взаимопониманию «отцов и детей», преодолению возникающих между ними конфликтов. Таким образом, интертекстовые отсылки в произведениях Андрея Жвалецкого и Евгении Пастернак рассматриваются в коммуникативном и аксиологическом аспекте, а также в аспекте отражения дихотомии «свое – чужое», существующей в картине мира подростков – героев проанализированных произведений.

В статье также ставится вопрос о возможности преподавания детской литературы в интертекстуальном аспекте в средних и высших учебных заведениях.

Ключевые слова: интертекст; картина мира; система ценностей; коммуникативные неудачи; интертекстуальный подход в методике преподавания литературы.

Материалом данного исследования послужили произведения Андрея Жвалецкого и Евгении Пастернак: фантастическая повесть «Время всегда хорошее» (писалась в 2007 г., первое издание – в 2008 г.), роман-сказка «Москвест» (2011 г.), повесть «Я хочу в школу!» (2012 г.).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 21-512-23003 «“Свое” и “чужое” в современном русском (русскоязычном) и венгерском художественном тексте».

Выбор обусловлен тем, что книги этих авторов популярны: их читают школьники, их родители и учителя. Эти книги отмечены премиями в области литературы. Так, повесть «Время всегда хорошее» в 2010 г. отмечена премией «Алиса», в 2011 г. эта книга стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру», в 2012 г. – финалистом премии «Ясная Поляна», повесть «Я хочу в школу» в 2012 г. стала финалистом премии имени Михалкова.

Фантастическая повесть А. Жвалевского и Е. Пастернак «Время всегда хорошее» рассказывает о перемещении во времени девочки Оли, пятиклассницы 2018 года, и мальчика Вити, пятиклассника 1980 года. Они поменялись местами и попробовали жить в чужом для себя времени.

Роман-сказка «Москвест» – ещё одна история о перемещении во времени. Это путешествие двух современных подростков, Маши и Миши, в прошлое Москвы. Сначала они попали в XI век, потом оказываются в разных исторических эпохах и ищут способы вернуться домой в XXI век.

Повесть «Я хочу в школу!» – об удивительной школе, в которой нет скучных уроков, нет обычных общеобразовательных предметов. Учителя и родители не заставляют детей учиться, школьники учатся сами и каждый день с удовольствием бегут в школу. В этой школе исполняются самые смелые мечты детей – от полета на воздушном шаре до путешествия на Эльбрус.

Предмет анализа – отсылки к художественным произведениям русской и зарубежной литературы, содержащиеся в книгах А. Жвалевского и Е. Пастернак.

Упоминания книг, которые читают герои произведения, позволяют, во-первых, охарактеризовать персонажа, его картину мира, его систему ценностей, во-вторых, показать различия в отношении к чтению, книге представителей разных поколений.

В повести «Время всегда хорошее» представлены книги и способ чтения подростков в 1980 году. Один из них *читал бессистемно, все подряд, что под руку попадется* (в том числе и Тараса Шевченко, которого в школе не проходили), другой *читал книги строго по порядку. Пытался даже Большую Советскую энциклопедию освоить... Пушкина прочитал всего – от первого тома до последнего.*

Авторы повести показывают, что чтение для пятиклассников 1980 года – одно из любимых занятий, читать много – это хорошо, читать сверх школьной программы – престижно. Чтение было абсолютной ценностью, предметом гордости. Книги в то время задавали модель поведения: вот Витя думает, как помочь другу Жене: *Я должен что-то сделать! Как-то спасти друга! Как в «Трех мушкетерах» или «Двух капитанах»!*

На контрасте авторы показывают индифферентное, а часто даже негативное отношение к книгам, чтению у школьников в начале XXI века.

Героиня повести «Я хочу в школу!» очень способная во многих областях (физика, психология), даже талантливая, но читать классическую литературу ей тяжело, она ощущает «Войну и мир» как что-то чужое, далекое от ее собственного мира: *Юлька уже пропылесосила квартиру и трижды сгоняла в магазин. Успела прочитать пол-интернета и пробежаться по всем ста каналам телевидения. Даже проглотила тридцать страниц из «Войны и мира». Больше, по совету учительницы литературы, Кошка не читала, потому что великое произведение начинало ее ужасно раздражать. Уж больно не соответствовал ритм повествования ее собственному, личному ритму.* И хотя авторы показывают, что это субъективная реакция девочки-подростка, но такая реакция среди ее сверстников распространена.

Представители старшего поколения в книгах А. Жвалевского и Е. Пастернак традиционно высоко ценят классику, цитируют ее. Так, папа Маши («Москвест») любит и цитирует А.С. Грибоедова, папа Вити («Время всегда хорошее») – В.В. Маяковского. Мамы шестиклассников в 2018 году растрогались, когда в процессе игры сын одной из них прочитал фрагмент стихотворения А.С. Пушкина «Осень»:

Когда в комнату заглянули мамы, мы как раз резались в фанты. Мне выпало прочитать вслух стишок, и мамы чуть слезу не пустили, пока я тарабанил: «Унылая пора, очей очарованье» («Время всегда хорошее»). Причем сын «тарабанил» (быстро, торопливо говорил, тараторил), т. е. читал не чувствуя, что говорит (они ведь «резались в фанты», тут не до высокой поэзии), но мамы «чуть слезу не пустили», потому что для поведения их детей это не характерно.

Перечисление книг, авторов, которые были популярны в разные годы, о которых думали и говорили, позволяют показать изменения, происходящие с течением времени в системе ценностей, принятой в нашей стране.

В романе «Москвест» читаем диалог между Павлом Ивановичем Астаховым, меценатом (XIX век), и девочкой Машей (XXI век). Они спорят об актуальности истории Ромео и Джульетты:

– Милая моя, в английской поэзии есть безусловная прелесть, – говорил Пал Иванович, – но это уже устаревшие сюжеты.

– Поверьте мне, – засмеялась Маша, – историю про Ромео и Джульетту будут читать и через триста лет.

– Да полноте, Машенька, ее и сейчас-то уже почти не читают!

– А что, по-вашему, будут читать? – весело спросила Маша.

– Что-нибудь современное, на злобу дня. Людям постоянно нужны такие книги, чтобы они могли узнать себя в главном герое. Чтобы мысли героя совпадали с его мыслями. Или не совпадали, но чтобы он мог возразить, поспорить... Тогда чтение захватывает, тогда оно учит. О чем можно спорить с Джульеттой?

– Зачем с ней спорить, – возразила Маша, – ее нужно пожалеть, о ней можно плакать.

– Но невозможно же плакать триста лет!

– Пал Иванович, – страстно возразила Маша, – любовь – это вечная тема. И люди плакали, плачут и будут плакать. Все эти ваши споры с главными героями о смысле жизни уже через сто лет никому будут неинтересны. А пушкинское письмо Татьяны будут знать наизусть тысячи людей! («Москвест»).

Астахов в 1856 году уверен, что история Ромео и Джульетты устарела. Девочка из XXI века точно знает, что о Ромео и Джульетте будут думать и в ее времени. Для Астахова важно, чтобы с героем можно было спорить, о его поступках и их причинах – можно было размышлять. Маша уверена, что споры о смысле жизни не будут релевантными в восприятии художественного текста в XXI веке. В новом веке будут другая модель чтения и другой ракурс размышлений.

В повести «Время всегда хорошее» есть две интересные параллели, делающие явными различия в системах ценностей школьников 1980-х и 2018-х годов. Одна из них сопоставляет отношение представителей разных поколений к героям (людям, совершившим подвиг, проявившим личное мужество, самоотверженность, готовность к самопожертвованию), и к пионерам-героям – в частности. Вторая – показывает разное отношение к героям фэнтези.

Вот в 1980 году Оля, прибывшая из 2018, читает вместе с Ирой книгу об Алисе. Оле неудобно читать «с колен», она не успевает за Ирой и не понимает, что волнует девочку XX века.

– А все-таки молодец Алиса, правда?

Ох. Не может она помолчать...

– А я вот думаю, я б, наверное, испугалась. А ты?

Я проямлила что-то неясное. Понятия не имею, что она там вычитала. Но Иру это несколько не смутило.

– Я сколько книжек читаю, все время думаю, что я б так не смогла. Они все в книгах герои... Все смелые. Например, пионеры-герои. Они ж как мы были, дети, а уже

Родину защищали. Или вот Алиса... С космическими пиратами сражается... Хотя Алиса, она из будущего, наверное, тогда все люди будут героями. Как ты думаешь?

Я не думала, я лихорадочно соображала, к чему она ведет. Как же ее выключить?

Алиса – героиня произведений Кира Булычёва, по одной из самых известных повестей которого – «Сто лет тому вперёд» (1977) – был снят научно-фантастический художественный фильм для детей «Гостья из будущего», ставший чрезвычайно популярным в СССР.

Оля ничего не знает ни об Алисе, ни о пионерах-героях, поэтому ее никак не трогают размышления и страхи девочки 1980 года. Оля не откликается на признания Иры о том, что она не смогла бы поступать как пионеры-герои или Алиса. Такие размышления для Оли чужды, так её ровесники не мыслят. Это другой ментальный опыт, другая ментальная парадигма.

Витя, переместившийся из 1980 года в 2018 год, по просьбе врача перечисляет свои любимые книги: – *Майн Рид. «Волшебник Изумрудного города». «Что такое? Кто такой?»...*

Я перечислял свои любимые книги, а брови на мамином лице поднимались все выше. Когда я дошел до сборника «Пионеры-герои в годы войны», брови дошли до верхней точки, да так в ней и застряли.

Я запнулся. Очень не хотелось расстраивать маму, но ведь врач попросил... И вообще, почему список моих книг должен ее так расстраивать? Может, я забыл какую-то важную книгу? Я покопался в памяти и, кажется, обнаружил искомое.

– «Настольная книга пионера Советского Союза», – выпалил я.

Теперь на меня изумленно таращился еще и врач.

Я совсем смутился и решил пока помолчать. Мама требовательно посмотрела на врача.

– Ну... – дядька потер переносицу в задумчивости. – В целом все в норме, но некоторые aberrации наблюдаются. Скажите, ваш сын много сидит за компьютером?

Показательна реакция мамы и врача, которые ощущают перечень любимых книг как анахронизм и объясняют болезнью Вити. Комизм ситуации заключается и в том, что врач уверен: такое отклонение от нормы связано с увлечением компьютером. А Витя с компьютером, конечно, не был знаком в свое время.

Другое интересное сопоставление, существующее в повести «Время всегда хорошее», касается оценки книг, героями которых являются эльфы и гоблины. Эти книги стали популярны благодаря произведениям Джона Рональда Руэла Толкина «Хоббит, или Туда и обратно», «Властелин колец» и «Сильмариллион», которые породили сотни переводов, подражаний и продолжений и стали заметным явлением культуры XX века.

Витя воспринимает эти книги как что-то чужое, непонятное, в результате появляется негативная оценка: «странные, не очень интересно». Книги о волшебниках, драконах, гоблинах и эльфах противопоставляются «путной» исторической книге, в которой дети помогали распутывать заговор против князя: *Хорошо еще, папа догадался мне купить каких-то книг, я погрузился в чтение. Книжки оказались очень странные. Нигде не было иностранных шпионов или вредителей, которых задерживали бы пионеры. Большая часть вообще была написана какими-то англичанами или французами. Но были и русские фамилии. Очень много попадалось волшебников и рыцарей, которые воевали с драконами и непонятными гоблинами и орками. А помогали им уж совсем удивительные эльфы с заостренными ушами.*

Немного книжек было про космос и вообще фантастики, но не очень интересные – про космические корабли или какие-нибудь технические устройства почти ничего не рассказывали.

Наконец я нашел что-то путное: историческую книжку, в которой дети помогали распутывать заговор против князя. Это вам не гоблины с эльфами!

Оля считает книги об эльфах и гоблинах интересными, захватывающими. Сюжеты этих книг, по ее мнению, можно использовать в играх. Оля заражает своим отношением друзей, с которыми познакомилась в 1980 году:

– *А давайте не просто так играть, а в квест!*

– *Чего? – спросил Женька.*

– *Ну... Давайте как будто мы – эльфы, а вы – гоблины.*

– *Кто?*

– *Ну, мы – хорошие. Мы такие все нежные, ушки торчком, воздушные, а вы – вы злые и грубые. Мы будем жить вон там, на дереве, будем хорошо стрелять из луков, а вы – вы из луков не умеете, но зато у вас силища ого-го! А у нас будет кольцо власти, которое вы захотите забрать. И вы должны будете это кольцо не просто забрать, а еще и донести во-о-он до той горки во дворе. Там у нас будет жить Зло.*

Все, кто стоял вокруг, аж рты пооткрывали, пока я им все это рассказывала.

– *Круто! – сказал Женька.*

Таким образом, интертекстовые отсылки в проанализированных произведениях А. Жвалевского и Е. Пастернак помогают охарактеризовать персонажа, его картину мира, систему ценностей, показать различия в отношении к чтению, книге представителей разных поколений, а также изменения в ценностной картине мира, происходящие с течением времени.

В современных научных работах, посвященных методике преподавания литературы, есть интересное предложение реализовать интертекстуальный подход к преподаванию детской литературы студентам средних и высших профессиональных заведений. Н.Ю. Донская пишет: «Ведущими принципами преподавания дисциплины «Детская литература» и «Детская литература с практикумом по выразительному чтению» традиционно являются историко-хронологический и жанровый, которые не всегда отвечают требованиям современной методической науки. Нами предлагается иной подход к преподаванию данных дисциплин, а именно, интертекстуальный, который, во-первых, позволяет рассматривать детскую литературу целостно, во-вторых, формировать основы понимания художественного текста, в-третьих, готовить компетентного, творческого, профессионального педагога, выстраивающего образовательную траекторию для себя и современного школьника» [1, с. 231].

Современные методисты С.А. Зинин [2] и И.В. Сосновская [3] тоже пишут о возможности использования интертекстуального подхода к анализу и интерпретации художественного текста. Этот подход представляется перспективным. Соглашаясь в целом с позицией Н.Ю. Донской, утверждающей, что «методика преподавания детской литературы студентам средних и высших профессиональных заведений, основанная на интертекстуальном подходе, поможет сформировать целостное восприятие этого особого вида литературы, будет способствовать углубленному пониманию литературного процесса в целом и отдельного художественного произведения – в частности» [1, с. 232], мы замечаем, что реализация интертекстуального подхода потребует больших творческих усилий от тех учителей и преподавателей, кто попытается воплотить его в практике преподавания литературы.

Литература:

1. Донская Н.Ю. Интертекстуальный подход к изучению детской литературы в современной методике преподавания словесности // Казанская наука. 2013. №10. С. 230–232 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.hse.ru/data/2013/12/16> (дата обращения: 25.04.2021).

2. Зинин С.А. Внутрипредметные связи в изучении школьного историко-литературного курса. М.: Русское слово, 2004. 239 с.
3. Сосновская И.В. «Как слово наше отзовется...»: Монография. Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2013. 192 с.

Bokareva Yuliya
Candidate of Philology
yuliamihal@mail.ru
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia

**INTERTEXTUAL REFERENCES TO THE WORKS OF FICTION IN
CONTEMPORARY RUSSIAN PROSE FOR CHILDREN
(BASED ON THE BOOKS BY A. ZHVALEVSKY AND E. PASTERNAK)¹**

The article analyzes the intertextual references (allusions, quotes) in the works of Andrei Zhvarevsky and Evgenia Pasternak "The time is always good", "Moskvest", "I want to school!" Intertextual references in the analyzed texts make it possible to characterize the main characters of the work, their worldview, as well as the system of values of society, reflected in the minds of literary heroes. The peculiarity of intertextual references functioning in the books of A. Zhvarevsky and E. Pasternak is the following: references to literary works help the teenage reader to understand the reasons for communicative failures that arise when communicating between representatives of different generations.

Using references to literary works, the authors show the changes that have taken place over time in the national value picture of the world, which contributes to mutual understanding of "fathers and children", overcoming the conflicts that arise between them. Thus, intertextual references in the works of Andrei Zhvarevsky and Evgenia Pasternak are considered in the communicative and axiological aspects, as well as in the aspect of reflecting the dichotomy "own and someone else's" that exists in the picture of the world of adolescents – the main characters of the analyzed works.

The article also raises the question of the possibility of teaching children literature in the intertextual aspect in secondary and higher educational institutions.

Keywords: *intertext; picture of the world; value system; communicative failures; intertextual approach in teaching literature.*

УДК 81'272

Бреусова Елена Ивановна
кандидат филологических наук
elenabreusova@yandex.ru
Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Россия

АЛЬМАНАХ «СЛАВЯНСКИЙ МИР» КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

В статье представлен опыт создания культурологического альманаха «Славянский мир» как площадки диалога культур. Проект реализуется в рамках сотрудничества нескольких университетов – Сургутского государственного

¹ The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003.

педагогического университета (Россия), Университета имени Матая Бела (Словакия), Прешовского университета (Словакия), Евразийского национального университета имени Л.М. Гумилева (Казахстан). Подобные проекты укрепляют узы сотрудничества, дают возможность знакомиться не только с научными интересами вузов, но и содействуют своеобразному обмену культурными достижениями, знакомству с культурными традициями этих стран, в том числе носителей славянской культуры стран Востока. Данный проект способствует повышению познавательной и социальной активности обучающихся, развитию интереса и внимания к окружающему культурному контексту, приобщению к славянским традициям. Проект стал площадкой для межкультурного взаимодействия его участников, что способствует распространению интереса к русскому языку вообще и к русской культуре в частности. В статье представлен план проведения творческого конкурса, а также процитированы фрагменты присланных работ, наиболее полно отражающих цели альманаха «Славянский мир».

Ключевые слова: *диалог культур; культурологический альманах; конкурс творческих работ; международное сотрудничество; русский язык; традиции; славянский мир.*

Как указано в Федеральной целевой программе «Русский язык», «русский язык имеет огромное значение не только для Российской Федерации, но и для мировой цивилизации, поскольку он является одним из мировых языков и важнейшим инструментом познания другими народами гуманистических ценностей российской культуры, образования и науки»¹.

В последние годы кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета при поддержке Департамента общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры активно работает в направлении популяризации русского языка.

Так, в рамках международного сотрудничества с университетами Словакии – Университетом им. Матая Бела (г. Банска Быстрица) и Прешовским университетом (г. Прешов), а в последние два года и с Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан) стала возможной реализация совместного проекта «Славянский мир», который стартовал в ноябре 2016 года. Одна из целей данного проекта – продвижение русского языка в мировом сообществе. Вместе с этим ежегодно ставились и другие цели, соотносимые с тематикой проекта: художественно-эстетическое и патриотическое воспитание молодежи, формирование национально-культурной самоидентификации у молодых людей, уважительное отношение к родному языку. Такая целенаправленная работа формирует важные в наше время личностные качества у молодого поколения, дает возможность самореализоваться, познакомиться с культурой и традициями других народов, в частности славянских. Необходимо отметить и тот факт, что подобные проекты укрепляют узы сотрудничества, не только дают возможность знакомиться с научными интересами вузов, но и содействуют своеобразному обмену культурными достижениями, знакомству с культурными традициями участвующих в этом проекте стран.

Данный проект включает несколько этапов, один из которых – международный дистанционный конкурс творческих работ. Он объявляется за четыре месяца до подведения его итогов. Информационное письмо публикуется на сайтах вузов-

¹ Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 декабря 2014 г. № 2647-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения 05.05.2021).

соорганизаторов, рассылается учебным заведениям России, Словакии, Казахстана и других стран. Желаящие участвовать в проекте присылают свои творческие работы. Примечательно, что все конкурсные сочинения пишутся на русском языке.

Второй этап – подведение итогов и награждение победителей и их руководителей. К рассмотрению жюри принимает только оригинальные работы, прошедшие проверку через программу «Антиплагиат», выявляет в соответствии с разработанными критериями лучшие материалы (распределяя первые, вторые и третьи места), устанавливает специальные номинации для отдельных работ, выражая свое особое мнение. Победители, призеры и номинанты получают дипломы разных степеней. Участники, работы которых не вошли в число лучших, получают сертификаты. Всем руководителям конкурсантов направляются благодарственные письма, поскольку труд и вклад этих лиц в подготовку участниками конкурсных материалов, бесспорно, высок.

Третий этап – это непосредственно подготовка и издание культурологического альманаха «Славянский мир», включающего лучшие работы, присланные на конкурс.

За период реализации проекта было проведено пять международных дистанционных конкурсов творческих работ и издано три альманаха, два последних номера находятся в печати.

Ежегодно в конкурсе принимает участие от 75 по 150 человек. Это и учащиеся старших классов общеобразовательных учреждений всех типов и видов, и студенты вузов, и преподаватели из разных стран.

География участников широка: Москва, Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург, Омск, Пермь, Краснодар, Йошкар-Ола, Рыбинск, Саров, Шадринск, Арзамас, Орехово-Зуево, Тара, Сургут, Лянтор, Нижневартовск, Ульт-Ягун и другие города России; Банска Быстрица (Словакия), Прешов (Словакия), Кошице (Словакия), Михаловце (Словакия); Шаосин (Китай), Нур-Султан (Казахстан), Петропавловск (Казахстан), Алматы (Казахстан).

В первый выпуск альманаха «Славянский мир» вошли лучшие сочинения по следующим номинациям:

1. Моя семья – моя опора (рассказ о семье, семейных традициях, о каком-либо члене семьи и проч.).
2. Ученье – свет... (рассказ об образовании, об учебе в образовательной организации, о школе и пр.).
3. С праздником! (рассказ о национальных, государственных или религиозных праздниках).
4. Очевидное невероятно (рассказ о чем-либо или ком-либо выдающемся в культуре, науке, технике, о изобретениях, о своих достижениях в чем-либо).
5. Быстрее, выше, сильнее!.. (рассказ о спорте, спортивных играх, национальных видах спорта, спортивных увлечениях и проч.).
6. Традиции – душа народа (рассказ о традициях, обычаях своего народа).
7. Ими славится земля! (рассказ об известных людях: писателях, композиторах, музыкантах, ученых, общественных деятелях, политиках).
8. Язык есть исповедь народа (рассказ о своем языке как сокровищнице культуры).
9. Национальный костюм.
10. Национальное достояние (рассказ о материальных, духовных ресурсах, благах, ценностях, принадлежащих народу, достопримечательностях, народных промыслах, литературе и под.).
11. Все вместе! (рассказ о дружбе, межличностных, межнациональных отношениях и под.).

Первый выпуск стал своеобразным диалогом-знакомством представителей разных славянских культур. Авторы работ представляли свою семью, свою страну, ее культуру, традиции, обычаи и пр.

В эпоху глобализации важно не только знание иностранного языка, но и культуры, потому повышается интерес к изучению культурных особенностей других стран. Альманах, таким образом, привлекает внимание к славянским языкам и окружающему их культурному контексту. В работах отражена культурологическая составляющая традиций, обрядов, менталитета и мировоззрения представителей славянских народов. А у славянских народов очень много общего, объединяющего, сплавляющего, роднящего их, и в то же время есть то, что делает их самобытными, неповторимыми. Вот лишь несколько примеров:

«Сегодня живём в мире, в котором много людей привязано к деньгам и богатству. По-моему, действительное богатство – не деньги, не новый автомобиль или большой дом, а любовь, счастье и семья» (Мария Карякинова, Словакия) [1, с. 18].

«Опора любой семьи – это, конечно, вера, доверие. Нет причин что-то скрывать, ведь никто не поймет тебя лучше, чем семья. Здесь подскажут, как правильнее, лучше, но самое важное, главное решение доверят принять самому. Нельзя в семье и без надежды: “Делай, что должен, и будь что будет”. Но верить и надеяться нужно только на успех в любых начинаниях. И главная, третья, составляющая семьи – любовь» (Юрий Владимиров, Россия) [1, с. 13].

«Рождество – это семейный праздник, и поэтому он отмечается в кругу родных и близких. В этот день семья ужинает вместе. Ужин в христианских семьях начинается с совместных молитв, затем члены семьи должны отведать вафли с мёдом, чтобы все были здоровыми весь год. На стол ставятся постные блюда – капуста или гороховый суп и рыба с картофельным салатом. У каждого региона своё рождественское меню. После ужина мы разрезаем яблоко: если семечки образуют правильную звезду, то со здоровьем у нас все будет в порядке. Потом мы бежим к рождественской ёлке распаковывать подарки» (Мартина Кафунова, Словакия) [1, с. 119].

«Бабушка часто рассказывает о давних традициях, которые она помнит с детства, например, под стол они клали солому – этим они напоминали себе, что Иисус Христос родился на соломе. Ножки стола связывали цепью, чтобы семья осталась вместе. Но некоторые обычаи сохранились в нашей семье до сих пор: перед праздничным ужином мы моем свои руки и лица в воде с монетами, чтобы мы были красивыми в следующем году, под скатерть кладем деньги, чтобы мы были богатыми, а потом самый старший член семьи ставит маленький медовый крестик на лоб каждому из нас, чтобы мы были хорошие, как мёд. Во время ужина у нас тоже есть традиции, которые мы должны соблюдать. Когда начинается ужин, то никому, кроме мамы, нельзя вставать из-за стола. А когда мы едим горячие блюда, то нам нельзя на них дуть, чтобы мы не сдули своё счастье» (Ивета Тимкова, Словакия) [1, с. 44–45].

«У маленькой Словакии богатая душа» (Габриэла Турисова, Словакия) [1, с. 67].

«По лабиринтам памяти... Еле удерживаюсь от того, чтобы поставить смайлик. Могла ли я представить себе, скажем, пару десятков лет назад, что такой выпренной метафорой буду передавать собственное состояние женщины в возрасте за пятьдесят с хвостиком? А хвостик всё растёт и растёт... Но чем больше этот хвостик, тем чаще и ярче воспоминания детства на уровне цвета, вкуса, запаха, ощущений, снов. Может быть, это сигнал о том, что человеческая жизнь плавно движется к точке начала, завершая гармоничную кольцевую композицию? Может быть...» (Ирина Семеновна Красота, Россия) [1, с. 38].

Второй выпуск альманаха включает в себя два раздела. В первом размещены отобранные лучшие рецензии на театральные постановки, художественные произведения и кинофильмы. Конкурсанты – преподаватели, студенты и учащиеся –

пробовали себя в качестве литературных и театральных критиков. Во втором разделе альманаха происходит знакомство с переводами англоязычных поэтических произведений, выполненными студентами СурГПУ и обучающимися школ города Сургута в рамках конкурса переводчиков. Организаторы проекта тем самым хотели привлечь внимание учащихся к образцам художественного слова: к произведениям художественной литературы, к театральным постановкам и экранизациям художественных произведений.

Участники второго конкурса с удовольствием прорецензировали просмотренный ими спектакль, любимое художественное произведение, вызвавший интерес фильм:

«Фильм “Битва за Севастополь” произвёл на меня большое впечатление. Военные фильмы, особенно те, которые снимают по реальным событиям и о реальных людях, меня всегда способны заинтересовать. Этот фильм показывает, насколько жестокой может быть война не только для мужчин, но и особенно для женщин, которые также сражались в составе армии, и им приходилось много раз соперничать с представителями “более сильного” пола в смелости и выносливости» (Сандра Гладонигова, Словакия) [2, с. 11].

«Автор, хотя просто, но очень проникновенно и эмоционально, пишет об обыкновенных радостях взрослых и детей, а также о том, с чем мы встречаемся пусть ежедневно, но не всегда успеем заметить красоту этих мелочей. В этих стихах Милан Руфус ищет и находит смысл и суть человеческой жизни» (Зузана Шковранкова, Словакия) [2, с. 67].

Третий выпуск альманаха «Славянский мир» был посвящен Году театра (2019 год). В это издание вошли лучшие работы, выполненные в рамках следующих номинаций:

1. Мой любимый актер.
2. Театральное открытие.
3. О, театр, ты – мир!
4. Театр в моей жизни.
5. Современный зритель.
6. Театры мира.
7. Театр будущего.
8. Писатель и театр.
9. Слово о мастере.
10. Театр начинается с вешалки.
11. Весь мир – театр.

Этот выпуск знакомит читателей с театрами мира, великими и малоизвестными актерами, театральными постановками и режиссерскими находками:

«Меня восхищает не только актёрский талант, но и человеческие качества Константина Хабенского, его благотворительная деятельность. Актеру чужды гордость и высокомерие, которые часто появляются вместе с материальным достатком. Хабенский создал Благотворительный фонд, чтобы помочь детям с онкологическими и тяжёлыми заболеваниями головного мозга. Это красноречивое проявление человечности, сострадания, доброжелательности и сопереживания» (Мартина Дидичова, Словакия) [3, с. 19–20].

«Мэй Ланьфан обладал глубоким знанием и владением традиционного искусства, его любила публика, а в традиционных операх (“Прощание с наложницей”, “Пьяная принцесса”) он превзошёл своих предшественников. Своими блестящими выступлениями и восточным темпераментом он завоевал огромную популярность. Благодаря ему китайская опера стала широко известна миру. Популярность Мэй Ланьфана в то время превзошла популярность любого исполнителя в Китае» (Хоу Фо Мэй, У Сян Сюе, Китай) [3, с. 24–25].

В четвертый выпуск альманаха вошли лучшие творческие работы по теме «Родной язык – Отечеству основа». Участники конкурса выполняли свои работы в рамках следующих номинаций:

1. Язык есть вековой труд целого поколения (*В.И. Даль*).
2. Умение читать хорошие книги вовсе не равносильно знанию грамоты (*А. Герцен*).
3. В каждом слове бездна пространства, каждое слово необъятно... (*Н.В. Гоголь*).
4. Гений, дух и характер народа проявляются в его пословицах (*Ф. Бэкон*).
5. Кто не знает иностранных языков, тот не имеет понятия о своем собственном (*И. Гете*).
6. Заговори, чтоб я тебя увидел (*Сократ*).
7. Писатель является одновременно исследователем и экспериментатором (*Э. Золя*).
8. Язык – это среда, в которой объединяются «Я» и мир (*Х.Г. Гадамер*).
9. Слово о писателе.
10. Слово об известном филологе.

Участники конкурса с любовью писали о своем родном языке, его богатстве, выразительности, доказывали необходимость изучения иностранного языка, важность владения культурой речи, освещали фрагменты языковой картины мира и пр.:

«За стеной говорили двое: он и она.

Мне было слышно каждое слово,

Их интонация была мне слышна.

Сначала тон был очень высокий, с его стороны,

И голос в ответ, нежный и ласковый, с ее стороны.

Он что-то требовал очень настойчиво,

Порою даже кричал.

В ответ очень тихо, нежно и ласково

Ее голосок отвечал.

Из интонации, их разговора,

Образ каждого в мыслях возник.

Он высокий, крупный, массивный,

Одно слово, мужик!

И она прутик ивовый рядышком,

Ветер дунет и умчит.

Да, все знают, что ива тонкая,

Но ее никак не сломить.

Я понять не могу, что мешает тебе

Так же громко ему отвечать.

Я слышу, что ты не боишься его,

Но, наверно, не хочешь скандал раздуть.

Реже стал за стеной его голос звучать,

Больше стала она говорить...

Обидеть легче, чем обиду простить».

(Оксана Троицкая, Россия)

Пятый выпуск альманаха, который готовится к печати, – «На литературной карте» – будет посвящен творчеству любимых писателей, литературным героям, литературным находкам, литературным местам мира, культуре чтения, приобщению к чтению. Свои работы конкурсанты выполняли в следующих номинациях:

1. К юбилею любимого писателя.
2. Люди перестают мыслить, когда перестают читать (*Д. Дидро*).
3. Читаю... И тебе советую!

4. Путешествуя по литературным местам моего края.
5. Мир – это книга, и те, кто не путешествует, читает только одну страницу (*Святой Августин*).
6. С ним я хочу подружиться (о герое любимого произведения).
7. Интервью с литературным героем.

Конкурсные материалы представляли как в стихах, так и в прозе. Среди сочинений были и работы в жанре интервью. Этот номер можно рассматривать как виртуальную карту, на которой отмечены населенные пункты, где жили и творили различные писатели, разворачивались события в художественных произведениях, находились литературные герои. Следует процитировать несколько фрагментов из присланных работ:

«Маленький домик, словно мираж из прошлого столетия, возник предо мной. Чувство восхищения и перемещения в русскую сказку накрыло невидимой шалью, которая начала греть меня не снаружи, а изнутри. Деревянные стены, крохотные окошки небесного цвета и милый палисадник, бросающийся в глаза своими ажурными цветочками. Территория дома очерчена невысокой изгородью. Общая картина выглядит очень простой, очень милой и легкой, словно там живет душа, которая заставляет дом светиться. Очарованная этим зрелищем, я направилась к калитке. У крайнего окошка вывеска: “В этом доме с 1920 г. по 1925 г. жил Великий Русский Поэт Павел Николаевич Васильев”» (Светлана Матвеева, Казахстан).

«Абай велик и жизнь была великой,
Великие дела с великою душой.
И творчество огромно, многолико,
Зовущее к победе над собой».
(Роман Колесников, Казахстан)

«Лично я не представляю свою жизнь без книг... приятно иногда отрываться от привычной и скучной реальности и полностью погружаться в прекрасный и очаровательный мир произведения. Это похоже на перерождение, ведь книга способна давать совет, наполнять душу новой энергией. ... А еще они очищают голову и заряжают ее новыми мыслями, избавляют язык от паразитов. Человек после прочтения книги становится светлее и спокойнее. Это антистресс» (Анастасия Бортвина, Россия).

«Я искренне хочу поблагодарить автора за все написанные им стихотворения. Моя душа начала чувствовать мир по-другому, будто наконец-то нашла фразы, которые хотела, но не могла ни сказать, ни написать. Для меня это был большой момент. Представьте, что всю свою жизнь вы ищете слова, которые ощущаете и понимаете, и вдруг находите. Именно стихи французского писателя Шарля Бодлера открыли мне мир литературы и искусства» (Вероника Лесцинска, Словакия).

Таковы пять выпусков культурологического альманаха «Славянский мир», который оживил на своих страницах и традиции, и обычаи, и культурное наследие разных народов. Данный альманах, безусловно, можно назвать диалогом культур – культур славянских (и не только!) народов – на русском языке. Обмен культурными смыслами как никогда играет огромную роль в современном мире – материальном мире, развитие которого без духовности, без эстетического начала, без эмоционально-чувственной сферы, без нравственности зайдет в тупик.

Как думается, подобные проекты привлекают внимание к русской культуре, русскому языку, побуждают к его изучению и желанию взаимодействовать на русском языке, способствуют диалогу культур, осознанию культурных традиций, познанию своих корней (ведь без прошлого нет будущего), духовному росту, творческой активности.

Данные издания альманаха могут быть использованы в образовательном процессе при обучении русскому языку как иностранному, переводу, в преподавании литературы и культуры.

Литература:

1. Славянский мир: культурологический альманах – 2017 / Бюджет. учреждение высш. образования Ханты-Манс. авт. округа – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» [и др.]; редкол.: О.И. Зворыгина, Т.О. Сироткина; гл. ред. Е.И. Бреусова. Сургут: РИО БУ СурГПУ, 2017. 129 с.
2. Славянский мир: культурологический альманах – 2018 / Департамент образования и молодеж. политики ХМАО – Югры; Бюджет. учреждение высш. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» [и др.]; редкол.: Д. Антонякова, О.И. Зворыгина, В. Ляшук; гл. ред. Е.И. Бреусова. Сургут: РИО БУ СурГПУ, 2018. 117 с.
3. Славянский мир: культурологический альманах – 2019 / Департамент образования и молодёж. политики ХМАО – Югры; Бюджет. учреждение высш. образования Ханты-Манс. авт. округа – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т» [и др.]; редкол.: Д. Антонякова, Т.Ю. Колягина, А.А. Курулёнок, В.М. Ляшук; гл. ред. Е.И. Бреусова. – Сургут: РИО БУ СурГПУ, 2019. 137 с.

Breusova Elena

Candidate of the philological sciences

elenabreusova@yandex.ru

Surgut State Pedagogical University

Surgut, Russia

"SLAVIC WORLD" ALMANAC AS A DIALOGUE OF CULTURES

The article presents the experience of creating the “Slavic World” cultural almanac as a platform for the dialogue of cultures. This project is being implemented in cooperation between several universities – Surgut State Pedagogical University (Russia), Matej Bel University (Slovakia), Prešov University (Slovakia), L. M. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan). Such projects strengthen the ties of cooperation, provide an opportunity to get acquainted not only with the scientific interests of universities, but also promote a kind of cultural achievements exchange, introduction to the cultural traditions of these countries, including the ones of the Slavic culture. This project helps to increase the cognitive and social activity of students, develop interest and attention to the surrounding cultural context, and introduce them to Slavic traditions. The project has become a platform for cross-cultural interaction of its participants that helps to spread essential interest both to the Russian language and Russian culture. The article reveals a detailed plan of the contest, also some fragments of evaluated works from almanac “Slavic World” are quoted in the text.

Keywords: *dialogue of cultures; cultural almanac; creative works competition; international cooperation; Russian language; traditions; Slavic world.*

Бухарбаева Куралай Нурсаиновна
 кандидат филологических наук
kuralaybukharbayeva7@gmail.com
 Католический университет им. Петера Пазманы
 Будапешт, Венгрия

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ “СВОЕГО” И “ЧУЖОГО” В РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ СКАЗКАХ¹

В статье выявляются пространственные образы «своего» и «чужого» на материале венгерских и русских сказок из сборника Э. Бенедэка «Дерево до небес», а также сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки». В работе на материале сказок показана траектория движения героев, переход из «своего» в «чужое» пространство через преодоление границы. Рассмотрены трансформации героями «чужого» пространства в «свое» в связи с замужеством, становлением главой государства за особые заслуги, переселением родственников, так как сказки чаще всего имеют счастливый конец. Имеет место и трансформация «своего» локуса в «чужой». В основе данного изменения зачастую лежат злые помыслы и плохие чувства героев. Также в статье описан локус леса как места обитания чужих человеку существ, куда отправляют на верную смерть. В венгерских сказках локус леса однозначно чужд человеку, и живёт там больше враждебных героям существ. В русских сказках локус леса также недружественный: там живет Баба-яга, хотя герои могут встретить чужих, но помощников. Локус моря в русских сказках представлен шире, нежели в венгерских. Отмечены координаты слушателя, для которого действия происходят не в его локусе, а рассказчика, от имени которого идет повествование, т. е. относительно локуса последнего. Также в работе наряду с ценностными понятиями «своего»/«чужого», которые могут взаимно трансформироваться в силу определенных причин, выявляется другой обособленный компонент – «чуждый», который остается воспринимаемым особняком, подвергается осуждению самими героями в тексте сказок.

Ключевые слова: *русские сказки; венгерские сказки; пространство; пространственные образы; локусы; биполярная оппозиция «свой»/«чужой»; «чуждый».*

Понятия константы времени и пространства интерпретируются в мифах, сказаниях, легендах, сказках разных народов в соответствии с их видением реальной и ирреальной картины мира. Осмысление человеком концепта пространства, по справедливому замечанию А.А. Суслова, «немыслимо без обращения к наследию рефлексивного опыта народа, как правило, отраженного в устной народной традиции» [12, с. 18]. Следует отметить, что даже в аспекте пространственного членения наивной картины мира реализуется бинарная оппозиция «свое» и «чужое» по отношению к действующим лицам.

Цель данной работы состоит в выявлении и сопоставлении пространственных образов «своего» и «чужого» в венгерских и русских сказках. Источниками материала явились сборник Элека Бенедэка «Дерево до небес» [5], а также сборник А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки» [9]. Выбор именно этих книг обусловлен

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 21-512-23003 «“Свое” и “чужое” в современном русском (русскоязычном) и венгерском художественном тексте».

тем, что обе имеют равноправную ценность для русской и венгерской фольклористики. Их авторы имеют много общего в своей деятельности: журналистика, политика, исследование национальных культуры и литературы [4, 17, 20]. Авторы фундаментальных и беспрецедентных трудов «Народные русские сказки» (1855–1863) и «Мир венгерских сказок и легенд» (1894–1896) подвергали литературной обработке тексты сказок и легенд и положили начало научному собиранию в восточнославянской и венгерской фольклористике. Работы собирателей актуальны и по сей день, исследователи интересуются текстами с позиции литературоведения и языкознания [1, 2, 3, 15, 18].

Детальному анализу «своего» и «чужого» пространства на материале русских сказок А.Н. Афанасьева посвящена работа В.И. Тонкой, где, говоря о гранях перехода из одного пространства в другое, она выявляет траекторию, свойственную герою или антагонисту: «свое – граница – чужое – граница – свое». В.И. Тонкая пишет: «При этом естественно, что «свое» для героя, то «чужое» для антагониста, и наоборот. Граница – зона нейтральная (исключение – жилище и его атрибуты) и в частных случаях в прямом смысле условная» [13, с. 127]. Об условности границы говорил и М.Ю. Лотман, отмечая, что для понимания оппозиции «свой»/«чужой» в аспекте пространства, целесообразно посмотреть его трактовку в математике. Так, «одним из основных свойств любого пространства является непрерывность. Непрерывность того или иного пространства (или его части) состоит в том, что его нельзя разбить на не прилегающие друг к другу части. Таким образом, если две соседние фигуры входят в одно пространство, то границей их будет множество всех точек, одновременно принадлежащих как одной, так и другой фигуре» [7, с. 274].

Пользуясь предложенной В.И. Тонкой схемой, где локусы систематизированы исходя из контекста (относительно героя), представим траекторию движения героев в венгерской сказке «Дерево до небес», где четко обозначены «свое»/«чужое» пространство и граница между ними. Ниже приведем отрывки из сказки, которые характеризуют принадлежность локуса и границы.

Таблица 1

Жилище и ближнее пространство вокруг него

«Своё» Дворец короля и сад при нем	Граница Дерево до небес	«Чужое» Замок девятиглавого дракона
<...> Выходит из дворца старый король, спускается в сад ... <...> красавица дочка, молча уходила в любимый свой сад, краше которого не было в целом свете...	<...> вознес смерч королевну на дерево-до-небес и опустил там в замке девятиглавого дракона.	<...> у дерева-до-небес листья такие, что на каждом целая страна помещается. <...> Оказалось, все здесь точь-в-точь как и там, внизу. Были здесь леса, поля, деревни, города, ручьи, реки, море, только человека нигде не было видно, хоть бы самого завалящего. <...> Долго-долго шел Янош, брел через горы и доли, леса и поля, а на седьмой день увидел перед собою алмазный дворец. Никогда еще не случалось ему такие дворцы видеть. Стоял дворец на петушиной ноге, не стоял, а вертелся, и было в нем тысяча окон и крылечек столько же. И вертелся он быстро-быстро, что твой смерч, даже еще быстрее. Хотел было Янош на крылечко ступить, а оно, глядишь, уже на другой стороне. Он было вскочил на другое с лёта, а его вмиг отшибло, наземь бросило, так что гул пошел.

Пространство формируется согласно заданным движениям героев: по вертикали – от земли (свое пространство) до неба (чужое пространство), по горизонтали – дворец короля в своем пространстве и замок девятиглавого дракона в чужом пространстве. Условной границей выступает дерево-до-небес, которое отделяет «свое» от «чужого», тем самым «обладая предельной отмеченностью» [8, с. 267].

Так, если обозначить условными знаками пункты траектории, то герои в сказке «Дерево до небес» движутся по следующей схеме, где знаком $\lceil$ отмечен герой, знак Ω зрительно воспринимаем как ворота, переход, граница из «своего» в «чужое» или обратно, $\uparrow/\downarrow$ – направление движения, $\Downarrow$ – обратный путь. Условно примем левую часть знака Ω как «свой» локус относительно нас, читателей, по принципу движения письма слева направо. Буквенно обозначим отправные точки героев: а) исходная, б) вторая, в) третья, г) четвертая и т. д.

Таблица 2

Траектория движения героев в сказке «Дерево до небес»

$\lceil \Omega$	а) Начало движения героев из «своего» локуса. Свинопас <i>«жил при дворе»</i> и королевна <i>«любила свой сад при дворе»</i> .
$\Omega \uparrow$	б) Преодоление границы в виде «чудо-дерева» свинопасом: <i>«семь дней взбирался без передыху, животом полз»</i> и королевной: <i>«смерчем унесло»</i> .
$\Omega \lceil$	в) «Чужой» локус – замок девятиглавого дракона на вершине чудо-дерева.
$\lceil \Omega \downarrow \Downarrow$	б) Обратный путь, преодолели границу, вскочив на пятиногого скакуна, который был чужим в чужом для героев государстве и стал своим в своем земном государстве.
$\lceil \Omega$	а) Дворец короля.

Следует отметить, что образ дерева бытует во многих культурах мира, символизируя вертикальную ось, границу между «своим» и «чужим» пространствами, тем самым выступая «универсальной концепцией мира» [8, с. 278]. Исследованию концепта мирового дерева посвящены работы российских и венгерских ученых [8, 14, 16, 19], где дерево, исходя из мифологических представлений народа, выступает как некая модель культуры.

Если в предыдущей сказке траектория героя была представлена по вертикальной оси от земли до неба и по горизонтальной оси, то в сказке «Коза-вещунья» [5] траектория движения героя-пастуха направлена прямо противоположно: от поверхности земли, от «своего» пространства, вниз по вертикали в подземное «чужое» пространство по следующей схеме:

Таблица 3

Траектория движения пастуха в сказке «Коза-вещунья»

$\lceil \Omega$	а) Пастух жил в Голубином селе («свой» локус).
$\Omega \lceil \downarrow$	б) Дыра-скважина, воспринимаемая как граница: <i>Крикнул он лихо: «Прощай, белый свет!» – да с тем и нырнул в яму, провалился, будто его никогда в этом мире и не было.</i>
$\Omega \lceil$	в) «Чужой» локус – подземное царство: <i>И в какие ж края попал он, бедная головушка! Луга здесь одной золотой травой поросли, в речках только золотые рыбки плещутся, в лесах златоперые птички пересвистываются. Видно, ничего не остается бедняку пастуху, как опять скитаться идти по чужой подземной земле, а родные края позабыть.</i>
$\lceil \Omega \uparrow \Downarrow$	б) На обратном пути увидел «дерево, да такое высокое – верхняя ветка в небо

	упирается». Пастух спас орлят от змеи, за это орлица забросила его себе на крыло и доставила его вверх по дыре-скважине на землю.
[Ω	а) Брильянтовый дворец с феей из подземного царства. Фея пришла за пастухом и осталась жить с ним на земле (<i>Ты мой, я твоя навеки!</i>).

Говоря о траектории передвижения героев, нельзя не сказать и о времени преодоления пути из «своего» в «чужое» пространство. По замечанию И. Пачаи, большее внимание в венгерских волшебных сказках уделяется описанию пространства, чем времени, связанного с сюжетом. Для обозначения времени служат сравнительно простые обороты типа: *«Egyszer volt, hol nem volt»* («Было однажды, где не было»); *«Hol volt, hol nem volt, volt egyszer»* («Где было, где не было, было однажды»)) [10, с. 46]. Время передается как в численных значениях, так и описательными оборотами, по которым можно предположить, долго или быстро добирались герои: *На дерево полезай и до тех пор лезь, пока все семь пар бочкоров* (здесь в значении «крестьянская обувь») *и одежды семь смен не истрепешь вконец, покуда они сами с тебя не свалятся. Тут увидишь прямо перед собой ветку, иди по ней до конца, а на самом конце будет листочек последний. Вступай на него смело, там и сыщешь замок девятиглавого дракона.* Здесь, судя по описанию, нетрудно предположить, насколько долго герой добирался до вершины дерева, пока одежда и обувь не износились. В следующих повествованиях оговаривается время преодоления расстояния из одного в другое пространство: *Семь дней, семь ночей взбирался он по чудо-дереву без передыху, цеплялся за ствол, подтягивался, повисал на ветках здесь и там, пока не истерлись, не свалились с него седьмая одежда да седьмая пара бочкоров. И тут увидел он перед собой длинную-предлинную ветку – в точности как поросенок тот говорил. Но какая ж она тонкая была, эта ветка, моей руки не толще, а может, и еще тоньше! Янош не стал долго раздумывать – лег на ветку животом и пополз вперед да вперед* [5]; *Семь дней, семь ночей летел парень вниз, только на восьмой день почувал, что опять твердая земля под ногами* [5, «Коза-вещунья»].

Чужое пространство в русских и венгерских сказках относительно героев становится своим. Так, в венгерской сказке «Златорунный баран» герой остановился в королевском городе, где рассмешил королевну Несмеяну, за что король отдал дочь в жены: *А молодой король, пастух бывший, тотчас велел кареты шестериком запрячь и послал их за отцом своим да за братьями. Добром щедро с родней поделился, всех в люди вывел. Так и живут они в тех краях <...>.* Здесь пастух взял в жены королевну, остался в ее королевстве, призвав своих родственников к себе, тем самым превратив «чужой» локус в «свой».

Таблица 4

Траектория героя в сказке «Златорунный баран»

[Ω	а) «Свой» локус – отцовский дом.
Ω	б) Границей выступает сама дорога: пошел по свету бродить по горам, по долам службу искать.
Ω [	в) «Чужой» локус – другое село, дом богача.
[Ω ¶	б) Со златорунным бараном домой зашагал в обратный путь из дома богача.
[Ω	г) «Чужой» локус – город, где живет сам король, становится «своим».

Также в сказках «Силач Янош», «Черное урочище» [5] «чужой» локус превращается в «свой», во-первых, благодаря женитьбе за особые заслуги: *поблагодарил король Яноша за то, что страну его от врагов спас, тотчас в герцоги произвел и самую красивую дочку в жены ему отдал* [5, «Силач Янош»]; *Увидел король, на чьей стороне правда, приказал рыжего обманщика к хвосту лошади привязать и по*

всей улице городской проволочь. А трех своих дочерей трем королевичам отдал, тут же все три свадьбы сыграли. Дюрка с младшею королевной в Черном городе жить остались, а братья его повезли своих жен домой к себе. Так и живут с тех пор, коли не померли [5, «Черное урочище»]. Во-вторых, герой перевозит из старого «своего» локуса в новый «свой» локус, в прошлом «чужой», своих родственников: *Янош съездил в свою деревню, привез к себе мать родимую, и жила она с той поры горя не ведая. Да они и сейчас все живы, коль не умерли* [5, «Силач Янош»]. Здесь мы видим, что герой превращает «чужой» локус в «свой» за счет того, что он перевозит своих родственников в новый локус. Данное описание действий героя мы можем причислить к особенностям венгерских сказок, причем зачастую это и есть счастливый конец. В русской же сказке родственник сам приезжает, а не герой едет за ним: *Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери* [9].

Рассмотрим особенности русской сказки «Жар-птица и Василиса Прекрасная» [9, вариант 1]. «Чужой» локус превращается в «свой» для Василисы-царевны, для которой край света и синее море выступают «своим» локусом до того, как ее стрелец-молодец привез обманным путем. Тридешатое царство, в котором жил стрелец-молодец, относительно Василисы-царевны было «чужим» до того, как он *сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать* и женился на ней, и жил с ней *долгие лета в любви и согласии*. Также была украдена царевна (*как взошла – корабль и отплыл, и пошел гулять по синему морю*) и выдана замуж не за героя, а за царя в сказке «Семь Симеонов» [9]: *Как сошли они на берег, народ стал кричать и шуметь; а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою царевной – и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир! А семи Симеоном дал волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать беспошлинно, владеть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкал и домой отпустил с казной на разживу*. Как видно из фрагмента сказки, «чужой» локус становится «своим» относительно царевны.

Перемещение семи Семионов-однобрюшников в этой сказке замкнутое, т. е. «своим» локусом выступает та сторона, которая «не причитается барской земле», где отцы и деды их землю пахали, куда и возвращаются братья после всех приключений. «Чужим» локусом были царские палаты и неведомый остров, откуда они и выкрали царевну. Границей же между «своим» и «чужим» локусом выступали сизые горы и синие моря.

Относительно стрельца-молодца в сказке «Жар-птица и Василиса Прекрасная» [9, вариант 1] некоторое тридешатое царство, за тридевять земель, выступает «своим» локусом, откуда герой начинает движение. Перемещения стрельца-молодца от «своего» локуса к «чужому» многократны, границей же выступает дорога: *едет он дорогой, едет широкою, на заре поехал, поехал за тридевять земель, пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука, приезжает <...> привозит*. Так, траектория стрельца-молодца выглядит следующим образом:

Таблица 5

Траектория стрельца-молодца в сказке «Жар-птица и Василиса Прекрасная»

$\lceil \Omega$	а) «Свой локус» тридешатое царство царя.
$\Omega \rfloor$	б) «Чужой» локус – лес, где нашел перо.
$\lceil \Omega \rceil$	а) Вернулся к царю.
$\Omega \rfloor$	в) Поле, где схватил жар-птицу.

┌ Ω ┐	а) Вернулся к царю.
Ω ┌	г) Край света, где солнышко из синя моря восходит, откуда привез сонную Василису-царевну.
┌ Ω ┐	а) Вернулся к царю.
Ω ┌	д) Край света, посредине синего моря, откуда достал царевнино подвенечное платье.
┌ Ω ┐	а) Вернулся к царю.

Ранее нами отмечался факт превращения «чужого» локуса в «свой» при определенных жизненных обстоятельствах. Следует отметить, что и «свой» локус порой может стать «чужим» при подобных определенных условиях. Так, в венгерской сказке «Молочный колодец» [5] маленький королевич был изгнан отцом из дворца за то, что, ничего не подозревая, отпер железную дверь беседки, где сидел великан, который иссушал молочный колодец: *Ох и рассвирепел король, страшное дело! Всю челядь созвал, бил, колотил почем зря, люто допрашивал: кто посмел железную дверь отпереть? Дошла очередь до мальчонки-слуги, и его король не пощадил, стегать принялся, но тут взмолился маленький королевич:*

– Не бей его, родимый батюшка, это я виноват, я великана выпустил!

И до тех-то пор зол был король, но тут едва не задохнулся от ярости. Собственный сын на посмеище его выставил! Тотчас собрал он своих самых главных советников и спросил, как следует наказать сына, который над собственным отцом насмеялся.

Советники в один голос сказали: «Такого сына надо смерти предать!»

Крепко рассердился на сына король, но все же сын – не чужая кровь, не стал он жизни его лишать, но велел с глаз долой убираться, потому что больше за сына его не считает [5, «Молочный колодец»]. После этого жил королевич с великаном, который стал ему вместо отца, вырос, отправился в Белое королевство, женился на дочери короля и стал там королем, да так и не вернулся в отчий дом, откуда был изгнан еще мальчишкой и который впоследствии стал для героя чужим, так как нет даже упоминаний о доме после изгнания.

В русской сказке «Чудесная рубашка» [9] «свой» локус для купеческого сына Ивана стал «чужим» из-за корыстных целей двух старших братьев, которые выпросили у матери младшего брата Ивана: *на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там – с тем, чтобы все отцовское имение разделить меж собой на две части, а его лишить наследства.* Жил и рос Иван в лесу один в доме названных братьев в образе орла, сокола и воробья. Служил им многие лета, а за службу дали ему богатырского коня и рубашку, которую пуля не берет. Победил, но не убил Змея Горыныча и женился на Елене Прекрасной, которая предала его, обольстившись на сладкие речи Змея, за что поплатилась жизнью. А Иван женился на ее служанке, так и не воротился в свои родные края. Так же, как и в предыдущей сказке, дом, откуда герой был изгнан, так и не упоминается: отчий дом, некогда свой, превратился в чужой.

Таким образом, и в венгерских, и в русских сказках имеет место трансформация «своего» в «чужое». В основе данного изменения зачастую лежат такие негативные помыслы, как злость, зависть, отчаяние и т. д.

В венгерских и в русских сказках герой, передвигаясь из одного пространства в другое, нередко заходит в лес. Зачастую это пограничная зона, где обитают чужие, и место тоже не родное. В венгерских сказках локус леса однозначно чужой, живут там, как показывает материал, существа, чуждые человеку: *В лес поскачем, мой маленький господин. Разыщем там дикого вепря, да не простого, особенного. В голове у того вепря кубышка, а в кубышке девять ос пребольших. В этих-то осах вся сила драконова. Коль удастся нам их всех истребить, станет дракон слабее младенца*

[5, «Дерево до небес»]; Шел, шел красавец Палко через горы и доли, а к вечеру попал в лес большой, в чащобу нехоженую. Увидел вдали огонек, будто свеча горит. Пошел на огонь, а он с каждым шагом все ярче да выше, под конец даже страшно стало, словно дом большой полыхает. «Ох, – думает Палко, – видно, здесь великаны живут». Так оно и было: вокруг костра сидело великанье семейство; Вот тебе кнут с медным наконечником, выйдешь сейчас через эту дверцу тайную и в лес ступай. Там трижды щелкни кнутом, да покрепче, чтобы лес загудел. Как в третий раз щелкнешь, сбегутся к тебе все бесы и бесенята, какие только есть на земле [5, «Красавец Пал»]; Пошел Янош в лес густой, стал свиней искать, хотя их никогда там и не было. Это ж каждому умному человеку понятно: староста погубить Яноша вздумал, затем и в лес послал, может, там зверь какой его задерет [5, «Силач Янош»]; Пошел наш портной по свету бродить; шел да шел, и попался ему по пути густой лес. А он уж и притомился изрядно, решил отдохнуть, прилег возле родника. Только прилег – подходит к роднику чёрт за водой с бурдюком преогромным из буйволиной шкуры [5, «Удалец портной»].

В русских сказках локус леса тоже чужой и живет там Баба-яга: Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят [9, «Василиса Прекрасная»]; Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими; не можно взглянуть – такой лес! А тут сделалась в лесу елань такая широкая, а на ней стоит избушка. <...> И услышала это баба-яга [9, «Илья Муромец и Змей»]. Локус леса в русских сказках еще и связан с местом, куда посылают на верную гибель: Мачеха: Вези свою дочь в лес. <...> Уехал старик, а баба сидит да ждет: как-то он дочерние косточки привезет! [9, «Дочь и падчерица»]. В своих исследованиях В.Я. Пропп указывает, что «лес окружает иное царство, что дорога в иной мир ведет сквозь лес» [11, с. 41].

Отметим, что в русских сказках в лесу живут и встречаются хоть и чужие люди, но помощники: Долго ли, коротко ли заехал он в темный лес; видит – избушка стоит, в той избушке стар человек живет. Иван-царевич зашел к нему: – Здравствуй, дедушка! – Здравствуй, русский царевич! Куда бог несет? – Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он? – Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них [9, «Иван-царевич и Белый Полянин»]; ...он и пошел; шел, шел и пришел в лес. Сидит на дереве старый старичок <...> Старик дал ему каточек: "Куда этот каточек покатится, туда и ступай за ним!" Каточек покатился, а царевич за ним; прикатился каточек к высокой горе и пропал; царевич пошел в гору, дошел до половины горы, да вдруг и пропал [9, «Птица говорунья»].

В сборнике русских народных сказок наряду с локусом леса встречается и локус моря, который тоже чаще всего чужд герою: Иван-царевич пустился в чуждальную сторону; ехал, ехал и приехал к синю морю, остановился на бережку и думает: «Куда теперь путь держать?» [9, «Три царства – медное, серебряное и золотое»]; «Тотчас подхватили они стрельца со старухой, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине – на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухой на руках держат. Крикнула старуха громким голосом – и приплыли к ней гады и рыбы морские: так и кишат! Из-за них синя моря не видно!» [9, «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»]. Рассмотрим траекторию движения Ивана-царевича в сказке «Морской царь и Василиса Премудрая», где границей выступает сама дорога из «своего» локуса, тридевятого царства, в «чужой» – море.

Траектория движения Ивана-царевича в сказке
«Морской царь и Василиса Премудрая»

Ω	а) «Свой» локус – тридесятое государство царя, где жил Иван-царевич.
Ω	б) «Чужой» локус – озеро, где нужно искать перстень. Так, царь-отец отправил сына к озеру, чтобы оттуда он попал к морскому царю.
Ω	в) «Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая». Выполнив три задания морского царя, Иван-царевич берет в жены Василису Премудрую.
Ω	а) Возвращение домой. «Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на Святую Русь». По дороге домой морской царь дважды отправил погоню за ними, а в третий раз сам поехал, но не смог возвратить их.

В сборнике венгерских сказок «Дерево до небес» мы встретили одно упоминание о море, которое представлено как результат победы над ледяным королем: *Да, только пока они к его городу шли, от города этого и следа не осталось: растаял он, превратился в море; уж пил его, пил ледяной король, так и не выпил, на тот свет отправился, да и там не скоро, видать, пить захочет* [5, «Король ледяного королевства»].

Оппозиция «чужой» в русских и венгерских сказках ощутима еще и относительно слушателя или читателя. Рассказчик, начиная повествование, сразу же намечает локус, где происходили события, тем самым обозначает, что слушатель здесь, на своем месте, а события, например, в венгерских сказках происходили далеко: *отсюда за семьюдесятью семью государствами* [5, «Красавец Палко»], *за морем-океаном, за семьюдесятью семью царствами-государствами и еще на кривой вершок подальше, если отсюда глядеть* [5, «Силяч Янош»]. В русских сказках понимание координат «своего» по отношению к герою и «чужого» по отношению к читателям выясняется из следующих форм начала повествования: *В некотором царстве, в некотором государстве...* [9, «Елена Премудрая», «Хрустальная гора», «Заколдованная королевна»], *Во городе Киеве у нашего князя Владимира...* [9, «Данила Бессчастный»], *В одном было городе...* [9, «Крест порука»].

Итак, нами были рассмотрены ценностные понятия «своего»/«чужого» локуса относительно героев и читателя. На примере сказок мы наблюдали, как «чужой» локус может перейти в «свой» локус и наоборот при определенных условиях или стечении обстоятельств. Наряду с этим следует отметить, что сторонники тезаурусной концепции в дихотомической оппозиции «свое»/«чужое» выявляют еще и третий компонент – «чуждое», который не переходит в ранг «свой» или «чужой», так как представляет из себя нечто совсем антиценное. Если в сказках совершаются аморальные поступки, то это происходит для героев в «чужом» государстве («чужом» локусе): *В некотором царстве, не в нашем государстве* [9, «Отец и дочь»], как это было в сказке «Отец и дочь», где рассказывается о сексуальном соvrращении дочери родным отцом: *И сотворил с нею грех насильно, и с того самого времени понесла она чадо*. Отец порубил дочь, чтобы не пошла молва, все же грех не утаишь, узнал обо всем приказчик, доложил царю. *Царь приказал купца расстрелять, а мальчика взял к себе*. По справедливому замечанию Н.В. Захарова, «в тезаурус встроен защитный механизм от информации, основанной на антиценностях (для субъекта): она воспринимается субъектом как чуждая и если и пересекает границу тезауруса, то только в форме ее критики» [6, с. 12]. Если рассматривать «чуждость» по отношению пространства в сказках, то полагаем, что чуждыми для героя локусами выступают те места, где не жил и не будет жить человек, причем как в русских, так и в венгерских сказках. Так, говорится, например, о

трех царствах дочерей Ворона Вороновича – медном, серебряном и золотом, которые находятся в иноверной земле, куда нужно спускаться через яму подземельную *ни много ни мало – ровно три года* и где *доселева русского духа было видом не видать, слухом не слышать, а нонче русский дух воочью проявляется!* [9, «Три царства – медное, серебрянное и золотое»] или *замке девятиглавого дракона* [5, «Дерево до небес»]. Чужими локусами выступают места, где живут чужие для героя люди, и, соответственно, он не живет с ними. В зависимости от стечения обстоятельств, герой превращает «чужой» локус в «свой», о чем говорилось раньше.

В сказках причудливо интерпретированы понятия о «своем» и «чужом» пространстве, ибо мир сказок волшебен, и в то же время это и отражение наивной картины мира, и своеобразная школа для детей того времени и, несомненно, современности. Образы пространства в венгерских и русских сказках универсальны, так как универсален мир, однако вербально-ментальное выражение данных образов различно.

Литература:

1. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 42 с.
2. Аппоненко И.Н. Лексико-семантическая классификация наименований персонажей сказок (на материале сборника «Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева) // The XIIth International scientific and practical conference “Advancing in research and education”, December 07–10, 2020 La Rochelle, France. P. 440–444.
3. Арискина Т.П., Бусарова Е.А. Употребление безличных предложений в венгерском языке (на материале сказок Элека Бенедека) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 157–162.
4. Володина Н.Н. Общественно-культурная и научная деятельность А.Н. Афанасьева: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 19 с.
5. Дерево-до-небес: Венгерские народные сказки: Из коллекции Элека Бенедека. М.: Дет. лит., 1989. 231 с.
6. Захаров Н.В. Тезаурусный подход в современном гуманитарном знании // Новые исследования Тувы. 2009. № 1–2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tezaurusnyy-podhod-v-sovremennom-gumanitarnom-znanii/viewer> (дата обращения: 10.07.2021).
7. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
8. Нам Е.В. Космология и практика сибирского шаманизма / науч. ред. Д.А. Функ. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2017. 96 с.
9. Народные русские сказки: Из сборника А.Н. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1979. 348 с.
10. Пачаи И. Общие мотивы русских и венгерских волшебных сказок // International Scientific Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST ” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 5. № 1. P. 37–51. <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2021-3-1-37-51>.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
12. Суслов А.А. Мифологические образы пространства русской сказки // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 1 (5). С. 18–24.
13. Тонкая В.И. «Свое» и «чужое» пространство в картине мира русского человека (на примере народных волшебных сказок) // Язык и социальная динамика. 2011. № 11 (2). С. 125–130.

14. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.
15. Феклина Е.М. Религиозные элементы в речевом поведении персонажей русской народной сказки (на материале сказок из сборника А.Н. Афанасьева) // Язык и мир изучаемого языка: Сб. научных статей. Саратов, 2019. С. 75–79.
16. Berze Nagy János: Égigérő fa [Дерево до небес: Сб. статей в области мифологических исследований]. Magyar mitológiai tanulmányok. Debrecen, 2004.
17. Galuska László: Deszkavártól Jégországig. Benedek Elek meseírói munkássága. In: Benedek, Katalin (szerk.) A népköltészet terített asztalánál. Tanulmánygyűjtemény, Budapest: MTA Néprajzi Kutatóintézet, 2011. P. 197–212 [Электронный ресурс]. URL: http://epa.oszk.hu/01200/01245/00044/glp_0904.htm (дата обращения: 10.07.2021).
18. Gombos P., Németh C.R. Sárkánykép a magyar népmesekincsben: Egy kontamináció anatómiája. Anyanyelvi Kultúráközvetítés. 2019. № 2(1). P. 3–23. <https://doi.org/10.33569/akk.2341>
19. Jankovics Marcell. A fa mitológiája [Мифология дерева]. Debrecen: Csokonai Kiadó, 1991.
20. Kovács Ágnes. Benedek Elek és a magyar népmesekutatás. In: Ethnographia, LXXII/3. Budapest, 1961. P. 430–444.

Bukharbayeva Kuralay N.

Ph.D.

kuralaybukharbayeva7@gmail.com

Peter Pazmany Catholic University

Budapest, Hungary

CONCEPT OF SPACE AS "ONE'S OWN" AND "SOMEBODY ELSE'S" IN RUSSIAN AND HUNGARIAN FAIRY TALES¹

The article reveals approaches of space as "one's own" and "somebody else's" on the material of Hungarian and Russian fairy tales. The sources are classical fairytales from Benedek's book "The tree reaching to sky" and A. Afanasyev's collection "Russian folk tales". The research shows the heroes' trajectory of movement, the transition from "one's own" to "somebody else's" space through overcoming a limit or border. The heroes move from "somebody else's" space into "their own" by marriage, becoming the head of state for certain merits, often resettling relatives. As a result, fairy tales often have a happy ending. There is also a transformation of "one's own" locus into "somebody else's". This change is often based on negative feelings, such as anger, envy, despair, etc. In the Hungarian fairy tales the locus of the forest is represented as alien to humans and more stranger creatures are living there. In the Russian fairy tales the locus of the forest is also alien, Baba Yaga lives there, although the heroes may meet helping strangers, too. The locus of the sea is widely represented in Russian fairy tales, unlike in Hungarian ones. It is a common feature in both cases that the action does not take place in his/her own space of the listener, but of the narrator. Along with the value concepts of "one's own" versus "somebody else's" which can mutually substitute each other, another "alien" concept is revealed, the one which remains unperceived, being condemned by the heroes themselves in the text of fairy tales and not substituted in any case.

Keywords: *Russian fairy tales; Hungarian fairy tales; space; concept of space; locus; bipolar "one's own" versus "somebody else's"; "alien".*

¹ The study is funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003, "One's own" and "somebody else's" in modern Russian and Hungarian fiction.

Ларкович Дмитрий Владимирович

доктор филологических наук

dvl10@yandex.ru

Сургутский государственный педагогический университет

Сургут, Россия

ЛОКАЛЬНЫЕ СВЕРХТЕКСТЫ НА ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТЕ РОССИИ

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что национальная литература определяется как системное единство творческих инициатив, сосредоточенных не только в культурных центрах страны, но также находящихся и на её периферии. В статье определяется понятие «локальный сверхтекст» и выявляются причины его актуализации в современной филологической науке. Рассматривается определение этого понятия в концепции таких учёных, как В.В. Абашиев, Н.А. Купина, Г.В. Битенская, Н.Е. Меднис. На материале таких культурных феноменов, как «сибирский текст», «уральский текст», «югорский текст» автор статьи размышляет о специфике отечественного литературного процесса в его региональных модификациях. Особое место в статье занимает геопоэтика как раздел поэтики, рассматривающий образы географического пространства в индивидуальном творчестве писателей России. Хронотоп каждого из упомянутых текстов русской литературы подвергается серьёзному научному анализу. Автор статьи приходит к выводу о том, что кардинальная обусловленность культурной традицией и живая связь с современностью обеспечивают диалектическую полноту и динамическую жизнеспособность локальных сверхтекстов, а заключённая в них вариативность региональных моделей бытия даёт представление о характере многообразия форм национальной идентичности в целом.

Ключевые слова: *локальный сверхтекст; регионалистика; геопоэтика; художественная картина мира; культурная традиция; литературная топология; северный текст русской литературы; сибирский текст русской литературы; югорский текст русской литературы; уральский текст русской литературы.*

Современное литературоведение исходит из представления о том, что любая национальная литература являет собой системное единство творческих инициатив писателей, сосредоточенных вокруг культурных центров и находящихся на периферии. Игнорирование или недооценка роли регионального компонента в процессе изучения истории литературы неизбежно ведёт к искажённым представлениям о её национальной специфике и общей логике развития. Особенно важным это является для литературного процесса России в силу её исключительно масштабного территориального размаха и столь же масштабного полиэтнического состава. Отвечая насущной проблеме осмысления региональных литератур, за последние десятилетия отечественные учёные подготовили целый ряд коллективных академических изданий, в которых отражены основные этапы развития литературного движения в российских регионах: «История татарской советской литературы» (1970), «История башкирской литературы» (1972), «История мордовской литературы» (1981), «Очерки русской литературы Сибири» (1982), «История удмуртской советской литературы» (1987–1988), «История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.» (2012), «История литературы Урала. XIX в.» (2021) и др.

Растущий интерес к культурной жизни регионов послужил действенным импульсом становления регионалистики как особого раздела гуманитарного знания,

которая оказалась своего рода точкой схождения гуманитарной географии, истории, этнографии, культурологии и литературоведения. Возникшая в стремлении противостоять процессам тотальной глобализации и космополитической унификации человеческого сообщества, современная регионалистика сосредоточена на изучении материального и духовного бытия конкретной географической местности, входящей в состав государства на правах территориального образования, но представляющей собой особое культурно-историческое пространство и обладающей неповторимым ментальным ландшафтом.

Мир литературного произведения всегда осуществляется в рамках определённого пространства, имеющего образную природу. Но пространство имеет свойство не только обрамлять событийную логику произведения, но и задавать вектор её смысловой направленности. В тех случаях, когда пространственные реалии художественного текста соотносятся с конкретными географическими топосами, воспринимающее сознание читателя непроизвольно включает ассоциативные механизмы, которые расширяют смысловое поле литературного произведения за счёт ранее приобретённых знаний из области истории, культуры, географии и т. п. Оказывается, что не только пространство выступает конструктивным фактором литературного произведения, но и литература начинает конструировать конкретное географическое пространство как особый культурный феномен. «В результате, – отмечает В.В. Абашев, – рождается новая реальность места. Трудность восприятия этой реальности в том, что символическая структура места сливается с природной до неразличимости, выступая для человека в его живом опыте как некая изначальная данность места» [1, с. 6]. И действительно, каждому литературно образованному человеку хорошо знакомы такие прецедентные топонимы, как «Петербург Достоевского», «Коктебель Волошина», «Москва Булгакова», «Венеция Бродского», где географический компонент неотделим от культурного.

Акт художественного конструирования географического пространства средствами литературы в современном литературоведении определяется термином *геопэтика*. В.В. Абашев указывает, что «для филологов геопэтика – это, естественно, специфический раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или свертхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [1, с. 18].

Художественный образ конкретного географического пространства может как актуализироваться на уровне персональной творческой системы, так и складываться из совокупных усилий целого ряда творческих индивидуальностей, приобретая тем самым характер свертхтекста, который уральские учёные Н.А. Купина и Г.В. Битенская определяют как «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального и аномального» [4, с. 215]. Ключевыми свойствами свертхтекста являются его мифологичность и культуроцентричность, т. е. соотнесённость с системой вечных общечеловеческих ценностей.

Особой разновидностью свертхтекста является локальный текст, где в качестве основной межтекстовой скрепы выступает конкретное географическое пространство, освоенное человеком, а потому насыщенное человеческим смыслом. По словам В.В. Абашева, «локальный текст оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания. Его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации. Поэтому осознанное отношение к месту собственной жизни становится актуальной задачей духовного творчества» [1, с. 15]. В этой ситуации локальный текст, закреплённый в содержательном единстве различных

литературных источников (субтекстов), становится условием, при котором пространство обретает свой собственный голос, осознаёт и вербально презентует себя.

Наиболее разработанными в современном отечественном литературоведении являются т. н. городские тексты, и это неслучайно, ибо город с его культурно-исторической аурой, витальной геометрией и сакральной топологией сам может быть прочитан как текст, а, по меткому замечанию Н.Е. Меднис, «по структуре своей текст города в некотором смысле приближается к художественному тексту» [6]. Благодаря этому, в широкий научный обиход уже прочно вошли такие терминологические обозначения, как «петербургский текст» (В.Н. Топоров), «московский текст» (М.П. Одесский), «пермский текст» (В.В. Абашев), «казанский текст» (Л.Е. Бушканец), «ярославский текст» (Е.М. Болдырева), «новгородский текст» (И.С. Абрамовская) и др., которые закрепили представление о характере городских топов как культурных феноменов.

Наряду с этим осуществляется достаточно интенсивное изучение локальных текстов, связанных с различными регионами российской провинции. Коллективные усилия специалистов в области геопоэтики послужили основанием для появления на литературной карте России таких топографических объектов, как «алтайский текст», «крымский текст», «поморский текст», «уральский текст», «северный текст», «сибирский текст» и др. Совсем недавно стараниями филологов г. Сургута в научный оборот было введено понятие «югорский текст».

По мнению Е.Ш. Галимовой, характеризуя региональный текст, исследователь в первую очередь должен быть сосредоточен на выявлении специфики запечатлённой в нём художественной картины мира, включающей «совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления. Отражая своеобразие менталитета населения (края, провинции, территории), она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира (возникающим в творчестве отдельных писателей, как уроженцев этого края, так и “осваивающих” его как “чужую” территорию), а с другой – с общенациональной картиной мира, а её воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального сверткста» [2]. В справедливости данного утверждения можно убедиться на материале сверткстовых моделей, презентующих наиболее масштабные регионы России.

Сибирский текст как концептуализированное семиотическое образование начинает формироваться с конца XVII века, вскоре после начала колонизации этого исключительно обширного региона, раскинувшегося на территории от восточных отрогов Уральского хребта до берегов Тихого океана. Долгое время Сибирь фигурировала в литературных источниках как пространство амбивалентной семантики. С одной стороны, она воспринималась как пространство бескрайних просторов, буйства неукротимой, первозданной природы и – как следствие – неограниченной социальной и личной свободы человека, живущего на лоне этой величественной природы. С другой стороны, уже начиная с «Жития протопопа Аввакума», Сибирь долгое время позиционируется как территория тотальной несвободы, место обитания ссыльных, каторжных, вынужденных переселенцев. Кроме того, образ Сибири (в особенности в произведениях, созданных за её пределами) ассоциируется с холодом, зимой, ночью, которые в мифологическом контексте являются атрибутами загробного мира. Однако, как отмечает В.И. Тюпа, «это вообще отнюдь не инфернальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти, но скорее богоугодное место временной смерти: *лиминальный* (пороговый) хронотоп смертельного испытания» [8, с. 28].

Неслучайно одним из наиболее частотных в сибирском тексте выступает образ реки как символ границы между мирами живых и мёртвых и косвенно указывает на

связь с обрядом инициации. Весьма показателен в этом смысле финал романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», когда находящийся на каторге Раскольников, сидя на берегу «широкой, пустынной реки» вдруг начинает ощущать возможность личного возрождения после духовной смерти: «С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» [3, с. 421].

Характеризуя роль и место сибирского текста в русском литературном процессе, А.С. Янушкевич утверждает мысль о том, что «через Мертвый дом как символ каторги и ссылки к Воскресению как этапу духовного преображения русская литература в лице Достоевского и Чернышевского, Короленко и Успенского, Станюковича и Лескова, Чехова и Толстого формировала сибирский текст как историю “униженных и оскорбленных” и как возрождение человека через приобщение к Сибири» [9, с. 344].

Образно-тематическая и смысловая специфика *уральского текста* во многом обязана ландшафту территории, его породившей. В отличие от сибирской (да и в целом русской) равнинной местности, имеющей по преимуществу горизонтальное расположение, Урал ассоциируется с горными массивами и их недрами, что определяет вертикальную локацию его образных моделей. Характеризуя принципы конструирования Урала как геокультурного феномена, В.В. Абашев уточняет: «Описываются горы, но речь идет не о вершинах, а о недрах, о глубине. Устремленность в земную глубину – это и есть преобладающий вектор формирования региональной уральской геопэтики. Она носит ярко выраженный теллурический характер» [1, с. 25].

Формирование уральского текста было обусловлено активным развитием горнодобывающей промышленности на Урале в XVIII столетии и формированием особой горнозаводской культуры. Освоение природных богатств, заключённых в недрах Уральских гор, актуализировало базовые константы хтонической мифологии, в основе которой – представление об антропоморфной и зооморфной одушевлённости подземных стихий. Лейтмотивной доминантой уральского текста выступает драматическое пересечение мира людей и мира подземных духов в процессе цивилизационной динамики уральского региона. Человек в стремлении утвердить своё господство над природными стихиями и овладеть сокровищами горных недр неизбежно сталкивается с противодействием тайных сил, сокрытых в глубине земли.

Наиболее выразительно этот текстообразующий мотив представлен в сказах П.П. Бажова, созданных на основе уральских легенд и сказаний. Здесь представлен обширный пантеон духов земли, во главе которого – хозяйка земных недр Малахитница. Согласно мифологической традиции, отношения людей и высших существ всегда строились на основе договора, нарушение которого неизбежно влекло за собой нарушение космического равновесия. В связи с этим Бажов интерпретирует уральскую мифологию в этическом и эстетическом ракурсе: хтонические силы щедро одаривают того, кто способен бескорыстно видеть в природе её первозданную красоту, и жестоко наказывает того, кто относится к ней потребительски.

Югорский текст – достаточно позднее культурное явление, что обусловлено возникновением письменности коренных народов Югры – ханты и манси – лишь в 1930-е гг. Несмотря на то, что первое упоминание о Югре содержится в «Повести временных лет» (1096), полноценное формирование литературы Югры и о Югре начинается лишь во второй половине XX века в связи с промышленным освоением Тюменского севера. Развитие югорской литературы на современном этапе происходит по трём основным направлениям: литература коренных народов на их родном языке,

литература коренных народов на русском языке, собственно русская литература Югры. Но несмотря на её языковую, ментальную и идеологическую неоднородность, современная югорская литература имеет центростремительный характер, обусловленный территориальной привязкой. В фокусе её внимания остаётся Югра как предмет художественного изображения и осмысления, как культурно-исторический феномен и место осуществления житнетворческого человеческого потенциала.

Основным конституирующим фактором югорского текста является миф о преображении мира, который входит в число т. н. космогонических мифов и отражает завершающий этап упорядочения жизни в её движении от хаоса к космосу. Югорский текст предполагает два варианта творческой интерпретации этого мифа, один из которых восходит к традиционной культуре коренных народов Югры, другой – к индустриальной культурной традиции.

Первый рассматривает цивилизационные процессы, связанные с освоением Среднего Приобья, как фактор, разрушающий целостность первозданного бытия. Так, в повести Т.А. Молдановой «Касания цивилизации» читатель видит, как идиллический патриархальный мир народов Югры, где человек живёт в единстве с природой, уступает место новой промышленно-урбанизированной реальности, в которой вместо величественной тайги громоздятся буровые вышки и грязные бараки, вместо пения птиц слышен скрежет моторов и грохот сваебойных машин, вместо чистого неба – дымовая завеса и марево выхлопных газов. Сила цивилизации и социального прогресса, кардинально меняющих жизненный уклад и традиционные ценности коренных народов, представлены в повести в символическом образе реки, которая неумолимо прокладывает себе новое русло и уносит своими потоками всё, что оказывается у неё на пути: «Оказавшись на берегу, почуяв опасность, деревья всеми силами пытались сохранить жизнь, цеплялись за питающую их землю. Все бесполезно, вода знала свою работу, методично, шаг за шагом, она посягала на самое сокровенное, она посягала на корни. Неспособные убежать, беспомощные кедр, березки, рябинки все ниже и ниже склоняли свои обреченные головы. Наконец обламывался последний корешок, и они падали. Река с радостью хватала их трупы, уносила неведомо куда и с новой энергией бралась за очередную жертву» [7, с. 51].

Индустриальная же модификация мифа о преображении мира главной инициативной силой, преобразующей хаос дикой природы в мир цивилизованной гармонии, видит человека – строителя и созидателя. Романтика нелёгких трудовых свершений, которой исполнены страницы произведений югорских писателей, обусловлена твёрдой убеждённостью людей в том, что каждый из них лично участвует в созидании нового мира, который знаменует торжество человеческого разума и воли над природными стихиями. В результате сам человек приобретает статусдемиурга и наделяется божественными свойствами:

Судите нас,
Как нас... судила – жизнь,
Когда мы с ней на равных говорили,
Когда как... боги новый мир творили,
Когда мы наших девушек любили,
И города над Обью возводили,
И Родиной умели дорожить [5, с. 33].

В результате миф о преображении мира, обладающий в югорской литературе амбивалентной природой, неизбежно приводит читателя к мысли о преображении человека, которое невозможно без ясного осознания своей подлинной сущности, без возвращения к своему божественному первообразу. И в этом югорский текст обнаруживает свою коренную связь с русской классической литературой, для которой идея преобразования человека является магистральной.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что региональные свертхтексты – структуры открытого типа, предполагающие процесс включения новых произведений и приращения смыслового потенциала. Кардинальная обусловленность культурной традицией и живая связь с современностью обеспечивают их диалектическую полноту и динамическую жизнеспособность. Вариативность региональных моделей бытия, запечатлённых в локальных свертхтекстах, даёт представление о характере многообразия форм национальной идентичности в целом.

Литература:

1. Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие. Пермь: Изд-во ПермГУ, 2012. 140 с.
2. Галимова Е.Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального свертхтекста. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsifika-severnogo-teksta-russkoy-literatury-kak-lokalnogo-sverhteksta> (дата обращения 03.05.2021).
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6: Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / Текст подгот. Л.Д. Опульская. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 423 с.
4. Купина Н.А., Битенская Г.В. Свертхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура: коллективная монография под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 214–233.
5. Матвеев В.С. Случилась просто жизнь: [стихи]. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2017. 299 с.
6. Меднис Н.Е. Свертхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=3> (дата обращения 03.05.2021).
7. Молданова Т. Касания цивилизации // Мир Севера. 1997. № 3. С. 50–63.
8. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
9. Янушкевич А.С. Дихотомия сибирского текста // Евроазиатский культурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск: изд-во Томск. ун-та, 2007. С. 334–345.

Larkovich Dmitry V.

Doctor of philological sciences

dvl@yandex.ru

Surgut State Pedagogical University

Surgut, Russia

LOCAL SUPERTEXTS ON THE LITERARY MAP OF RUSSIA

The particular relevance of the topic is stipulated by the fact that national literature is defined as a systemic unity of creative initiatives, concentrated not only in the cultural centers of the country, but also located on its periphery. The article defines the concept of “local supertext” and identifies the reasons for its actualization in modern philological science. This formation is shown from the point of view of such scientists as Vladimir Abashev, Natalya Kupina, Galina Bitenskaya, Nina Mednis. Based on the material of such cultural phenomena as “Siberian text”, “Ural text”, “Ugra text”, the author of the article reflects on the specifics of the domestic literary process in its regional modifications. The geopoetics as a part of poetics that is concentrated on the images of geographic space in the individual works of Russian writers has an essential role in the article. The chronotope of each of the mentioned

texts of the Russian literature is subjected to elaborated scientific analysis. As a result, the researcher comes to the conclusion that the cardinal conditionality of cultural tradition and the living connection with modernity ensure the dialectical completeness and dynamic viability of local supertexts, and the variability of regional models of being contained in them gives an idea of the nature of national identity forms diversity as a whole.

Keywords: *local supertext; regionalism; geopoetics; artistic picture of the world; cultural tradition; literary topology; the Northern text in the Russian literature; the Siberian text in the Russian literature; the Ugra text in the Russian literature; the Ural text in the Russian literature.*

УДК 821.161.1

Манчев Алексей Николов

al.manchev@gmail.com

*Софийский университет им. Св. Климента Охридского
София, Болгария*

НРАВСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ РОМАННОЙ ПРОЗЫ Е. ВОДОЛАЗКИНА

В статье рассматриваются осцилляции в развитии литературного процесса в отношении нравственного контекста романной прозы. Особое внимание уделяется несоответствию уровня технологий и нравственности в XXI веке, что расценивается как социальный феномен. Представленная работа ставит перед собой целью осмысление истории социума в этическом ракурсе; отдельно рассматривается «история души» в романах Е. Водолазкина. Нравственный контекст понимается условно как художественный прием в творчестве Е. Водолазкина.

Ключевые слова: *нравственный контекст; «история души»; персональные права; «внутренние законы»; персональная ответственность.*

*Уроки истории не касаются конкретики,
они лежат в области нравственности, а не политики.
Е. Водолазкин*

В XX веке, по мнению А.М. Горького, «с развитием цивилизации ценность человеческой жизни явно понижается...» [6, с. 102]. В XXI веке, через 100 лет после А.М. Горького, писатель А.Н. Сенкевич отмечает нынешнее состояние нравственности: «...нравственное совершенство и умственное развитие так и не слились в нашем сознании в единую линию поведения и действий» [10, с. 22]. В течение последних 100 лет и происходили осцилляции в развитии мирового литературного процесса – именно в нравственном контексте литературных произведений.

В начале 70-х годов прошлого столетия на Западе в «обществе потребления», по Г. Дьяконову, появилась литература «нравственного разоружения», сущность которой состояла в «бунте против морали» в литературе [7, с. 259]. Особое место в литературе в этот период занимает постмодернизм, который, по мнению американского критика Д. Графа, ставит под вопрос человеческие ценности в литературе и искусстве [11, с. 240]. Целью западной литературы постмодернизма в то время являлось разрушение старых ценностей путём турбулентного проникновения в сознание молодёжи: искусство должно быть недидактичным или «инфрадидактичным» [7, с. 250]. Популяризация насилия в западной литературе 70-х годов приобрела центральное

место в художественных приёмах постмодернизма. По мнению Д. Графа, «содержание является лишь предлогом, той целью, той приманкой, с помощью которых произведение вовлекает сознание читателя в „формальные по своему существу процессы трансформации“» [7, с. 259].

В 1991 году произошёл мировой катаклизм – распад огромной советской страны. В новой России начался процесс построения общества потребления, и культурные явления Запада отразились в новом российском обществе как в зеркале. Каждый советский творец, так же как и обыкновенный гражданин, жили в одной культурной парадигме, а потом резко оказались в совершенно другой культурной парадигме. Русская литература 90-х годов прошлого столетия в большинстве своём отражала новейшее мировоззрение, творцы выражали правду, якобы скрытую из-за официальной морали, запретами закона, религии. Видимо, писателям казалось, что они раскрывают скрытую действительность. «Колонизация сознания» и «революция сознания» нашли благодатную почву в российской культуре на базе зарождающегося российского общества потребления. Ожидаемо, доминантой литературного процесса в России 90-х годов прошлого столетия стал постмодернизм. Некоторые писатели имплицитно выразили свой протест против общепринятых литературных норм, и таким образом состоялось «не лимитированное внедрение вульгарно-непристойной лексики в язык искусства ... эстетическая норма ушла» [7, с. 242]. Примером тому является обценная лексика во многих романах 90-х – начала 2000-х годов. Литературой «нравственного разоружения» (по Г. Дьяконову) можно условно назвать русскую художественную литературу, доминирующую в 90-х годах прошлого столетия.

Развитие технологий в XXI веке привело к повышению качества жизни, но в это же время человек не стал ответственной и дружелюбней. Технологии зачастую используются и во вред человеку: Е. Водолазкин в интервью В. Познеру¹ выразил свою позицию, что интернет усиливает энергию зла, разливая её по всему миру, и здесь уже агрессия как киберфеномен. Количество преступлений в XXI веке увеличилось и дополнилось компьютерными преступлениями, кибератаками и др. Принимая во внимание тот факт, что уровень технологий не соответствует уровню нравственности, невозможно не заметить, что мир нашего времени находится на грани не техногенной, но скорее нравственной катастрофы.

Видимо, поэтому в XXI веке произошла «перезагрузка» нравственного контекста в русской литературе, снова появился, например, роман воспитания. Актуализируется нравственный потенциал литературы, где центральной становится проблема нравственного выбора.

Свидетельством «перезагрузки» нравственного контекста являются попытки современных писателей выявить важнейшие нравственные проблемы современности посредством своих художественных текстов. Романы Е. Водолазкина «Лавр» [4], «Авиатор» [2], «Брисбен» [3], «Оправдание Острова» [5] можно понимать как нравственный дискурс. Художественный мир Е. Водолазкина – это не морализаторство, не лекции о нравственности и не руководство по ценностной системе для человека. Скорее, романы Е. Водолазкина – это помощь каждому, кто намерен сделать свой нравственный выбор.

О романах «Лавр» и «Авиатор» написано много исследовательских работ литературоведов и критиков, а автор Е. Водолазкин подчёркивает, что в своих романах исследует не историю, а историю души [8]. Это помогает решить главную задачу литературы – достучаться до сердец, до каждого конкретного человека. Нравственный контекст романа «Лавр» (2012) выражен посредством образа главного героя Арсения, живущего в художественном мире средних веков, который наделен божьим даром

¹ Гость Евгений Водолазкин. Познер. Выпуск от 01.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2Xfo_oXvc4Q.

лечить людей. В романе перед протагонистом стоит нравственный выбор: жить в богатстве, комфорте и лечить богатых людей или идти в мир, жить в простых условиях и лечить бедных людей: «Слава моя одолела меня, гнёт к земле и мешает беседовать с Ним (с Богом)» [4, с. 86]. Арсений делает свой нравственный выбор: он отрекается от благ и богатства во имя спасения многих жизней обычных людей. Писатель и филолог Е. Водолазкин имплицитно ведёт к тому, что современному человеку следовало бы изменить нравственные ориентиры.

Нравственный контекст является особенностью художественных текстов Е. Водолазкина: в его «неисторических» романах происходит осмысление истории в этическом ракурсе. Поэтому о своём новом романе «Оправдание Острова» (2020) автор говорит о том, что «нравственный заряд средневековой истории очень важен», и надо черпать и черпать из него [9]. Е. Водолазкин снова возвращается к Средневековью, используя, как и в «Лавре», этот нравственный заряд – библейские ценности. Сегодня, когда непрерывно говорят о свободе личности и праве её выбора, как никогда актуальна нравственность, моральная устойчивость современного человека: «В центре средневекового мира был Бог, а в центре нынешнего – человек <...> сейчас же, когда в центре мира человек, взглядов много – как людей» [5, с. 20]. Свобода и демократия предполагают огромную персональную ответственность личности, а иначе – неуправляемость процессов; грустное замечание персонажа романа: «...мы не знаем, что нам с нашей свободой делать» [5, с. 70]. Демократия сопряжена с нравственностью, так как иначе, например, свобода слова ведёт к войне слов. В романе «Оправдание Острова» Е. Водолазкин пишет: «Серапион полагал, что демократическое жизнеустройство требует чувства ответственности от каждой души человеческой. Такого на нашем острове он не наблюдал. Вальдемар <...> объявил о произошедшем в нём мировоззренческом перевороте» [5, с. 146]. На наш взгляд, каждый этап развития Острова был связан с разрушением одной системы ценностей и утверждением новой системы ценностей. Безнравственность, зло, бытующее в личностном сознании персонажей романа, переворачивают историю всего Острова, что прослеживается в нарративе об Острове. Амбиции управляющих Островом в разные эпохи, их зависть и ненависть приводили к войнам: «Император был волевым человеком. Он жаждал получить Остров и получил его» [5, с. 64]. Стихийные же бедствия объяснялись греховностью народа: «В годину нашего духовного опустошения вода поднималась на грозную высоту» [5, с. 8].

В романе «Оправдание Острова» автор возвращается к оценке событий Великой Островной революции, где отмечается массовость убийств: «В прежние эпохи злоумышленники <...> убивали людей ненавидимых <...> Руководствовались они живым, пусть и греховным чувством» [5, с. 71]. Персонаж романа обобщает: «...на ненависти не построить ничего доброго, ибо ненависть зыбка как песок, и всё стоящее на ней рассыпается» [5, с. 90].

Однако истинные православные люди – персонажи романа, продолжали придерживаться библейских ценностей даже в период тектонических социальных сдвигов, и «оказалось, что многие молились об этом всю жизнь, превратив комнаты жилищ своих в домовые храмы. Землетрясение <...> вернуло Храм церкви» [5, с. 135]. В романе «Брисбен» Е. Водолазкин сравнивает с разрушительным землетрясением распад огромной страны в 1991 году [3], а в романе «Оправдание Острова» сравнивает с землетрясением революцию 1917 года: «Основное землетрясение Храм выстоял без потерь» [5, с. 134].

Образы главных героев романов, созданные Е. Водолазкиным, и их поступки выражают нравственный контекст его художественного мира. Характерным для творчества писателя является то, что сначала в его воображении возникает определённый тип личности, затем он создаёт художественный образ и помещает его в определённый социум, затем ставит в ситуацию этического выбора.

В нарративной стратегии романа «Авиатор» (2016) просматривается, что именно в эпоху кардинальных перемен трудно делать нравственный выбор: следует ли руководствоваться моральными нормами устоев семьи или можно встать на путь преступления? Иннокентий, главный герой романа «Авиатор», вырос в интеллигентной семье, где все друг друга любили, и вспоминает об этом как о большом счастье: «В сущности, вот он, Рай. В доме спят мама, папа, бабушка. Мы любим друг друга, нам вместе хорошо и покойно» [2, с. 94]. Революция привела к кардинальным переменам в обществе. До революции нравственным ориентиром была Библия, основными заповедями которой были *не убивай, не кради*. Во время революции стало можно убивать и грабить, если человек – классовый враг. Изменения в обществе привели к негативной трансформации сознания главного героя романа. Ситуация с доносом, а затем и гибелью отца любимой девушки поставили Иннокентия перед нравственным выбором. В семье его воспитали честным, порядочным, приверженным библейским ценностям. Но в период революции Иннокентий решил убить человека и сделал это вопреки своему мировоззрению и воспитанию. Перемены в социуме перевернули нравственный потенциал главного героя и накрыли волной кардинальных нравственных перемен. В традиции русской литературы сюжетно и мотивно отражён путь грехопадения и искупления [1, с. 296]. Именно этот путь от греха к раскаянию проходит Иннокентий в романе «Авиатор». Уроки истории и истории отдельного человека восходят к библейским ценностям в романе «Авиатор». Персональная история Иннокентия – это осознание нераскаянного греха и прощение. Безнравственные поступки, грехопадение отдельных личностей, попадая в резонанс, являются причиной социальных и исторических катаклизмов в трактовке Е. Водолазкина.

Художник слова Е. Водолазкин, создавая художественный образ главного героя, иногда имплицитно подводит его к нравственному выбору и таким образом раскрывает черты его характера. Создаёт свой художественный образ писатель в соответствии с некими нравственными установками, характерными для конкретного исторического периода. Главного героя романа «Авиатор» Иннокентия интересует факт его воскрешения, свою «историческую» миссию он видит так: «Может, как раз для того я воскрешён, чтобы все мы ещё раз поняли, что с нами произошло в те страшные годы, когда я жил?» [2, с. 159]. Страшными годами Иннокентий называет годы революции, когда разразилась братоубийственная гражданская война, когда нравственные установки кардинально изменились. Понимание периода революции через личные переживания и оценки главного героя – это особенный способ трактовки тектонических сдвигов в социуме. Этическую трактовку истории можно условно назвать художественным приёмом Е. Водолазкина: «...причиной исторических катаклизмов является иррациональная тёмная сторона человеческой природы, а не политические или экономические предпосылки» [1, с. 295].

В романе «Брисбен» (2018) Е. Водолазкин открыто ставит вопрос о том, что в современном обществе вопросы нравственности стали не актуальны: «Скорее всего вопросы нравственности перестали быть в обществе центральными. Развитие человечества в Новое время было связано с углублением персонального начала. Всякое развитие, однако, имеет две фазы – созидательную и разрушительную. Созидание персонального в человеке сделало личность тоньше, открыло новые горизонты. Достижение этих горизонтов и движение за них начало личность разрушать. *Персональные права, поставленные выше нравственности, превратили современного человека в машину для удовольствий*» (курсив наш. – А. М.) [3, с. 179]. В следующем романе «Оправдание Острова» о большой идее общества демократии, где основной ценностью являются права человека, персонаж книги в принципе выражает сомнение о правильности выбранного пути: «Что касается большой идеи, то она, несмотря на величину, может быть неверной» [5, с. 62].

В романе «Брисбен» автор снова пытается «усвоить» уроки истории: метафорически он сопоставляет разделение большой страны с землетрясением, сейсмические волны от которого идут десятилетиями, даже по сей день. До распада государства с середины прошлого века моральный кодекс строителя коммунизма был основой нравственности человека в социуме, где главный принцип *человек человеку – друг, товарищ, брат*. С переходом к обществу потребления эти ценности стали неактуальны, конкуренция и борьба за место под солнцем изжили понятия *друг* и *брат*. С недоумением главный герой романа Глеб Яновский наблюдает события на майдане, которые полностью переворачивают понимание миролюбия и толерантности [3]. Во время протестов пропагандировалась ненависть к братьям – русским и восстанавливался статус фашизма. «Декоммунизация» привела к уничтожению нравственных ценностей, накопленных за десятилетия совместного проживания многих национальностей в огромной стране. Глеб Яновский в майдановское время живёт в Германии, мог бы примкнуть к протестующим, ведь Глеб рождён в Киеве. Но он сделал свой нравственный выбор: русские и украинцы для него – братья, и он их любит одинаково сильно, считает своей родиной и Россию, и Украину. Межнациональная рознь, которая лежит в основе украинского конфликта, может быть преодолена, по мнению главного героя Глеба Яновского, когда есть мир в душе каждого человека, есть толерантность к другим национальностям. Надо быть устойчивым к социальным катаклизмам, работать над собой, выстраивать собственные «внутренние» законы и повышать персональную ответственность.

Таким образом, спецификой художественного мира Е. Водолазкина является нравственный контекст его романов, что условно можно назвать его художественным приёмом, а поступки главных героев произведений писателя могут быть своеобразным нравственным ориентиром для современного человека.

Литература:

1. Бочкина М.В. Время и человек в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Русская литература XX–XXI веков как литературный процесс (проблемы теории и методологии изучения): Материалы VI Международной научной конференции: Москва, 18–19 декабря 2018 г. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 292–296.
2. Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: АСТ, 2016. 410 с.
3. Водолазкин Е.Г. Брисбен. М.: АСТ, 2018. 416 с.
4. Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: АСТ, 2012. 448 с.
5. Водолазкин Е.Г. Оправдание Острова. М.: АСТ, 2020. 416 с.
6. Горький А.М. Нельзя молчать! М.: АСТ, 2018. 400 с.
7. Дьяконов Г. Литература нравственного разоружения (о сущности «бунта против морали» в литературе и литературной критике на Западе в конце 60-х – начале 70-х годов) // Современный литературный процесс и критика: [сборник статей] / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Каф. теории лит. и лит. критики; [редкол.: В. М. Озеров (отв. ред.) и др.]. Москва: Мысль, 1975. С. 232–260.
8. Интервью Евгения Водолазкина для Radio France International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rfi.fr/ru/rossiya/20180319-pisatel-evgenii-vodolazkin-parizh> (дата обращения 06.05.2021).
9. «Оправдание Острова» – новый роман Евгения Водолазкина [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2020/12/15/izmenilos-oschuschenie-boga-i-vremeni> (дата обращения 06.05.2021).
10. Сенкевич А.Н. Будда. М.: Молодая гвардия, 2017. 431 с.
11. Graff G. The Myth of the Postmodernist Breakthrough // «Tri-Quartely». 1973. N 26. P. 385.

Manchev Alexey
al.manchev@gmail.com
Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria

THE MORAL CONTEXT OF E. VODOLAZKIN'S NOVEL PROSE

The article examines the oscillations in the literary process development in relation to the moral context of novel prose. Particular attention is paid to the discrepancy between the level of technology and morality in the XXI century, which is regarded as a social phenomenon. The presented work aims to comprehend the history of society in an ethical perspective; the "history of the soul" in E. Vodolazkin's novels. The moral context is understood conditionally as an artistic device in the works by E. Vodolazkin.

Keywords: moral context; "history of the soul"; personal rights; "internal laws"; personal responsibility.

УДК 821.161.1

Мароши Валерий Владимирович
доктор филологических наук
maroshi@mail.ru

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ¹

В статье рассматривается роль оппозиций «своего» и «чужого» в современной отечественной прозе – в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003), романах А. Волося «Хуррамабад» (2000), В. Медведева «Заххок» (2017) и В. Галактионовой «На острове Буяне» (2003). Актуализация этой оппозиции обусловлена травмирующими эффектами постсоветской реальности как в России, так и на национальных окраинах бывшего СССР. В статье уточняются особенности постколониальной ситуации для постсоветского мира; использована метафора колонизации, предложенная Ю. Хабермасом. В частности, разрушение привычной для персонажей социальной среды под натиском «чужого» стала одним из самых заметных сюжетообразующих факторов современной прозы. Ксенофобия в «деревенской прозе» Распутина и Галактионовой распространяется на все «чужое», включая и чужие дискурсивные практики, новые вещи, на всю тотальность Lebenswelt, окружающего героев. Персонажи повести Распутина преодолевают отчуждение и самоотчуждение, претерпевают кризис «своего» общего и «своего» личного мира. Село Буян как подобие «острова» у Галактионовой предстает уникальным архаичным местом, где живут только «свои», не принимающие «чужих». В нем сохранена общинная идиллия и традиционная строгость нравов. Постколониальные романы о гражданской войне в Таджикистане объединены мотивами утраты родины для русских уроженцев страны, которые вынуждены уезжать в чужую для них

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» в рамках научного проекта № 21-512-23003 «“Свое” и “чужое” в современном русском (русскоязычном) и венгерском художественном тексте».

Россию («Хуррамабад») либо бежать из города в еще более враждебный локус сельского кишлака («Заххок»). Однако персонажи-таджики тоже разделены на «своих» и «чужих». Гибридная этническая и культурная идентичность персонажей – между «своим» и «чужим», соответственно русским и таджикским мирами – присуща нескольким важнейшим героям обоих романов, она создает для них опасную коллизию. Сюжетным разрешением конфликтов и коллизий в обоих романах становится попытка миграции персонажей в новое чужое пространство, которая приводит к возрастанию отчуждения.

Ключевые слова: *колонизация; постколониальный; деревенская проза; конфликт; свой; чужой; отчуждение.*

2000-е годы в России связаны с заметной актуализацией в русской литературе репрезентации оппозиций «своего» и «чужого» / «другого» на разных уровнях поэтики текста. Это было обусловлено целым рядом причин: резкой сменой социального и экономического уклада, обострением старых или возникновением новых межнациональных, региональных и локальных конфликтов, стремительно усиливающимся разрывом в уровне жизни разных групп населения, интенсивными миграционными процессами внутри страны и за ее пределами.

Подобная социальная, этническая и культурная фрагментация привела и к появлению в отечественной гуманитаристике целого ряда исследований, в которых разрабатывались различные аспекты этой оппозиции: мифопоэтические, философско-феноменологические, культурологические, социологические, этнические, лингвистические. Русская языковая оппозиция «свой» / «чужой» с трудом переводима на другие языки ввиду многозначности и грамматической неоднородности самих этих слов, а также синонимических отношений, связывающих их с другими прилагательными. Наиболее актуальны в рассматриваемых нами художественных текстах те значения, которые обозначают принадлежность к определенной социальной и национальной общности или, напротив, выпадение из нее и содержат в себе положительную или отрицательную оценку. Словарь С.И. Ожегова определяет их весьма скупо: «свой» – «...5. Родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [5, с. 696]; «чужой» – «... 2. Не родной, не из своей семьи, посторонний. 3. Далёкий по духу, по взглядам, не имеющий близости с кем-чем-н., чуждый» [Там же, с. 874].

Поле значений слова «свой», не связанное с принадлежностью и собственностью, гораздо шире приведенных выше и включает в себя, по нашему мнению, 1) находящийся в родственных или дружественных отношениях; 2) связанный с местом проживания, общей деятельностью или убеждениями; 3) приносящий добро и спокойствие; 4) знакомый, известный; 5) понятный, доступный для понимания; 6) местный, носитель близкой культуры; 7) привычный, обычный. Соответственно, смысловую оппозицию «своего» можно определить как 1) не состоящего с кем-либо в близких отношениях, постороннего; 2) не связанного родственными отношениями, неродного; 3) не являющегося родиной или местом, где человек вырос, к которому привык, иноземного; 4) не состоящего в близких отношениях с кем-либо, посторонний, незнакомый; 5) зловещего, несущего угрозу для жизни; 6) отчужденного, отрешенного; 7) непонятного, недоступного для понимания; 8) иностранного, находящегося за границами родной культуры; 9) контрастирующего с обычным и привычным окружением. Очевидно, что межнациональные и политические конфликты, разрушение привычного социального уклада в 1990-х должны были привести к активизации перечисленных значений слова «чужой».

Распад Советского Союза и сложные отношения между образовавшимися на его бывшей территории фрагментами могли быть осмыслены в категории

«чуждости / инаковости» («otherness»), которая утвердилась в зарубежных постколониальных исследованиях как способ дегуманизирующей оценки «колонизаторами» по отношению к «колонируемому» ими населению [10, с. 96–102]. Однако вопреки глобальному терминологическому тренду в отечественной художественной литературе 1990–2000-х гг. она, наоборот, используется по отношению к бывшим «колонизаторам», т. е. репрезентантам русского этноса.

Стоит отметить, что колонизация в Российской империи и в Советском Союзе имела особенности, которые не вполне согласуются с моделью, применяемой по отношению к бывшим колониям западноевропейских стран. Во-первых, она была не только внешней, но и внутренней. В отличие от внешней колонизации, при которой переселенцы мигрируют на колонизируемую территорию, внутренняя колонизация разворачивалась внутри самого космополитического государства-колонизатора и по отношению к его коренному населению: «Колонизировав многочисленные земли, Россия применяла колониальные режимы непрямого правления – принудительные, коммунитарные и экзотизирующие – к собственному населению» [9, с. 16]. Во-вторых, в процессе колонизации в СССР происходила модернизация, а на некоторых исторических этапах и деколонизация национальных окраин. В-третьих, в современной отечественной прозе стигматизированной и подавленной оказывается нация «колонизаторов» – и в бывших советских республиках, и внутри самой России. По-видимому, представления о колонизации нуждаются в существенном расширении.

Немецкий философ-неомарксист Ю. Хабермас в своем анализе кризисов развитого западного общества использует понятие «внутренней колонизации» как метафору социальной системы, основную роль в которой играют Рынок и Власть, вмешивающиеся в то, что он называет *Lebenswelt* («мир социальной жизни»). В таком случае инспирированная извне глобализация и модернизация осмысляются как насилие над устоявшимся общественным строем, бытом, языком. Социальным кризисам подобного рода сопутствует растущее отчуждение от навязанной извне модернизации: «Императивы автономных подсистем, сбросив идеологические покровы, завоевывают, подобно колонизаторам, пришедшим в первобытное общество, жизненный мир извне и навязывают ему процесс ассимиляции. При этом рассеянные осколки культуры периферии не складываются в целостную картину, позволяющую ясно представить сущность игры, в которой участвуют метрополии и мировой рынок» [11, с. 355]. В 1990-е годы и в бывшей метрополии, и на бывших окраинах СССР происходили весьма схожие процессы, в ходе которых национальный подъем сопровождался наступлением глобального экономического рынка и глобальной космополитической идеологии. Это, как правило, приводило в патриотической элите к разочарованию и ксенофобии, что повлияло, в свою очередь, на актуализацию мотивов «чужого» в публицистике и литературе.

Так, в отечественной «деревенской прозе» начала 2000-х колонизация России в 1990-е гг. в подобном метафорическом и широком смысле предстает как вмешательство и наступление «чужого» (нового, непривычного, иностранного, инонационального), которое вытесняет «свое» (положительное, национальное, привычное, родное). В повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003) значимо не столько насилие, совершенное этническим чужаком, сколько тотальная картина крушения привычного уклада жизни в большом городе, кризиса отношений в семье и внутреннего кризиса героев, который приводит их на грань самоотчуждения. В романе В. Галактионовой «На острове Буяне» (2003) феномен «чужого» более локален и персонализирован, он связан с появлением «чужого», пришлого городского незнакомца в нетронутом модернизацией селе, жители которого, однако, справедливо опасаются чужаков. Художественное пространство обоих произведений косвенно или прямо

воспроизводит «островную» мифологию русской деревенской прозы с ее «закрытой» традиционной общиной в эпоху наступивших перемен.

«Свое» в повести В. Распутина связано в основном с замкнутым и статичным пространством дома, кругом семьи, бытовыми и национальными традициями. Все «чужое» динамично и связано как с тотальным обновлением всего окружающего пространства, так и с рынком, на котором работает дочь Тамары, жертва насильника. Кризис социальной жизни в повести проявляется в полном вытеснении «чужим» «своего» как привычного: «Ночь наступала теплая, темная и вялая, должно быть, к дождю. Прохожих уже и не было, зато разудало, **почуяв свободу**, неслись машины, в три-четыре года сvezенные сюда со всего света, чтобы устраивать гонки. И эти **гонки на чужом** были теперь во всем – на тряпках и коже, на чайниках и сковородках, на семенах морковки и картошки, в обучении ребятишек и переобучении профессоров, в устройстве любовных утех и публичных потех, в карманных приборах и самолетных двигателях, в уличной рекламе и государственных речах. Все хлынуло разом как в пустоту, вытеснив **свое** в отвалы» [6, с. 323].

В диалогах персонажей критически оценивается и массовое отторжение от «своего» и «своих» как результат некоего ментального насилия: «...бросились врассыпную кто куда. В прислугу перешли. **Своих** не любят, прямо сказать, ненавидят, перед **чужими** ползают» [Там же, с. 492]; «...нас... ну, как бы **обчужие**, втерли в нашу шкуру всякие там вещества, чтобы она на **чужое** отзывалась с полным нашим удовольствием, а на **свое** не отзывалась, к **своему**, значит, была нечувствительна. На **чужое** клевала, а от **своего** нос воротила» [Там же, с. 476].

Для автора и персонажей повести, которые не принимают новый строй жизни, наиболее драматичным становится наступление «чужой» речи – непривычных иностранных слов, латиницы: «Визжал на повороте трамвай, разрисованный рекламными рожами и расписанный **чужими буквами**...» [Там же, с. 537]; «Анатолий расспрашивал, как найти это общежитие для малосемейных; девчонка, повторяя «визуально», «визуально», нравящееся ей, очевидно, звучанием, как и большинство **чужих слов**, довольно толково рассказала, где оно и как отыскать квартиру» [Там же, с. 336]; « – Вот мы **свои слова**-то и отдали кому попало. Теперь слушаем **чужие**» [Там же, с. 454].

Одним из способов сопротивления «чужому» становится сохранение исконного русского слова, прежде всего в языке повествования и репликах персонажей: «И сдаться на милость **исчужа** заведенной жизни. Но когда звучит в тебе русское слово, издалека-далёко доносящее **родство** всех, кто творил его и им говорил; когда великим драгоценным закромом, никогда не убывающим и не теряющим сыта, содержится оно в тебе в необходимой полноте...»; «И когда Егорьевна потребовала от Анатолия здравницу, вспомнив, что тост – это **чужое** слово, пускай под него **чужаки** и пьют» [Там же, с. 463].

После насилия над дочерью Тамары отчуждение от дома, друг от друга и от самих себя чувствуют все члены семьи: «Не всякая беда сближает мужа и жену, от этой они вдруг **почужели**, говорить не хотелось» [Там же, с. 440]; «И так неуютно и горько показалось ей в родных стенах, будто не она здесь хозяйка, будто сдали, как это ныне водится, квартиру кому-то **чужому** и неприятному, который все в ней переиначил и изгадил, а они тайком в глухой час пришли убедиться в этом. <...> Вспомнив, что можно добыть чай, она вскипятила чайник и долго и жадно пила, пытаясь горечью крепкой заварки перебить в себе **чужесть**, пронзившую все тело, – будто это ее изгадили» [Там же, с. 436]; «...в кухне тоже стоял какой-то странный запах, **точно побывало что-то чужое** [Там же, с. 438]; «Светка утонула в мягком диване, только головенка торчала над столом, и обрезанное лицо ее, выглядывающее откуда-то издалека, из **чужих** приютов, было как бы и не ее: затертые пудрой ссадины, заострившиеся скулы, подернутые пленчатой зыбью глаза. Но у них у всех лица были

не свои, они все с болью смотрели друг на друга» [Там же, с. 442]. Повествователь несколько раз использует причастие «почужевший», выражающее этот процесс самоотчуждения и отчуждения в персонажах: «И Светке стало совсем нестерпимо и за дедушкиным забором, и в своем нездоровом **почужевшем** тельце» [Там же, с. 467]; «Лицо почерневшее и **почужевшее**, глаза смотрят с силой. Жадно и пугливо всматривающаяся в нее Светка замечает в углах ее губ вскипевшую смолку» [Там же, с. 512]. Таким образом, персонажи повести Распутина претерпевают кризис социально-«своего» и личностно-«своего» мира.

В романе В.Г. Галактионовой «На острове Буяне» (2003) архаичное «островное» мировосприятие присуще жителям удаленного от городов таежного села Буян. Нельзя не отметить преемственность названия романа по отношению к символике легендарного острова-града Буяна из народных песен и заговоров, а также возможную аллюзию на исторический роман «Остров Буян» советского писателя С.П. Злобина (1948–1965), посвященный восстанию псковичей 1650 г.

Буян как подобие «острова» у Галактионовой предстает поистине автаркичным местом, где живут только «свои», общинной идиллией как бы вне истории, сохранившей традиционную строгость нравов и вполне в духе архаичного мифа не принимающим «чужих»: « – А здесь не люди, а места такие. Строгие, – устраивалась она на прежнее место, вытирая пальцы тряпкой. – **Боятся чужие** сроду этих мест. Ну и завидуют, конечно: не без того... А как не завидовать? Мы ведь, сроду без никого, живём тут, в медвежьем-то углу, покрепче всех. **Сами только по себе сроду живём...**» [3, с. 47]; «Ну, нам чего бояться? Буянские, мы сами собой сроду командовали. Вот оно и сохранилось, **всё своё у нас**. Мы себя – прокормим...» [Там же, с. 57]; «Везде церкви рушили, а нашу-то небось – пальцем тронуть побоялися! Оно самое **чистое место** поэтому и осталось – Буян... <...> Гляди: вон там, в Шерстобитове да в Ключах, кержаки сами себя в молельных домах как дураки жгли. А мы, Кеш, – **чужих**. Завсегда – **чужих** только!» [Там же, с. 72]; «В гражданскую-то как **только чужие** на подводе въедут, в Буяне как останются, так под ними солома и задымится» [Там же, с. 52].

Внешнюю канву романа образует конфликт «своего» и «чужого» – жителей села Буян и приезжего городского полуинтеллигента Кеши. За ним стоит гораздо более серьезный ценностный конфликт разных «времен» и укладов: города и деревни, традиционного и современного, автаркии и «рынка», «молчаливого большинства» и болтливой псевдозлиты. С появления Кеши в Буяне и начинается повествование романа: «**Чужой** продрогший человек бродил бесцельно на заднем дворе районной гостиницы [Там же, с. 7]. Героиня романа, Бронислава, дает приют бездомному чужаку из города, внешний и психологический портрет которого построен на расхожих клише «творческой интеллигенции» эпохи перестройки.

Ксенофобия обитателей Буяна становится лишь формой их защиты от современного рынка, «заграницы», поэтому оценки персонажей романа выходят далеко за пространственные пределы Буяна: « – Азеры да азеры. А они Пизнесмены по национальности, оказывается!.. А Нина у нас давно раскусила: это **русских** специально без зарплаты везде оставили, чтоб они должности по дешёвке бы **чужим** уступали» [Там же, с. 159]; «У нас – нравственность. Православная. Поэтому вся власть **чужими** скуплена везде почти что... Обороняться от дурных денег придётся, Бронь!» [Там же, с. 172]. Намерение создать отряды локальной самообороны от власти и рынка – способ самозащиты буянцев от чужого и чуждого:

« – Сторожить всё придётся, чтоб **чужие** электростанцию нам не взорвали. И элеватор, – пояснила Нина. – Ещё про охрану границы района говорили. Вахтовым способом.

– От **заграничников**-то? – поняла Бронислава.

– Ну. А то продадут нас кому ни на то, и будем потом **чужим**, как шерстобитовские, дань платить. Если их впустим. Или азерам, или ещё кому.

– Не в азерах дело, конечно. В деньгах!» [Там же, с. 183].

Ксенофобия нарраторов и персонажей в обоих произведениях распространяется не столько на другие нации, сколько на все «чужое», включая и чужие дискурсивные практики, новые вещи, словом, на всю тотальность *Lebenswelt*, окружающего героев. В романе Галактионовой возможность спастись от «чужого» – самоизоляция и самозащита. Героиня повести Распутина в силу своего скорее «мужского» характера выбирает путь возмездия, казня в лице преступника-азербайджанца чужую ей «продажную» систему Рынка и Власти. Характерно, что и Кешу в романе Галактионовой смертельно ранят и пытаются спасти «народные мстители».

Не меньшую значимость приобрели мотивы «своего» и «чужого» в ином типе постколониального романа, изображающем перипетии конфликта и гражданской войны вне России, на бывших окраинах Советского Союза. Это «роман-пунктир» «Хуррамабад» А. Волоса (2000), и «Заххок» А. Медведева (2017), действие которых разворачивается в Таджикистане.

Для первого романа задача выявления значимости обозначенных в заголовке статьи мотивов облегчается тем, что сам автор уже акцентировал их в паратексте: опорные его главы-рассказы получили наименования соответственно «Свой» и «Чужой». В полемику по поводу этой важнейшей оппозиции романа включился и авторитетнейший социолог, занимающийся Таджикистаном, С. Абашин [1], проанализировав сюжетную ситуацию рассказа «Свой» как с точки зрения ее этнографической «реалистичности», так и в контексте проблемы смены этничности.

Сразу отметим, что гибридная, переходная этническая и культурная идентичность персонажей – между «своим» и «чужим», соответственно русским и таджикским мирами – присуща героям обоих романов (Никита Ивачев, Сергей Макушин, Беляш в «Хуррамабаде», Олег, Даврон, Зарина, Андрей в «Заххоке»). Оба романа как бы дополняют друг друга, как и повесть Распутина и роман Галактионовой: если рассказы «Хуррамабада» в основном ограничены локусом Душанбе-«Хуррамабада», то действие «Заххока» происходит вдали от больших городов, в нескольких таджикских кишлаках. В ситуации межнационального и внутринационального, кланового и локального конфликтов категории «своего» и «чужого» приобретают особую остроту.

Оба романа объединены мотивами утраты «второй родины» для местного русского населения и отъезда их либо в чужую для них Россию («Хуррамабад»), либо бегства из города в еще более враждебный им локус кишлака («Заххок»). Эту проблему с «постколониальной» точки зрения увидела в прозе большинства российских и русскоязычных авторов, связанных в своей биографии со Средней Азией, Э.Ф. Шафранская: «Проза названных авторов характеризуется обостренной рефлексией по поводу градации «свой – чужой» в хронотопе «раньше и теперь», то есть до развала империи и после» [7, с. 11].

Название и композиция первого романа мотивированы символикой Хуррамабада как топонима из иранских и тюркских сказок. Из «*locus amoenus*», похожего на рай, он превращается в место все возрастающего насилия. Нарратор в романе Волоса выступает переводчиком и комментатором по отношению к «чужому» для русского читателя изображаемому миру Таджикистана. И ираноязычные заглавия, и сами повествования в обоих романах подразумевают использование «чужого» для читателя: таджикского языка и реалий, культурных аллюзий (в частности, символики Хуррамабада как вымышленного топонима, символики Заххока, тирана-миксантаropa из поэмы «Шах-Намэ»). В том и другом произведении читателям и некоторым персонажам приходится осваивать и местные реалии, и таджикский язык, и особенности инационального этикета.

Внешняя канва повествований «Хуррамабада» – линейно-хронологическая, от начала 1930-х, через 1950-е и 1970-е к 1990-м, времени массового отъезда русских и гражданской войны. Внутренняя же логика их последовательности – драматизация процесса «освоения» чужого локуса и утраты Родины, «своего» места в мире, разрастающееся к финалу романа отчуждение. Роман «Заххок» начинается с убийства отца и вынужденного отъезда персонажей в кишлак дяди, к «своим» родственникам, а на самом деле – в чуждый мир «инопланетян», кишлачных таджиков, в котором героев ждут страшные испытания.

В последних главах романа «Хуррамабад» отчуждение героев от мира становится тотальным, особенно в главе «Чужой», герой которой перед отъездом в Россию ощущает себя чуждым любому локусу: «Он на мгновение вообразил, как состав двинется и пойдет – вагон за вагоном, цистерна за цистерной, платформа за платформой, – пойдет, тяжело погромыхая на стыках, набирая ход, чтобы раствориться в мареве, унося Дубровина навсегда отсюда, где он был теперь **чужим**, в края, где он **тоже был пока чужим** и где ему еще предстояло стать кем-то, – и тут же схватило сердце, словно чья-то ладонь сжала его так грубо, как если бы это не сердце было, а рукоять метлы» [2, с. 384]; «Однажды под грузом страха что-то сломалось в душе, и все, что было **родным** и **знакомым**, стало **чужим** и таящим опасность. И вот он, еще оставаясь на месте, уже оказался в изгнании, потому что изгнание – это когда **все кругом чужое и опасное. Чужой, чужой**. Он чувствовал себя **безвозвратно чужим**, и поэтому бояться чего-либо было совершенно не стыдно» [Там же, с. 380]. В момент отъезда герой переживает самоотчуждение – раздвоение на душу, привыкшую к «своему» родному месту и «чужое» отчужденное от нее тело, которое и покидает Хуррамабад: «Ему казалось, что его разрывает пополам какая-то темная и безжалостная сила – поезд набирал ход, унося тело, а душа хотела остаться и отчаянно билась в **чужой** и тесной оболочке» [Там же, с. 402].

В завершающем книгу очерке горечь отчуждения и утраты своего Хуррамабада испытывает уже автор, акцентируя чуждость в буквально последнем слове текста: «Прежде все было свое, а теперь стало необъяснимо чужое <...> Все уехали. <...> Ни одной знакомой рожи. <...> Это все теперь не их, это все теперь чужое...» [Там же, с. 448–449]; «Все выглядело как прежде. Но было уже **совершенно чужим**» [Там же, с. 476].

Схожую отчужденность от всех окружающих по разным причинам испытывают и герои «Заххока», попавшие в ловушку кишлака, семьи дяди и банды Заху: «Впрочем, если разобраться, **мне все чужие**» [4, с. 376]; «...это **чужая** страна, и я – посторонний...» [Там же, с. 91]; «Выходит, с какой стороны ни посмотри, Бахшанда – мне **чужая**. Придётся вести себя посдержаннее...» [Там же, с. 30]; «Кто ты такая? Ты пришла со стороны, ты презираешь наши обычаи, ты не веришь в Единого Бога, не произносишь молитвы. Ты – **чужая**» [Там же, с. 201].

Русские беженцы в финале «Хуррамабада», потеряв свою родину, тоже становятся «чужими», но уже в этнически «своей» русской деревне: « – Жалуются на вас деревенские... – горько сказал лейтенант и покачал головой. – Жалуются! Говорят – **другие** вы люди, **непривычные!** И, мнать, если что плохо лежит, так, говорят, глазом не успеешь моргнуть, а хуррамабадцы уже слизнули!» [2, с. 431]; «Он много бы мог рассказать лейтенанту, объясняя, почему на них жалуются деревенские! Конечно – **пришлые! Вроде – русские, а живут – как чучмеки!** Все у них **не как у людей!** Да они ж даже водки не жрут! Выпьют маленько – и все, руки кверху! Нет, чтоб **по-нашенски** – до усёру!» [Там же, с. 431–432].

Наиболее впечатляющими становятся в обоих романах взаимная отчужденность и межклановая вражда таджиков: «Сельский уроженец ощущает себя таджиком лишь за пределами Таджикистана. При встрече с жителями соседних кишлаков, он ощущает себя талхакцем или ворухцем – представителем селения, откуда он родом. Выбираясь в

область, чувствует себя представителем **своего** района. И так далее. Таджикские интеллигенты и прежде сокрушались, что народ не сплочён в нацию, – время показало страшный результат этнической разобщённости» [4, с. 92–93]; « – **Чужой!** – Муслим насмешливо фыркнул. – Какая разница! А я здесь **свой**? Кого **они** вообще **своим** считают? <...> – **Свой, чужой...** Тут, знаешь, как в той поговорке... – он пошевелил пальцами. – Ну, помнишь, ты говорил? Как это? – Бей **своих**, чтоб **чужие** боялись... – сказал Дубровин. – Вот-вот, – обрадовался Муслим. – Именно **своих...** чтоб чужие...» [2, с. 398–399].

Еще одна группа персонажей обоих романов, для которой деление на «своих» и «чужих» значимо – это участники войны и акторы власти, стремящиеся к власти и контролю. Они характеризуются дегуманизирующими анималистическими метафорами («звери»). Их «свое» связано с их статусом во власти, групповой и клановой принадлежностью. Именно они станут антагонистами героев в романе «Заххок», в котором используются сюжетные клише мелодрамы и боевика («злая мачеха», положение сирот и беженцев, всевластие и всесилие зла, персонифицированное в Захуршо и его окружении, герой-спаситель Даврон). Линия Чужого усилена введением символики Заххока, змееподобного тирана-миксанта из поэмы «Шах-Намэ» Фирдоуси: антагонист публично носит на плечах украденного из зоопарка питона, – и аллюзиями на одноименный триллер («Чужой» Р. Скотта).

Сюжетным разрешением коллизий в обоих романах становятся попытка бегства или миграции персонажа в новое чужое пространство, новая этническая и социальная идентификация, власть над локальным социумом, уничтожение или, напротив, приручение монструозного антагониста (глава «Ужик» в «Хуррамабаде», где героиня привыкает к ядовитой эфе, принимая ее за ужа).

Особую роль в структуре романа «Хуррамабад» играет седьмая глава «Свой», которая расположена ровно посередине в его внешней композиции из 14 глав. Но более существенно то, что в ней изображена попытка смены этничности русским москвичом, героем, изначально чужим всем местным, к тому же наделенным высоким столичным статусом.

Герой рассказа движется против общего течения сюжета: он сознательно хочет понижения своего социального статуса, мигрируя из центра Империи в Хуррамабад. Чтобы стать «своим», герой бросает Москву и московскую жену, меняет имя, внешность («...подсохшим, груболицым хуррамабадцем годков под сорок, потемневшим от солнца и нечистой базарной работы» [Там же, с. 169]), вероисповедание, женится на таджичке, сказочно быстро осваивает язык и даже пытается слиться в едином порыве с возбужденной толпой. Но его все равно воспринимают как чужого: «Ты татарин, что ли?» [Там же, с. 168]; «... не признавая в нем русского, Макушина все норовили записать то узбеком, то казахом, то даже турком-месхетинцем – короче говоря, кем угодно, **только не своим**» [Там же, с. 169]. Попытка слиться с толпой, примкнуть к одному из враждующих кланов заканчивается для него провалом, его снова опознают как чужого: «Пошла вон отсюда, **русская сволочь!** вот что он мне кричал... а?» [Там же, с. 189].

Главным препятствием на пути героя к чужой этничности становится его пренебрежение к субэтническому делению хуррамабадцев. Его убивают, приняв по диалектным чертам произношения за кулябца, представителя одного из враждебных кланов, «своего чужого». Герой умирает в иллюзии, что признан «своим», хотя убийцы видят в нем члена чужого клана: «Ему стало на мгновение обидно, но умирал он все-таки счастливым – его признали **своим**» [Там же, с. 189]. Как и другие «гибридные» персонажи (Ивачев, Олег в «Заххоке»), он стал жертвой этой промежуточной идентичности, статуса «чужого среди своих», крайне неустойчивого во времена гражданской войны.

Итак, в отечественной прозе начала 2000-х годов утрата персонажами своей привычной социальной среды под натиском «чужого» стала одним из самых заметных сюжетобразующих факторов.

Литература:

1. Абашин С.Н. Свой среди чужих, чужой среди своих (Размышления этнографа по поводу новеллы А. Волоса «Свой») // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 3–25.
2. Волос А. Хуррамабад: [роман-пунктир]. М., 2005. 480 с.
3. Галактионова В.Г. Крылатый дом: Роман, повести, рассказы, сказки. М., 2003. 576 с.
4. Медведев В. Заххок. М., 2017. 460 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка, М., 1970. 900 с.
6. Распутин В. Дочь Ивана, мать Ивана // Деньги для Марии: Повести и рассказы. М., 2004. С. 321–542.
7. Шафранская Э.Ф. Постколониальная проблематика современной русской литературы // *Respectus Filologus*. 2015. №. 28 (33). С. 9–23.
8. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. 448 с.
9. Ashcroft B., Griffiths G. & Tiffin H. (eds.) *Key Concepts in Postcolonial Studies*. London & New York, 2013. 368 p.
10. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*, Vol. 2: *Lifeworld and system: a critique of functionalist reason*. Oxford, 1987. 457 p.

Maroshi Valeriy Vladimirovich

Doctor of Philological Sciences

maroshi@mail.ru

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russia

"NATIVE" AND "STRANGE" IN MODERN POSTCOLONIAL RUSSIAN PROSE¹

The article examines the role of the opposition of "native" and "strange" in modern Russian prose – in V. Rasputin's novel "Ivan's Daughter, Ivan's Mother" (2003), A. Volos's novels "Khurramabad" (2000), V. Medvedev's "Zahhok" (2017) and V. Galaktionova's "On the Island of Buyan" (2003). The actualization of this opposition is due to the traumatic effect of the post-Soviet reality both in Russia and on the national outskirts of the former USSR. The article also clarifies the features of the post-colonial situation for the post-Soviet world and uses the metaphor of colonization proposed by Habermas. In particular, the destruction of the social environment familiar to the characters under the onslaught of the "alien" has become one of the most noticeable plot-forming factors of modern prose. The xenophobia of Rasputin's and Galaktionova's village prose extends to everything "alien", including foreign discursive practices, new things, and the totality of the Lebenswelt surrounding the protagonists. The characters of Rasputin's story overcome alienation and self-alienation, undergo a crisis of "their" common world and "their" personal one. The village of Buyan, which is similar to an island in Galaktionova's novel, is portrayed as a unique archaic place where only "friends" who do not accept "strangers" live. It preserves the communal idyll and traditional austerity of morals. Postcolonial novels about the civil war in Tajikistan are united by the motifs of motherland loss for Russian natives of the country who are forced to

¹ The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-512-23003.

leave for Russia which is foreign for them ("Khurramabad") or to flee to an even more hostile location – a rural village ("Zahhok"). However, the Tajik characters are also divided into "friends" and "strangers". The hybrid ethnic and cultural identity of the characters that lies between "their own" and "alien" (the Russian and Tajik worlds respectively) is inherent to several of the most important characters of both novels and it creates a dangerous conflict for them. The resolution of conflicts and collisions in both novels is the characters' attempt to migrate to a new space which leads to an increase in alienation.

Keywords: *colonization; postcolonial; Russian Village prose; conflict; native; others, alienation.*

УДК 81'25

Озден Ирина Каральбиевна

кандидат педагогических наук

yarina_07@mail.ru

Эрджиесский университет

Кайсери, Турция

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОЛОРИТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. КЕШОКОВА)

В данной статье рассматриваются особенности перевода на русский язык стихотворений кабардинского поэта А. Кешокова с позиции передачи национально-культурных, экстралингвистических особенностей народа-носителя языка оригинала. Происходит сопоставление различных вариантов перевода творчества поэта, выявляются наиболее удачные способы передачи национально-культурного колорита с кабардинского языка на русский язык. Анализу подвергаются фоновые слова, идиомы, пословицы и поговорки, которые непосредственно связаны с исторической, культурной, географической составляющими народа-носителя языка оригинала. Сопоставляются переводы носителя языка и переводы, сделанные подстрочно либо авторизованные.

Ключевые слова: *литературный перевод; А. Кешоков; национальные символы; адыгский этикет; Я. Козловский; Стихи-стрелы; лингвокультурологический комментарий; Р.Агоева; национальное своеобразие.*

Если переводы с русского языка на языки народов Северного Кавказа сыграли важную роль в становлении молодой литературы региона, то переводы на русский язык национальной литературы открывают двери перед широкой читательской аудиторией страны. Русский язык является инструментом познания окружающего мира и приобщения к иной культуре. Полагаем, что переводы художественных произведений национальных авторов на русский язык, их чтение являются мощным инструментом укрепления дружбы народов, познания культурных особенностей народов разных стран.

Умение передавать на другой языковой код культурно значимые языковые единицы определяют качество перевода. Известно, что переводчик подбирает несколько вариантов перевода того или иного слова, идиомы, пословицы или поговорки. Прежде чем остановить свой выбор на одном из вариантов, анализу подвергаются все семантические составляющие слова. С организацией работы

переводчика можно сравнить чтение нескольких переводов одного и того же произведения. В этом сравнении определяются приобщенность переводчика к культуре народа носителя переводимого языка, знание национальных особенностей и реалий.

Произведения Алима Пшемаховича Кешокова в советский период переводили на русский язык разные авторы: Н. Доризо, М. Петровых, Я. Козловский, Н. Гребнев, В. Звягинцева, М. Светлов, С. Липкин. Переводами занимались люди, не принадлежащие к народу – носителю переводимого языка. Современная литература пополнилась переводами стихотворений А.П. Кешокова поэтами, владеющими языком оригинала. В этом ключе интересно сопоставление качества перевода стихотворных произведений автора, а именно стихотворений «Честь», «Кинжал» из сборника «Стихи-стрелы» (1981 г.).

Алим Пшемахович Кешоков родился в 1914 году в селении Шалушка в Кабардино-Балкарии. Алим воспитывался под старинные народные песни и рассказы о героических поступках известных адыгских воинов, чьи имена остались в песнях, в притчах. Он впитывал их идейно-нравственную ценность, патриотические мотивы, учился мудрости, находчивости героев, вбирал их образ мыслей, учился у них человечности. Все эти истинно национальные качества стали образом жизни писателя. Они живут в его поэзии, в образах его литературных героев. Не зря многие критики творчества Кешокова называют его «всадником чести».

В произведениях писателя важную роль играют национальные символы культуры, истории, социальной среды: конь, кинжал, шапка, мужское слово, честь, достоинство, отвага, отношение к старшим и т. д.

Чтобы понять глубину национального характера его творчества, читателю следует обладать дополнительными историко-культурологическими знаниями. В адыгском этикете честь и человечность адыга являются основополагающими принципами жизни. Воспевание в своих стихах этих понятий, которые являются частью общечеловеческих ценностей, делают творчество Кешокова интернациональным. А колоритные переводы позволяют русскочитающим познакомиться с талантом писателя, с культурой народа.

Рассмотрим перевод Р. Агоевой, носителя языка оригинала, стихотворения из цикла «Стихи-стрелы»:

Честь

Чтоб от ржавчины сберечь,
В ножны убирают меч.
Разве в нашей жизни есть
Что-то высшее, чем честь?!

А. Волосников, не носитель языка оригинала, однако близкий к культуре кабардинского народа, предлагает другую версию перевода:

Чтобы от ржавчины сберечь,
В надёжных ножнах сохраняют меч.
А разве в ваших душах есть,
Что драгоценнее, чем честь?

Для сравнения качества перевода приведем подстрочный перевод с языка оригинала.

Напэ

КъамапIэр къамэм имычатхъэ,
Мыульиину ар яхуапэ.
Пхъумэну щыIэм нэхъ хъумапхъэр
Мы напэр арщи, псом нэхъапэщ.

Честь

Острые меча не рвет в клочья ножны.
Его одевают, чтобы не ржавел.
Из всего, что нужно беречь, первичнее
Это честь, она важнее всего.

Чтобы прочувствовать это стихотворение, читателю необходимы сведения из культуры кабардинского народа. Честь является одним из составляющих Адыгэ хабзэ, свода неписанных законов, по которому и сейчас живут адыги, т. е. черкесы.

В лексико-семантическую группу «Честь» в кабардино-черкесском языке входит несколько терминов: *щыхь* – честь в значении близком к почету, славе; *пицэ* – честь в значении «авторитет»; *нэмыс* – честь с указанием на достоинство; наконец, *напэ* (букв. «лицо») – честь, связанная с понятиями совести и репутации. По адыгскому кодексу, потеря лица равносильна уничтожению социальной и моральной идентичности, отсюда императивы типа: *Псэр тыи, напэр къащтэ* – «отдай жизнь и возьми честь», *Псэм и пэ напэ* – «честь первичнее жизни».

Следовательно, в стихотворении Кешокова «честь» употребляется в значении «напэ» – лицо. И здесь параллели с мечом тоже не случайны. Лишиться чести, как следует из пословиц, все равно, что умереть. Честь и меч находятся на одной плоскости. Здесь уже становится понятно, что имеется в виду под строчками «чтоб от ржавчины сберечь, в ножны убирают меч». Ржавчина – аллегория, означающая ошибки, разговоры, поступки, которые компрометируют человека, вредят его репутации, портят его статус в обществе. Волосников, в отличие от Агоевой, подчеркивает, что хранилище чести должно быть «надежным». В двух вариантах перевода мы читаем о чести как о понятии высшем и дорогом, ценном. И то, и другое имеют место в выражении национального своеобразия. Какому из них отдать предпочтение – выбор каждого читателя. В них отразилось восприятие этого культурного компонента переводчиками.

Рассмотрим перевод еще одного четверостишия из сборника «Стихи-стрелы»:

Къамэ

Зы убыдыпIэщ къамэм иIэр,
ДзитI Iуту жырыр ирелыд.
Пэжыгъэм къамэр кыхуипхамэ,
Ар къамэ Iэпщэм щыубыд.

Кинжал

У кинжала только одна рукоять.
Пусть блещут его два лезвия.
Если ты для правды обнажил кинжал,
Держи его за рукоятку.

Ниже приведем переводы этого четверостишия Р. Агоевой и А. Волосникова.

Кинжал

Хоть лезвием двойным сверкает сталь,
Всё ж у кинжала рукоять одна,
Коль ты за правду выхватил кинжал,
Из чаши испытаний пей до дна!

(Р. Агоева)

Кинжал

Когда ты в гневе выхватил кинжал,
Его ты яростью своею унижал...
Как сталь холодною должна быть голова
И, как кинжал, светла, остра, мудра...

(А. Волосников)

В обоих переводах мы видим, что авторы прекрасно передали главную мысль четверостишия, которая заложена в последней строчке. Однако смысл четвертой строки раскрыт в полной мере именно Агоевой. В народе говорят: «Имыгъуэу уи джатэ кыурых, кыипхамэ, лыгъэншэу иумыльхъэж», – то есть «Без надобности не обнажай меч, но, если уж обнажил, без подвига его не убирай в ножны».

В переводе Волосникова мы видим отхождение от текста оригинала. Волосников перевел четверостишие так, как будто смотрел со стороны. Авторский подход к переводу оправдан тем, что переводчик отлично передал мораль этого стихотворения. Народная поговорка учит сдержанности, обдуманности действий; разум, не ярость, должен преобладать. Переводчик об этом вполне осведомлен. Снова мы убеждаемся, как мастерски Кешоков передает национальную особенность своего народа, и как прекрасно справляются со своей работой переводчики.

Яков Козловский, который переводил «Стихи-стрелы» Кешокова с кабардинского на русский язык, считал, что «...стихи-четверостишия, собранные в книге «Стихи-стрелы», – это крупницы народной мудрости, жизненный опыт поэта, пульсирующая мысль в лирическом образе, сквозь который светится то добрая, то теплая улыбка поэта, то печальная озабоченность и тонкая ирония, то глубокая серьезность упрямой жизненной правды» [7]. Установка на аналитичность в утверждении человеческого бытия характерна для творчества Кешокова. Эти четверостишия, по мнению того же Я. Козловского, «тоже судьбы и характеры, мир в миниатюре» [7]. Алим Пшемахович является поэтом, который дышит национальным характером и отражает его национальное своеобразие в своих произведениях.

Поэт часто обращается к теме чести и меча. Есть у него еще одно прекрасное стихотворение, которое называется «Кинжал». Читатели многих национальностей смогли прочесть его в переводе известного переводчика Якова Козловского. В этом стихотворении продолжается тема взаимоотношения чести и кинжала. Это стихотворение связано с художественным менталитетом, фольклором родного народа. Как и в предыдущих стихотворениях Кешокова, здесь мы между строк читаем кабардинскую пословицу «ЗэкъуэшитІрэ дзитІ зыІутрэ» – «Два брата что два лезвия» (кинжала). Единство «братьев» лезвий подчеркивается уже в первой строфе:

Два лезвия кинжала одного,
Они спиной обращены друг к другу
И меж собою делят оттого
Один позор или одну заслугу.

В следующей строфе происходит развитие и углубление обозначенной проблемы, подчеркивается ее диалектика:

Честь не двулика. И не раз бывало,
Кинжал надежно защищал ее.
Не потому ль два лезвия кинжала
Единое сливает острие?

Слово «кинжал», согласно М. Апажеву, относится к регионализмам [1]. Это слово арабского происхождения – «ханджар», которое означает колющее оружие рукопашного боя с обоюдоострым коротким клинком. Стальные кинжалы носят в красиво украшенных ножнах. У некоторых народов (например, на Кавказе) кинжал является принадлежностью национального костюма. История оружейного искусства на Кавказе говорит нам об отличиях черкесского кинжала, по которым его легко узнать. Следовательно, мы можем говорить о национальном своеобразии этого вида оружия.

Хорошую переводческую работу Я. Козловского, которая вошла в антологию советской поэзии, и других переводчиков поэзии Кешокова можно было бы обогатить экзотизмами, например, *напа*, *кама*. Оба слова, как мы показали выше, относятся к национальному своеобразию черкесской культуры.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что в творчестве А. Кешокова чётко прослеживается национальное своеобразие и индивидуальное видение, которое необходимо максимально точно передавать при переводе на другие языки. Для подготовки читателей к восприятию переведенного текста необходимы культурологические комментарии или сведения о том или ином референте культуры народа.

Литература:

1. Апажев М.Л. Проблемы кабардинской лексики: Пособие для студентов-филологов и учителей-словесников. Нальчик: Эльбрус, 1992. 335 с.
2. Баков Х.И. Национальное и индивидуальное в поэзии Алима Кешокова // Вопросы кавказской филологии. 2014. Вып. 10. С. 30–39.
3. Баков Х.И. Национальное своеобразие поэзии А. Шогенцукова и проблемы художественного перевода // Вопросы кавказской филологии. 2011. Вып. 8. С. 5–15.
4. Баков Х.И. Стихотворение «Кинжал» в системе нравственных ценностей лирики Алима Кешокова // Известия КБНЦ РАН. 2011. № 4. С. 66–72.
5. Борова А.Р. Модификация образа: поэзия А. Кешокова 1960-х гг. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1.
6. История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Том 3 / Институт гуманитарных исследований. Нальчик, 2017. 508 с.
7. Кешоков А.П. Собрание сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения и поэмы (на кабардинском языке). Нальчик: Эльбрус, 2004. 512 с.
8. Кешоков А.П. Стихи-стрелы / пер. Я.А. Козловский. М.: Современник, 1981.
9. Российский литературный портал «Стихи.ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/avtor/istinaborez&book=6#6> (дата обращения: 03.08.2021).
10. Сокуров М. Лирика Алима Кешокова // Избранные произведения. Критика. Нальчик: Эльбрус, 1995. 570 с.

Ozden Irina Karalbievna

Candidate of Pedagogical Sciences

irina@erciyes.edu.tr

Erciyess University

Kayseri, Turkey

TRANSFER FEATURES OF THE NATIONAL AND CULTURAL COLOR IN THE TRANSLATION INTO RUSSIAN (BASED ON THE EXAMPLE OF A. KESHOKOV'S WORKS)

This article examines the peculiarities of translating Kabardian poet A. Keshokov's poems into Russian from the perspective of transmitting national and cultural, extralinguistic features of the native speakers of the original language. The comparison of various variants of the poet's poems translation takes place, the most successful ways of transferring national and cultural color from Kabardian into Russian are revealed. Background words, idioms, proverbs and sayings that are directly related to the historical, cultural, geographical components of the native-speaking people of the original language are analyzed. The translations of a native speaker and translations made interlinear or authorized translations are compared.

Keywords: *literary translation; A. Keshokov; national symbols; Adyghe etiquette; Y. Kozlovsky; Poems-arrows; linguocultural commentary; R. Agoeva; national identity.*

Рац Ильдико Мария*Ph.D.**ildiko@raczt.hu**Университет им. Лоранда Этвеша**Будапешт, Венгрия**ORCID: 0000-0003-2289-7114***НОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ И.А. БУНИНА:
ОТРЫВ ОТ ЧЕХОВСКОЙ ТРАДИЦИИ**

В литературоведении сравнение творчества Бунина и Чехова всегда преследовало двоякую цель: с одной стороны, исследователи пытались выявить схожие концептуальные, философские, тематические, композиционные и стилистические черты, а с другой – показать различия, касающиеся взглядов авторов на жизнь и способов художественной репрезентации. В использовании рассказа как формы Бунин идет по пути Чехова: он упрощает сюжет, а изображение внутреннего мира героев получает большее развитие, нежели события внешней жизни. В то же время повседневное обогащается у Бунина философским содержанием. В свете его новой художественной концепции, заявившей о себе в начале 1910-х гг., будничные поступки героев Бунина оказываются включены в ценностную иерархию космических законов бытия. Изменение авторских философских и поэтических воззрений сильно отражается в его творчестве «выходом за рамки» чеховской традиции.

Ключевые слова: *И.А. Бунин; А.П. Чехов; рассказ; сюжет; космические законы; психологические процессы; природа; стихийная сила; любовь; память.*

Шестнадцатилетний юноша покупает в Ельце на железнодорожном вокзале сборник Антоши Чехонте «Пестрые рассказы», от которого он затем не может оторваться и, по собственному признанию, «приходит в восторг» [4, с. 176]. Проходит пять лет, и молодой Бунин уже обращается к Антону Чехову с просьбой высказать мнение о своих рассказах. Личное знакомство двух писателей, состоявшееся 12 ноября 1895 г., становится началом дружбы, которая продлится всю жизнь. «Перед Толстым Бунин преклонялся, Чехова любил, Куприна ценил, а к Достоевскому оставался более чем равнодушным», – отмечает ведущий редактор одного из ключевых журналов русской эмиграции «Современные записки» М. Вишняк [5, с. 139]. И действительно, Бунин любил своего товарища по перу, бывшего на десять лет старше его, искренне, как старшего брата; он стал частым и желанным гостем в чеховском доме, его считали практически членом семьи. Дружба Бунина с сестрой писателя, Марией Павловной, оставалась такой же крепкой и после смерти Чехова. «У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым, – пишет Бунин, – за всё время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший» [2, с. 69].

Известие о смерти Чехова поразило Бунина, который уже в 1904 г. начинает работать над воспоминаниями о Чехове для журнала «Знание», а затем в 1914 г. в качестве дополнения пишет заметки «О Чехове. Из записной книжки», опубликованные в литературном журнале «Русское слово» («О Чехове. Из записной книжки». Русское слово. 1914/151, 2 июля). Когда незадолго до смерти Бунину удастся раздобыть в Париже полное собрание сочинений и писем Чехова, а также антологию «Чехов в воспоминаниях современников», он снова начинает писать. Жена писателя Вера Муромцева-Бунина вспоминает обо всем этом так: «В 1953 году нам, наконец, удалось

приобрести советское издание “Письма А.П. Чехова” (кроме двух первых томов). Мы их перечитывали. Иван Алексеевич, указывая мне, что нужно выписать, испестрил книги своими надписями и пометками. Перечитал он в те времена все, что можно было достать в Париже о Чехове» [2, с. 27].

Бунин задался целью соединить ранее написанный материал с поразительными по силе воздействия воспоминаниями Лидии Алексеевны Авиловой (писательница, близкая знакомая Чехова и Бунина, по свидетельству Бунина, главная любовь в жизни Чехова) и общими воспоминаниями, которые ожили в нем после прочтения писем Чехова. «В бессонные ночи Иван Алексеевич, – в последний год жизни он почти лишился сна, – делал заметки на обрывках бумаги, иногда даже на папиросных коробках, – вспоминал беседы с Чеховым» [2, с. 29]. По воспоминаниям Веры Муромцевой-Буниной, в последние часы своей жизни муж попросил ее почитать ему из сборника чеховских писем. Труд писателя остался незавершенным. 8 ноября 1953 г. Бунин умер. Книгу его под названием «О Чехове» посмертно издала жена, соединив, согласно плану супруга заметки, наблюдения и воспоминания Бунина о Чехове с написанным ею вступлением и предисловием Марка Алданова.

В литературоведении сравнение творчества Бунина и Чехова всегда преследовало двоякую цель: с одной стороны, исследователи пытались выявить схожие концептуальные, философские, тематические, композиционные и стилистические черты, а с другой – показать различия, касающиеся взглядов авторов на жизнь и способов художественной репрезентации. «О Буnine нельзя говорить, не беспокоя прекрасной тени Чехова. Бунин больше чем [ученик] „его школы“. Он плоть от плоти и кровь от крови чеховского поколения, чеховского настроения, чеховских симпатий», – писал о нем критик газеты «Биржевые ведомости» поэт и прозаик Александр Измайлов. При этом оба писателя категорически отрицали наличие литературного родства: «Решительно ничего чеховского у меня никогда не было», – отмечает Бунин в своих автобиографических заметках [4, с. 265].

Чехов, без сомнения, обновил жанр русского рассказа: по длине его тексты значительно короче традиционных произведений повествовательной формы. «Вам хорошо теперь писать рассказы, – делится Чехов с Буниным в одной из бесед, – все к этому привыкли, а это я пробил дорогу к маленькому рассказу, меня еще как за это ругали... Требовали, чтобы я писал роман, иначе и писателем нельзя называться...» [2, с. 87]. В рассказах Чехова акцент смещается с внешнего действия на изображение внутренних психологических процессов. В использовании рассказа как формы Бунин идет по пути Чехова: он упрощает сюжет, а изображение внутреннего мира героев получает большее развитие, нежели внешние события. Повседневное обогащается у писателя философским содержанием. О. Сливицкая¹ в своей монографии отмечает, что Бунин стремится найти разгадку наступления большинства трагических событий в повседневной жизни его героев, в укоренившемся мышлении отдельного человека. Один день или маленький, кажущийся незначительным, эпизод жизни героев предельно сжат, детально проработан, что позволяет прочувствовать события и эмоции, описанные автором. Читатель узнает не только о судьбе того или иного человека, но получает благодаря Бунину представление о многообразии самого бытия.

Бунин в своем творчестве «выходит за рамки» чеховской традиции в начале 1910-х гг. С тех пор будничные поступки героев Бунина оказываются помещены в ценностную иерархию космических законов бытия. Рассмотрим несколько характерных примеров.

1. У Чехова драматический конфликт происходит между личностью и средой: вначале его герои, как правило, живут в мире с окружающей их средой, а затем, осознав, что жизнь их загублена, хотят порвать с конкретной формой существования. В

¹ Сливицкая О.В. Повышенное чувство жизни. Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004. 270 с.

рассказах Бунина драматический конфликт возникает между человеком и космическим силовым полем, законы которого герои не признают, а если и признают, то противятся им, и потому оказываются беззащитны перед природными силами Вселенной, ее универсальными законами.

2. Герои Чехова четко осознают свое нынешнее жизненное положение и движимы желанием обрести лучшее будущее, переосмысливая прежнюю жизнь. Как следствие, они пытаются вырваться из своей обычной среды. Герои Бунина, напротив, даже если и признают, что действуют вопреки Дао и всем существующим законам его Пути, все равно бессильны изменить свое жизненное положение.

3. Несмотря на мрачность настоящего, взгляд созданных Чеховым героев исполнен надежды на лучшую и более счастливую жизнь в грядущем. Чеховский идеал воплощен в человеке, достигшем внутренней гармонии и духовного совершенства. Он не только ищет счастья для себя, но и восстает против бессмысленно проживаемой жизни. Герои Бунина любят бытие ради его самого, оно для них величайший дар, и они не ищут с упорством смысл своего существования [6, с. 178].

4. Крушение жизни и надежд чеховские и бунинские герои переживают тоже по-разному. Герои Чехова понимают, что произошедшее с ними – это результат неправильно прожитой жизни; герои Бунина, наоборот, в какой-то момент оказываются вынуждены осознать, что не представляли истинную ценность тех радостей, которые прежде получали от жизни. У Бунина жизнь – априорная ценность, дар бытия, и потому не требует дальнейшего толкования.

5. Героями Бунина владеют эмоции: от экзальтированного восхищения жизнью до полного отчаяния. Героям Чехова такие сильные чувства не знакомы.

У Чехова в зрелых философских рассказах субъективное время главного героя резко отделяется от объективного времени природы, и это принципиальное разделение обращается в закономерность. Например, в рассказе «Дама с собачкой» ограниченная продолжительность человеческой жизни несравнима с вечным бытием природы [8, с. 50–69]: «В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор *неподвижно* стояли белые облака. Листва не шевелилась на деревьях, *кричали цикады*, и *однообразный*, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом *постоянстве*, в *полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас* кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного *совершенства*» [13, с. 133].

И Чехов, и Бунин разделяют идею о том, что природа безразлична, лишена сострадания к человеческим судьбам. Природа более могущественна, чем человек; в ней являет себя некая божественная, возвышенная вечность. Бунин и здесь демонстрирует новый подход: если в рассказе Чехова «Дама с собачкой» «кричащие цикады» – это атрибут описания пейзажа, то в лирико-философском очерке Бунина «Ночь» (1925) пение цикад показано как лейтмотив природы, живущей в безграничной и бессознательной гармонии, в противоположность беспокойному и вечно философствующему о своем бытии человеку. Если у Чехова «море» – это метафорический эквивалент монументального, спокойного постоянства, то для Бунина оно является воплощением бездонной тютчевской «бездны», космических сил, кажущихся человеку иррациональными, тех сил, что повелевают судьбой человека, не понимающего их законов. «В море, в пустыне, непрестанно чуя над собой высшие Силы и Власти и всю ту строгую иерархию, которая царит в мире...», – пишет Бунин в произведении «Воды многие» (1911–1926) [3, с. 331–332]. У Чехова глухо шумящее море, вместившее в себя прошлое, настоящее и будущее, олицетворяет необъятность и постоянство природы: «Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни

Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет» [13, с. 133]. В одном из дневниковых воспоминаний Бунина церковные колокола средневекового городка выступают как постоянные свидетели прошедших и будущих времен: «Раннее осеннее альпийское утро, и звонят, зовут к обедне в соседнем горном городке. Горная тишина и свежесть, и этот певучий средневековый звон – все то же, что и тысячу, пятьсот лет тому назад, в дни рыцарей, пап, королей, монахов. И меня не было в те дни, хотя вся моя душа полна очарованием их древней жизни и чувством, что это часть и моей собственной давней, прошлой жизни. И меня опять не будет – и очень, очень скоро – а колокол все так же будет звать еще тысячу лет новых, неведомых мне людей» [7, с. 118].

Сознавая разницу между путем, который был указан западноевропейским гуманизмом, и эволюцией русской культуры, Бунин делает частью исторического времени, охватывающего тысячелетия, не только вечное постоянство природы, но и включает в него человека, объединенного с вечным временем природы, единицей которого он является.

Вопреки тому, что герои Чехова живут в противостоянии с природой, они убеждены в своей независимости и при этом поддерживают с природой мирные отношения, что снимает все основания для возможного конфликта. Бунинские герои «отделены от природы и переживают эту противоположность как неестественное состояние» [8, с. 66]. Вывод критика Д.В. Иоаннисяна верен, но отправная точка сомнительна. Как и Ф. Степун, я считаю, что Бунин рассматривает отношения между человеком и природой в рамках более масштабного целого, частью которого являются оба (и не представляют собой отдельные цельные сущности). И человек, и природа – элементы, существующие не по отдельности, просто между ними нарушена гармония, отсутствует равновесие [11, с. 365–385]. Герои Бунина не понимают космических законов, управляющих вселенским единством человека и природы (эти законы кажутся им иррациональными), в большинстве своем они их вообще не признают (и потому не могут быть с ними в ладу) – отсюда неспособность восстановить единство, отсутствие гармонии, чувство отчужденности в своем космическом одиночестве. В бунинском понимании человеческое существование перестало бы быть трагичным, а жизнь снова обрела полноту, если бы человек жил в гармонии с космическими (а не природными, как у Иоаннисяна) законами бытия.

В литературоведении рассказы «Дама с собачкой» Чехова и «Солнечный удар» Бунина давно уже привычно упоминаются вместе: Бунин в своем рассказе словно бы полемизирует с чеховскими взглядами на любовь. Он, в сущности, изображает любовь как стихийную силу, слепую страсть, любовное чувство у него неизбежно, оно носит характер рокового влечения, служит источником величайшего счастья, и, одновременно, чудовищной трагедии. У Чехова, в свою очередь, в произведениях, темой которых является любовь, преобладает отнюдь не сжигающая все на своем пути страсть. В его рассказах – как и непосредственно в «Даме с собачкой» – любовь может быть попыткой уйти от монотонности повседневной жизни, от необходимости приспособливаться к ожиданиям окружающей среды. У Бунина в «Солнечном ударе» любовное чувство обрушивается на главного героя неожиданно, дарованное им счастье недолговечно и сохранить его в долгосрочной перспективе невозможно. Главный герой преображается, пламя пережитой любви практически сжигает его личность. В «Даме с собачкой» все это происходит иначе. Чувство любви формируется здесь постепенно, и глубокое связующее и трансформирующее личности обоих влечение друг к другу (которое в этой истории не сводится только к страсти) наделяет героев способностью бороться за это счастье. В обоих рассказах встреча героя и героини, будучи изначально мимолетным приключением на одно лето, становится опытом, меняющим жизни героев навсегда. Место действия (курортный город, палуба теплохода) – это символы отрыва от будничной жизни, временного освобождения от семейных, социальных

привязанностей. Через символику воды в обоих рассказах показана возможность очищения и возрождения, однако это подчинено времени, как и сама человеческая жизнь, а потому главные герои вынуждены вернуться в реальность повседневной жизни, избавления от которой нет. В то время как герои Чехова пытаются сохранить любовь в повседневности, в попытке преобразить серую действительность, в бунинском рассказе экстаз всепожирающей страсти не совместим с унылыми буднями. Это подчеркивается и отсутствием у героев имен: в «Солнечном ударе» и поручик, и его спутница, шутливо называющая себя «прекрасной незнакомкой», не раскрывают свои личности. На суть их отношений символически намекает уже и краткая остановка на суше, далее они продолжают начатые жизненные пути по отдельности. Чеховские герои, напротив, называют друг друга по имени, признают наличие у них семейного окружения и готовы его изменить. Метафорой стабильности их связи становится то, как они с надежной суши наблюдают постоянную смену судов, входящих в гавань и выходящих из нее.

Супружеская измена, в которой заключается конфликт, – не просто литературный и мифологический топос (яркие тому примеры – романы «Госпожа Бовари» Г. Флобера и «Анна Каренина» Л. Толстого). В чеховском рассказе супружеская неверность квалифицирована как вопрос нравственный. А. Ранчин выделяет в своем исследовании совпадающую систему мотивов: если падение Анны освещает одинокая свеча, мерцающая в комнате, то во время близости поручика и «прекрасной незнакомки» свечи на гостиничном подзеркальнике остаются необожженными, на связь героев свет не пролит [10]. В рассказе Бунина любовное чувство возвышается над общественной моралью, его герои не терзаются чувством вины или раскаяния. Обращенные к поручику слова «прекрасной незнакомки» – «я совсем не то, что вы могли обо мне подумать» [3, с. 240] – намек не на морализаторство, но, скорее, на уникальный и неповторимый характер их встречи. Бунин делает любовь врагом смерти, любовь означает временное преодоление смерти, любовное чувство – солнечный удар, болезнь, экстаз. Магическая и мистическая природа любви и у другого русского писателя, И.С. Тургенева, есть результат ее трансцендентной сущности¹, отсюда ее частое сравнение со стихийными силами природы. Тургенев вошел в массовое литературное сознание как «певец первой любви», у него любовь, подобно землетрясению, потрясает мир героев в его основе. На этот существенный аспект указывает и А. Серб: «Тургенев, подобно Бодлеру и поэтам конца века, считает любовь роковой болезнью, разрушающей структуру души» [14, с. 687]. Ведущий мотив рассказа Бунина «Солнечный удар» – метафорически являющее стихийную силу любви палящее Солнце, которое ослепляет героев и высвобождает энергию, дремлющую в глубинах подсознания.

Прошлое можно заново пережить через воспоминания. Поручик из «Солнечного удара» помнит запах «ее загара и холстинкового платья, ее крепкое тело, живой, простой и веселый звук ее голоса» [3, с. 241]. Проступающее посредством памяти новое чувство становится для него важнее пережитого накануне: «...как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так исступленно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой» [3, с. 239]. Процесс воспоминания становится отличительной чертой и главного героя чеховской «Дамы с

¹ Е. Анненкова в своей работе отмечает, что Тургенев первым в русской литературе показал трансцендентальную и экзистенциальную сущность любви [1]. Согласно этому представлению человек в любви теряет себя, словно бы растворяется в другом. Любящий может понять смысл собственного существования через другого, давая тому, кого любит, шанс на аналогичное обретение себя. По мнению Анненковой, именно такой любовью любят тургеневские герои, поэтому для них любовь, а порой и сама любовная страсть означают поворот в личной судьбе: любовь обнажает и демонстрирует их истинное «я», способности, границы.

собачкой»: «А в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной только вчера. И воспоминания разгорались все сильнее» [13, с. 136]. Воспоминания настолько сильны, что возлюбленная «не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним». Гуров видит ее перед собой, даже закрыв глаза: «Она по вечерам глядела на него из книжного шкапа, из камина, из угла, он слышал ее дыхание, ласковый шорох ее одежды» (налицо параллель с романом И.В. Гете «Страдания юного Вертера», где также есть мотив преследования, отраженный в образе Лотты). Существенные различия в философии любви у двух писателей – Чехова и Бунина – обнаруживаются в том, как они заканчивают свои истории. Чехов оставляет повествование «незавершенным», тем самым оставляя читателю возможность «перспективы»; Бунин в своем рассказе выбирает бесповоротный и окончательный финал. Удовольствие, которое обещает читателю цельность завершенности произведений Бунина, а также присущую им законченность шедевра Марина Цветаева охарактеризовала так: «Чувствуй» (воспринимай) и «любуйся» – вот с чем идут к читателю писатели типа Бунина. – «Я сделал, а ты посмотри», «дал, а ты возьми», «страдал, а ты поразвлекись» [12, с. 307].

Итак, проблематика, которая у Чехова рассматривается как вопрос нравственного характера, у Бунина перемещается в космическое измерение. Оба писателя внимательно прислушиваются к драмам, происходящим в глубине человеческой души, однако, как верно замечает Э. Полоцкая [9, с. 147], Бунин разворачивает и разрешает эти конфликты иначе, чем Чехов, он представляет их в более тесной связи с самим бытием, доводя действие до последней стадии завершенности.

Литература:

1. Анненкова Е.С. Любовь как свойство бытия в художественном мире И. Тургенева и И. Бунина // Наук. Вісн. Миколаївського державн. ун-ту ім. В.О. Сухомлинського. Сер.: Філологічні науки. 2013. № 12. С. 16–23.
2. Бунин И.А. О Чехове. Незаконченная рукопись / Предисловие М.А. Алданова. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. 680 с.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 5. М., 1966. 544 с.
4. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 9. М., 1967. 624 с.
5. Вишняк М.В. Современные записи. Воспоминания редактора // Иван Бунин. Pro et contra, СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института. 2001. С. 138–142.
6. Гейдеко В.А. А. Чехов и Ив. Бунин. М.: Советский писатель, 1976. 372 с.
7. Грин М. (ред.) Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 тт. Т. 2. М.: Посев. Frankfurt am Main, 1981. 319 с.
8. Иоаннисян Д.В. Природа, время, человек у А.П. Чехова и И.А. Бунина // Русская литература XX века (Доктябрьский период). Калуга: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. Сб. 4. С. 50–69.
9. Полоцкая Э. Реализм Чехова и русская литература конца XIX – начала XX в. (Куприн, Бунин, Андреев) // Полоцкая Э. Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. Т. 3. М., 1974. С. 77–164.
10. Ранчин А. Дама без собачки: чеховский подтекст в рассказе И.А. Бунина «Солнечный удар» // Литература. 2002. № 30. [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200203006> (дата обращения: 03.08.2021).
11. Степун Ф.А. Литературные заметки. И.А. Бунин (по поводу «Митиной любви») // Иван Бунин. Pro et contra, СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. С. 365–385.

12. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради // Собр. соч. Т. 9. М., 1997. 639 с. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/tsvetaeva_sochineniya_tom_9_svodnye_tetradi_1997_text.pdf (дата обращения: 23.04.2020).

13. Чехов А.П. Дама с собачкой // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 10 [Рассказы, повести], 1898–1903. М.: Наука, 1977. С. 128–143.

14. Szerb A. A világirodalom története. III. kötet. Magvető Könyvkiadó. Budapest, 1962.

Rácz Ildikó Mária

Ph.D.

ildiko@raczt.hu

Eötvös Loránd University

Budapest, Hungary

NEW ARTISTIC CONCEPT: GOING BEYOND THE CZECHOVIAN TRADITION

In literary criticism, the comparison of the literary works by Ivan Bunin and Anton Chekhov has always pursued a dual purpose: on the one hand, researchers tried to identify similar conceptual, philosophical, thematic, compositional and stylistic features, and on the other, to show differences in the authors' views on life and methods of artistic representation. In using the story as a form, Bunin follows the path of Chekhov: he simplifies the plot, and the inner world of the heroes gains more significance than external events. At the same time, everyday actions are being enriched by philosophical content. In the light of his new artistic concept, which made itself known in the early 1910s, the everyday actions of Bunin's heroes are placed in the hierarchy of values of the cosmic laws of existence. The change in Bunin's philosophical and poetic views is strongly reflected in his works as «going beyond» the Chekhovian tradition.

Keywords: *Ivan Bunin; Anton Chekhov; story; plot; cosmic laws; psychological processes; nature; elemental forces; love; memory.*

УДК 821.161.1

Седова Елена Сергеевна

кандидат филологических наук

helens82@mail.ru

Южно-Уральский государственный

гуманитарно-педагогический

университет

Челябинск, Россия

ORCID: 0000-0002-7490-2205

Асташова Полина Николаевна

geltyui@mail.ru

Челябинск, Россия

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАВЕЛОГА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ОДНОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА»

В данной статье анализируется хронотоп травелога И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка». Пространственно-временная организация книги непосредственным образом связана с заголовками-маркерами. Во-первых, композиционные части маркируются при помощи названий, фокусирующих внимание на пространственной характеристике («Из окна 27-го этажа», «Через восточные

штаты», «К Тихому океану», «Золотой штат» и т. д.). Таким образом, логичным является классификация заголовков по принципу фиксации места и времени, достопримечательностей, авторской рефлексии, персоналий. Во-вторых, писатели не только рассказывают о своем путешествии, называя точные географические координаты, но и описывают посещаемые ими места, дают им собственную оценку. В-третьих, авторы могут как указывать точные даты, временные промежутки своих остановок, так и умалчивать об этом; характеристика пространства становится для путешественников приоритетнее точного акцентирования времени.

Ключевые слова: *И. Ильф и Е. Петров; «Одноэтажная Америка»; травелог; заглавия; хронотоп; классификация; русская литература.*

Травелог И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» стал результатом трехмесячного пребывания писателей в США. Авторы отправились в путешествие в качестве специальных корреспондентов главной государственной газеты СССР «Правда». До сих пор остается загадкой, почему для этой миссии выбрали именно Ильфа и Петрова. Они не владели английским языком в достаточной мере, никто из них не умел водить машину. Целью самих авторов было желание изучить США, обычаи страны, городов, узнать и понять среднего американца.

И. Ильф и Е. Петров пишут об увиденном в Америке фактографически точно и достоверно. Они настолько детально описывают свой маршрут, что исследователи смогли составить карту их путешествия. В дальнейшем это позволило повторить поездку другим заинтересованным лицам: в 1969 г. в США по маршруту Ильфа и Петрова отправляются журналисты газеты «Правда» Б.Г. Стрельников и И.М. Шатуновский [7], а в 2006 г. – журналист и писатель В.В. Познер и шоумен И.А. Ургант [6].

Соавторы долго думали над названием своего произведения. Первоначальные варианты «Америка» и «Путешествие в Америку» были отвергнуты, и они остановились на заглавии «Одноэтажная Америка», в котором отразились их наблюдения: «Но Америка по преимуществу страна одноэтажная и двухэтажная. Большинство американского населения живет в маленьких городках...» [4, с. 96]. Во время своего путешествия Ильф и Петров хотели лучше узнать не только страну, но и людей. Их интересовал обычный человек, среднестатистический американец, который преимущественно живет в одноэтажной Америке. С такой же тщательностью были выбраны заголовки композиционных частей и глав. Через номинацию глав фиксируются время, пространство, архитектурные памятники, персоналии и авторское отношение. Стоит отметить, что есть некоторые названия, в которых совмещаются указание на достопримечательность и оценка данной локации. Следовательно, актуализируется проблема хронотопа книги, специфика ее пространственно-временной организации. В критических работах по творчеству И. Ильфа и Е. Петрова и их травелогу есть лишь отдельные упоминания о хронотопе [см. 2, 3, 5], без развернутой аргументации. В данной статье мы хотим восполнить данный пробел, наша задача – предложить собственную классификацию заголовков травелога И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка», определить их роль в произведении.

Как отмечает М.М. Бахтин, «хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1, с. 235]. Особенностью хронотопа травелога является наличие точного маршрута, а значимость тех или иных отрезков пути определяется самим автором. Например, в травелоге И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» поездка до океана – это большая часть книги (39 из 47 глав), а описание обратного пути представлено не так подробно, акцент смещен на изображение внутреннего состояния соавторов.

Книга «Одноэтажная Америка» состоит из 4 частей, которые включают 47 глав. Путешествие длится три месяца. За это время писатели посетили 25 штатов, «дышали сухим воздухом пустынь и прерий, перевалили через Скалистые горы, видели индейцев, беседовали с молодыми безработными, старыми капиталистами, радикальными интеллигентами, революционными рабочими, поэтами, писателями, инженерами», «осматривали заводы и парки, восхищались дорогами и мостами, подымались на Сьерра-Неваду и спускались в Карлсбадские пещеры», «проехали десять тысяч миль» [4, с. 402].

Композиционные части маркируются при помощи названий, фокусирующих внимание на пространственной характеристике: «Из окна 27-го этажа», «Через восточные штаты», «К Тихому океану», «Золотой штат», «Назад к Атлантике». С их помощью маркируются основные «смысловые вехи» текста в целом. Композиция книги определяется маршрутом, по которому едут путешественники.

Все заглавия можно разделить на несколько категорий:

1. Место и время: «Первый вечер в Нью-Йорке», «День в Мексике», «Новый год в Сан-Антонио».

2. Место: «Что можно увидеть из окна гостиницы», «На американской дороге», «Маленький город», «Большой маленький город», «Дирборн», «Страшный город Чикаго», «На родине Марка Твена», «Санта-Фе», «Пустыня», «Сан-Франциско», «По старой испанской тропе», «Мы выезжаем в Южные штаты».

3. Авторская рефлексия: «Аппетит уходит во время еды», «Мы ищем ангела без крыльев», «Мы покупаем автомобиль и уезжаем», «Америку нельзя застать врасплох», «День несчастий», «Бог халтуры», «Голливудские крепостные», «Молитесь, возвышайтесь и платите!», «Божья страна», «Беспокойная жизнь», «Прощай, Америка».

4. Достопримечательности (включая удивительные места и изобретения): «Электрический стул», «Большая Нью-Йоркская арена», «Электрический домик мистера Рипли», «Лучшие в мире музыканты», «Встреча с индейцами», «Грэнд-кэньон», «На гребне плотины», «Американский футбол», «Русская горка», «Четыре стандарта», «Американская демократия».

5. Персоналии: «Папа энд мама», «Генри Форд», «Солдат морской пехоты», «Робертс и его жена», «Человек в красной рубашке», «Юный баптист», «Рекорд миссис Адамс», «Капитан Икс», «Негры».

Наиболее активно проявляют себя группы «Место», «Место и время». Их функция – создание хронотопа. Авторами сознательно делается акцент на топосе, поэтому категория «Место и время» такая немногочисленная. Писателям важно указать, *где* происходит действие, а не *когда*. Исключениями являются три главы – «Первый вечер в Нью-Йорке», «День в Мексике», «Новый год в Сан-Антонио».

Глава «Первый вечер в Нью-Йорке» является второй по счету. В ней авторы рассказывают о своем первом дне в Америке (до этого никто из них никогда не был в этой стране): они описывают город, через который начинают знакомиться с новой для себя культурой. Ильф и Петров выходят из таможенного зала пристани, когда уже наступил вечер: только после этого они смогли увидеть Нью-Йорк вблизи, а не с корабля. Это является отправной точкой всего путешествия по Америке.

«День в Мексике» – это 42 глава травелога, в ней представлен один день, когда Ильф и Петров изменили свой маршрут. Основной целью писателей было узнать Америку, среднестатистического американца, но им выпала возможность расширить свой маршрут, который они давно составили с мистером Адамсом, компаньоном по поездке. Авторы фиксируют контраст между Мексикой и Америкой и отмечают, что иногда полезно покинуть страну на один день для лучшего знакомства с ней.

Следом идет глава «Новый год в Сан-Антонио». Глава является квинтэссенцией душевных переживаний и тоски авторов по СССР. Значимым является указание на празднование Нового года, важного для русского человека семейного праздника.

Новый год Ильф и Петров празднуют в чужой стране, в толпе и суете. На уровне заглавия выстраиваются оппозиции: Россия – Америка, дом – толпа. Как никогда авторы предстают перед читателями уставшими и обессиленными, тоскующими по дому. Это отражено и в письме от 31 декабря 1935 г., в котором читаем: «Послезавтра мы приедем в Нью-Орлеан, и я побегу за твоими письмами. Я уже жду этого дня – не дождусь» [4, с. 485].

Итак, все три главы выделяются из общего повествования, Ильф и Петров сознательно акцентируют их, подчеркивая временную составляющую. Отношение писателей к происходящему и их внутреннее состояние можно понять, прочитав данные главы. Так, «Первый вечер в Нью-Йорке» – это предвкушение путешествия, будоражащее чувство встречи с новым местом и новыми приключениями, интерес к новой культуре. «День в Мексике» показывает контраст, зарождающуюся усталость. «Новый год в Сан-Антонио» отражает тоску писателей по дому. Подчеркнем, что эти смыслы возникают только после внимательного прочтения глав.

Названия глав из группы «Авторская рефлексия» выражают авторскую позицию. Например, «Аппетит уходит во время еды», «Америку нельзя застать врасплох». Такие заголовки появляются после этапа осмысления происходящего.

В группе «Достопримечательности» перечислены названия глав, которые имеют прямое указание на предмет изображения: арена, театр, природа, технологии, технический прогресс и т. п.

Мы не включаем эти главы в группу «Место» поскольку здесь важна конкретика каждой локации – то, что составляет национальное богатство (Грэнд-кэньон), развлечения (американский футбол), кинопроизводство, политику и т. д.

Категория «Персоналии» позволяет соотнести текст с его героями, лицами, о которых будет рассказано в каждой конкретной главе. В других группах также иногда присутствует указание на персону. Например, глава «На родине Марка Твена». Тут писателям важно само место, его культурное значение, не столько характеристика американского писателя. Обращение к Твену и его знаменитым романам показывает, насколько книга о Томе Сойере важна для американцев: «И даже самый серьезный, самый деловитый американец, когда говорят об этом всемирно знаменитом мальчишке [о Томе Сойере. – *Е. С., П. А.*], начинает улыбаться, глаза у него добреют» [4, с. 168]. Жизнь сорванца Тома Сойера – это детство многих людей.

Таким образом, можно выделить несколько целей заглавий: во-первых, обозначить маршрут, в котором важно место и/или время («Первый вечер в Нью-Йорке», «Санта-Фе», «Пустыня», «Сан-Франциско» и т. д.); во-вторых, сформулировать собственное отношение к событию, месту, человеку («Страшный город Чикаго», «День несчастий», «Бог халтуры», «Голливудский крепостные», «Электрический домик мистера Рипли», «Человек в красной рубашке» и т. д.); в-третьих, назвать объект или лицо, о котором повествуется в главе («Американский футбол», «Русская горка», «Генри Форд» и т. д.).

Зачастую заглавия травелога трудно отнести к одной выделенной нами выше категории. Например, в группе «Место» можно увидеть элементы оценочности, авторской рефлексии (глава «Страшный город Чикаго»); в группе «Достопримечательности» можно найти точные координаты того или иного объекта («Большая нью-йоркская арена», «Грэнд-кэньон», «На гребне плотины»).

Передвижения Ильфа и Петрова не хаотичны, их путь подчинен строгому маршруту мистера Адамса и четким временным рамкам: у писателей есть всего два месяца, чтобы объехать Америку с востока на запад и вернуться обратно в Нью-Йорк.

Писателям интересны не однообразные одноэтажные города, которые настолько похожи друг на друга, что в любой комнате, будь она в Нью-Йорке или кэмпе на краю пустыни, будет одинаковая обстановка («В комнатах стояла мебель, которую впоследствии мы видели во всех без исключения отелях Америки – на Востоке, Западе

или Юге. На Севере мы не были. Но есть все основания предполагать, что и там мы нашли бы точь-в-точь такую же нью-йоркскую мебель...» [4, с. 31]), а люди, природа, национальные особенности. Авторы задаются вопросами, как устроено общество Америки; как живет среднестатистический американец; кто он, что он думает, как развлекается.

Отметим, что авторы не опускают полностью описания одинаковых городов, столовых с однотипными блюдами, гостиниц и кэмпов с похожей обстановкой, не исключают из повествования эти ключевые точки и звенья их пути. Точное описание маршрута является важной чертой травелога – писатели прочерчивают для читателей линию на карте, но не считают важным писать о каждом городе в отдельности: «С начала путешествия мы проехали штаты Нью-Йорк, Пенсильванию, Огайо, Мичиган, Индиану и Иллинойс. В памяти засели названия бесчисленных городков, где мы завтракали, обедали, ходили в кино или ночевали. Поукипси, Гудзон, Олбани, Троя, Оберн, Ватерлоо, Эйвон, Фридония, Эри, Сандусски, Толидо, Пиория, Спрингфилд» [4, с. 161]. И что самое важное – акцентируется внимание на типичности этих памятников и домов, улиц, которые везде называются одинаково.

Описание разнообразной природы занимает авторов больше, чем «однообразные города в разнообразной пустыне» [4, с. 255]. Величественные природные исполины привлекают больше, чем стеклянные гиганты, построенные руками человека.

Сравним пространство города и природы. При описании города авторы обращают внимание на детали и особенности планировки: «Огромные второклассные нью-йоркские отели в центре города строятся чрезвычайно экономно, – коридоры узкие, комнаты хотя и дорогие, но маленькие, потолки стандартной высоты, то есть невысокие. Заказчик ставит перед строителем задачу – втиснуть в небоскреб как можно больше комнат» [4, с. 30]. Очевидна выгода заказчиков – иметь много комнат и совершенно неважно, маленькие они, узкие или просто крошечные.

На контрасте приводится описание природы – ошеломляющей и величественной, лишаящей человека слов при созерцании ее красоты: «Грэнд-кэньон, Великий кэньон, одно из величайших географических чудес мира... На горы надо смотреть снизу вверх. На кэньон – сверху вниз. Зрелище Грэнд-кэньона не имеет себе равного на земле. Да это и не было похоже на землю. Пейзаж опрокидывал все, если можно так выразиться, европейские представления о земном шаре... Мы долго простояли у края этой великолепной бездны. Мы, четверо болтунов, не произнесли ни слова» [4, с. 230].

На примере этих двух описаний очевидно, что пространство города ограничено, человек чувствует себя запертым, словно в клетке, т.к. оказывается в замкнутых однотипных помещениях. Пространство природы, напротив, открытое, бескрайнее, безграничное. Если с городом связан мотив конвейерности, то природа величественна, и каждое из ее творений (горы, каньоны, леса, реки) не имеет аналогов, все они неповторимы.

Интересен также пример сопоставления небоскреба и секвойи в лесу: «Но любопытный, прильнувший к трубе, смотрел не на луну, а гораздо выше, – он смотрел на вершину «Эмпайр-стейт-билдинг», здания в сто два этажа. В свете луны стальная вершина «Эмпайра» казалась покрытой снегом. Душа холодела при виде благородного, чистого здания, сверкающего, как брус искусственного льда. Мы долго стояли здесь, молча задрав головы» [4, с. 23]. Возвышающиеся здания из стекла и бетона вызывают восхищение героев и «чувство гордости за людей науки и труда, построивших эти великолепные здания» [4, с. 23]. Однако как бы талантлив и умен ни был человек, более совершенной является природа: «Теперь мы ехали по древнему сумрачному лесу, фантастическому лесу, где слово “человек” перестает звучать гордо, а гордо звучит лишь одно слово – “дерево”. Секвойи, принадлежащие, по мирному выражению ученых, “к семейству хвойных”, растут по соседству с обыкновенными елями и

соснами и поражают человека так, будто он увидел среди кур и поросят живого птеродактиля или мамонта» [4, с. 270].

Путешественники входят в индейский вигвам и мексиканскую деревню, показывают города и городки Америки – Нью-Йорк, Чикаго, Канзас, Эль-Пасо, Сан-Антонио, Новый Орлеан и столицу США Вашингтон (округ Колумбия). Пространство города вмещает в себя рестораны, знакомство с людьми, пребывание в гостиницах, развлечения. Ильф и Петров посещают не только клубы, арены, кинотеатры, театры, то есть места скопления обычных граждан, но и входят в Белый Дом, где президент США Рузвельт беседовал с репортерами; знакомятся с американскими знаменитостями (Морган, Твен, Рид, Таунсенд и др.); представляют национальные виды спорта (родео, реслинг, американский футбол и мексиканскую корриду). Авторы подробно рассказывают о производстве фильмов в Голливуде. Пространственная форма образует целый структурный фундамент произведения.

Географическими якорями также служат упоминания в книге номера трассы, по которой едут авторы и семья Адамсов, названия гостиниц и ресторанов, реальных точек на карте Америки того времени: гостиницы «Роберт И. Ли», «Стивенс-отель», «Калифорния Ото Корт»; рестораны «Голливуд», «Обедай и танцуй», «Ориджинэл Мексикэн Ресторан», «Топси», «Лукка», «Синий гусь» и т. д.

В травелогe Ильфа и Петрова упоминается значительное количество городов: Нью-Йорк, Дэнбери, Поукипси, Гудзон, Олбани, Маленький город, Скенектеди, Детройд, Дирборн, Чикаго, Ганнибал, Троя, Оберн, Ватерлоо, Эйвон, Фридония, Эри, Сандуски, Толидо, Пиория, Спрингфилд Канзас, Оклахома, Амарилло, Санта-Роза, Санта-Фе, Таос, Рио-Чикито, Альбукерк, Галлопа, Флагстаффе, Камерон, Лас-Вегас, Боулдер-сити, Фресно, Окленд, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Монтерей, Голливуд, Сан-Диего, Эль-Сентро, Бенсон, Уайт-сити, Эль-Пасо, Сан-Антонио, Морган-сити, Нью-Орлеан, Пенсакола, Талахасси, Джорджия, Чарльстон, Вашингтон. Сложность восприятия заключается в том, что в повествовании писатели порой возвращаются воспоминаниями к посещенным местам, таким образом переплетая непрерывную нить движения реального (географического) с мысленным (тем, что в сознании).

По времени путешествие соавторов нельзя назвать однородным: целый месяц они проводят в Нью-Йорке, то есть в одном пространстве. Нью-Йорк, как гипнотизер, приковывает к себе внимание Ильфа и Петрова: «Он заставляет все время смотреть на себя. От этого города глаза болят. Но не смотреть на него невозможно» [4, с. 51]. Это не значит, что этот город привлекателен, а пространство располагает к себе. Наоборот, это агрессивное, неугомонное пространство, где привычное счастье невозможно: «Нам было грустно от нью-йоркского счастья» [4, с. 69]. Из-за безумного темпа этого города авторы не могут уследить за временем и только постфактум осознают, что прожили там целый месяц, хотя и не собирались так долго там задерживаться.

Однако если авторы сами не указывают на временной промежуток, как, например, с Нью-Йорком, то посчитать, сколько времени они потратили на само передвижение или остановку, невозможно. Можно предположить, что в Чикаго они пробыли всего полтора дня: определить приблизительные даты можно по письмам, которые Ильф и Петров отправляли своим родным. Тем не менее в тексте иногда встречаются временные уточнения. Например, при посещении автомобильного салона авторы отмечают, что «был ноябрь месяц тысяча девятьсот тридцать пятого года, и салон только что открылся» [4, с. 80].

Ближе к концу путешествия время начинает нестись с бешеной скоростью, оно ускоряется, и уже в пределах одного абзаца авторы словно перепрыгивают из одного пространства в другое: «Затем мы попали в пустыню, заселенную кактусами, каких мы до сих пор не видели... Когда мы миновали эту пустыню, то попали в другую, где росли только телеграфные столбы и ничего больше. Прошел еще один день, и из пустыни телеграфных столбов мы попали в пустыню, поросшую объявлениями, плакатами,

рекламами и всякого рода письменными, рисованными и печатными воплями о городе Уайт-сити» [4, с. 355].

В 44 главе авторы уже буквально мчатся: «Маршрут лежал по берегу Мексиканского залива, через штаты Луизиану, Миссисипи и Алабаму. Эти штаты мы проехали в один день и остановились во Флориде. Затем из Флориды – к берегу Атлантического океана – в Джорджию, потом через Южную Каролину, Северную Каролину и Вирджинию – в Вашингтон» [4, с. 386]. С ускорением темпа перемещения уменьшается количество точно описываемых географических объектов и осматриваемых достопримечательностей. Известно, что во время путешествия на автомобиле по американским штатам у И. Ильфа открылся туберкулез, от которого, как известно, он умер спустя несколько лет.

Итак, можно выделить следующие особенности хронотопа травелога Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка»: во-первых, в создании хронотопа активная роль отводится заголовкам-маркерам, функция которых – обозначить пространство. Во-вторых, писатели не только рассказывают о своем путешествии, называя точные географические координаты, но и описывают посещаемые ими места, дают им собственную субъективную оценку. Наконец, Ильф и Петров могут как указывать точные даты, временные промежутки своих остановок, так и умалчивать об этом, следовательно, характеристика пространства становится для путешественников приоритетнее точного акцентирования времени.

Литература:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
2. Богачева Е.В. Жанровые особенности книги И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Преподаватель XXI в. 2010. № 2. С. 343–351.
3. Жиличева Г.А. Нарративные особенности травелогов И. Ильфа, Евг. Петрова (записные книжки, «Одноэтажная Америка») // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 27–38.
4. Ильф И. Одноэтажная Америка. Письма из Америки / сост., вступ. статья А.И. Ильф. М.: Текст, 2018. 511 с.
5. Лыткина О.И. Нью-Йорк как литературно-географический феномен в путевых очерках И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 449–453.
6. Познер В.В. Одноэтажная Америка. М.: АСТ, 2008. 480 с.
7. Стрельников Б.Г., Шатуновский И.М. Америка – справа и слева. Путешествие на автомобиле. М.: Правда, 1971. 272 с.

Elena Sedova

Candidate of Philological Sciences

helens82@mail.ru

South Ural State Humanitarian Pedagogical

University

Chelyabinsk, Russia

Polina Astashova

geltyyu@mail.ru

Chelyabinsk, Russia

CHRONOTOPE OF “ONE-STORIED AMERICA” TRAVELOGUE BY ILYA ILF AND YEVGENY PETROV

This article analyzes the chronotope of “One-storied America” travelogue by I. Ilf and E. Petrov. The spatio-temporal organization of the book is directly related to the headings serving as markers. Firstly, the compositional parts are labeled using titles, which focus

attention on spatial characteristics (“From the 27th floor window”, “Through the eastern states”, “To the Pacific Ocean”, “Golden State”, etc.). Hence, it is logical to classify headlines according to their place and time fixating, sights, authors’ reflections, characters. This aspect is under consideration in this article. Secondly, the writers do not merely tell us about their trip, naming the exact geographical points, but also describe the places they visit, expressing their personal attitude. Thirdly, the authors can either indicate the exact dates and time intervals of their stops, or they do not say anything about it. Thus, the characterization of space becomes more important for travelers than exact fixation of time.

Keywords: *Ilya Ilf and Yevgeny Petrov; “One-storied America”; travelogue; titles; chronotope; classification; Russian literature.*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

УДК 81`23

Астахова Яна Алексеевна

кандидат филологических наук

уапа_ast87@mail.ru

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия

КОННОТАЦИИ ЦВЕТОВЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается и уточняется методика определения коннотаций цветowych прилагательных и анализируются результаты её применения при изучении ассоциативного потенциала цветowych прилагательных в лирике Е.А. Баратынского. Данная проблема является актуальной, так как при изучении цветowych прилагательных в художественной литературе практически не исследуются механизмы формирования переносных значений и особенности коннотаций цветowych прилагательных, которые формируются в поэтическом тексте и создают дополнительные смыслы. Распространённым является мнение, что цветowych прилагательные в поэтическом тексте тяготеют к употреблению в переносном значении. Анализ коннотации может служить исследовательским инструментом для подтверждения или опровержения данной точки зрения.

Ключевые слова: коннотация; цветowych прилагательные; семантика; Е.А. Баратынский; поэзия.

В современной российской лингвистике, согласно исследованиям одного из ведущих специалистов в данной области А.П. Василевича, цветообозначения в художественном тексте анализируются в следующих аспектах: описание цветовой палитры писателя, выявление наиболее часто встречающихся у того или иного писателя цветообозначений, обнаружение особых средств выражения цвета [2]. Как можно увидеть из данного перечисления, цветообозначения рассматриваются преимущественно дескриптивно. Механизмы формирования у цветowych прилагательных переносных значений, которые возникают в контексте поэтического текста, и типы переносных значений практически не попадают в фокус внимания исследователей. Данная проблема представляется нам актуальной, так как не только позволяет расширить представление об идиостиле того или иного поэта, но и может дать дополнительную информацию о механизмах семантических переходов. Цветowych прилагательные являются лексемами, семантика которых не может быть выведена путём анализа однотипных контекстов или посредством семного анализа, поэтому особый интерес представляет то, каким образом происходит формирование переносных значений у данных единиц.

В статье «Цветоименования как характеристика языка писателя» [2] А.П. Василевичем была предложена методика исследования цветовой лексики в художественном тексте, которая кажется нам наиболее проработанной и последовательной. Основной проблемой, возникающей при работе с данной темой,

исследователь считает отсутствие некоего цветового «стандарта», который бы использовался в качестве эталона и на основании сравнения с которым делались бы выводы об особенностях употребления цветовых прилагательных тем или иным писателем или поэтом. Поэтому любые выводы об особенностях лексики данной группы у того или иного писателя часто бывают интуитивны и субъективны. А.П. Василевич моделирует стандарт употребления цветообозначений в русской художественной речи, формируя словник и подсчитывая количество использования цветовых прилагательных на достаточно репрезентативной выборке текстов. Им были проанализированы 2 млн 100 тыс. словоупотреблений в классической и современной прозе и поэзии, детской литературе, научной фантастике и детективной литературе с учётом всех лексем и конструкций, которые различными способами называют цвета. В результате все встретившиеся номинации были сгруппированы следующим образом: «простые прилагательные», «оттенки», «двусоставные слова», «словосочетания типа *цвета морской волны, цвета осенних листьев*». Наиболее употребительными, исходя из данных выборки, являются следующие цветообозначения: чёрный, белый, красный, зелёный, синий, серый, жёлтый, голубой, розовый, золотой, рыжий, седой (простые прилагательные), тёмно-синий, тёмно-зелёный, тёмно-серый, ярко-красный, ярко-зелёный, бледно-зелёный (оттенки), белоснежный, серо-зелёный, пепельно-серый (двусоставные слова).

В художественных текстах статистически преобладают простые цветообозначения, но при этом на 570 различных слов, называющих цвет, приходится только 149 простых цветообозначений. Из всех рассмотренных А.П. Василевичем текстов наиболее насыщенными цветовой лексикой являются поэтические произведения (А. Белый, Н. Гумилёв, А. Блок, Б. Окуджава). Достаточно много цветообозначений встречается в прозаических текстах И. Бунина, Ю. Олеши, К. Паустовского, А. Белого. Говоря о цветовой лексике в художественных текстах, А.П. Василевич считает важным учитывать также индексы лексической и морфологической оригинальности. Индекс лексической оригинальности вычисляется путём соотнесения количества часто и редко употребляющихся цветовых лексем в произведениях конкретного автора. Индекс морфологической оригинальности определяется на основе преобладания простых или составных цветовых номинаций. На базе двух рядов данных определяется «индекс живописности». Таким путём исследователю удалось установить, что поэзия в целом гораздо живописнее прозы, а наиболее «живописными» русскими классиками являются Андрей Белый и Иван Бунин.

Также интересно, что А.П. Василевич отмечает следующую хронологическую закономерность: «относительная «неживописность» авторов XIX века – некоторое увеличение живописности к концу XIX века – своего рода взрыв в начале XX века – определённый спад в современной литературе» [1, с. 140].

Несмотря на очевидную убедительность и продуктивность методики А.П. Василевича, нам кажется необходимым при изучении русской лингвоцветовой картины мира в художественных текстах исследовать также коннотации цветовых лексем, так как из-за усиления в художественной литературе образного компонента мы можем наблюдать существенное изменение или даже полную нейтрализацию денотативного значения цветовой лексемы.

Р. Барт считал коннотации универсальным инструментом исторической антропологии: фиксация вторичных смыслов является неотъемлемой потребностью человеческого общества, поэтому в структуре языка заложены соответствующие механизмы. Он писал в «Проблемах семиологии»: «... коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [2, с. 157], поэтому очевидно, что в поэтическом тексте будет востребован коннотативный и ассоциативный потенциал цветовых номинаций. В художественном тексте коннотация

может быть представлена такими аспектами, как эмотивный (коннотация всегда содержит в себе определённую эмоцию), волюнтативный (коннотация отражает определённое отношение говорящего к высказыванию); апеллятивный (коннотация актуализирует определённые знания или эмоции адресата и побуждает его занять ту же позицию, что и говорящий); контактоустанавливающий (коннотация является общим знанием, помогающим участникам коммуникации верно истолковывать высказывание); эстетический (коннотация может быть связана с представлениями о прекрасном).

При исследовании коннотации необходимо учитывать ее национальную специфику. Для этого, по мнению В.А. Масловой, ее необходимо соотносить с культурным кодом [5]. М.Л. Ковшова отмечает, что «понятие коннотации применительно к теории художественной речи определялось в отношении её субъективности и аффективности в отличие от объективной, понятийно-логической функции денотации» [4, с. 20]. Коннотацию следует изучать, исходя из природы текста и читательской реакции на текст. При таком подходе сама сущность художественной речи видится в «разрушении денотативного кода» и в переходе к «коннотативному коду».

На наш взгляд, художественный текст предполагает единство денотативного и коннотативного кодов, так как в противном случае не была бы возможна коммуникация между автором и читателем и переводческая деятельность. При исследовании коннотации в художественном тексте наиболее важным становится выявление соотношения национально-специфического и индивидуально-авторского. Последовательный анализ коннотаций в этом случае позволит не только углубить понимание национальной языковой картины мира, но и классифицировать способы индивидуально-авторских трансформаций коннотаций и определить место данных явлений в идиостиле того или иного писателя.

Объектом для наблюдения при исследовании коннотаций, на наш взгляд, должны быть следующие элементы языковой системы:

- производные слова (*синий – синь*);
- переносные значения лексем (*Я покинул родимый дом / Голубую оставил Русь*. С.А. Есенин);
- метафоры (*На тёмно-голубом эфире / Златая плавала луна*. Г.Р. Державин);
- сравнения (*чёрный, как смоль*);
- символы (голубой цветок в эстетике романтизма);
- фразеологические единицы (*тоска зеленая*).

Нам также кажется, что стоит рассматривать и слова, употребляемые в прямом значении, которым могут быть присущи коннотации, что используется авторами художественных текстов (И.С. Тургенев «Бежин луг»: *Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман*).

Лингвокультурологическое изучение коннотаций цветообозначений на материале художественного текста требует создания специальной методики. Анализировать коннотации цветовых лексем в художественном тексте мы предлагаем следующим образом:

1. Обнаружение цветообозначений, толкование используемого в контексте ЛСВ с учетом диффузности его употребления.
2. Подсчёт количества употреблений.
3. Осмысление синтаксической и смысловой позиции коннотированного цветообозначения в художественном тексте.
4. Выявление тропического потенциала цветовых номинаций с учетом характеристики моделей, формирующих образ.
5. Анализ коннотации цветообозначений.

6. Характеристика использованных в тексте колоративов с позиций языковой картины мира.

7. Выявление индивидуально-авторской коннотации путем анализа системных связей колоративов в художественном контексте.

В.М. Жирмунский при сравнении классицистической и романтической эстетики отмечал, что в эпоху романтизма «вместо традиционного синего моря поэт увидел море розоватым или зелёным, вместо белого паруса в поэзии появился рыжий парус» [3, с. 359]. Но преодоление стереотипного восприятия, связывающего объекты с определёнными цветами, необязательно предполагает усиление живописности художественного произведения, что подтверждает анализ творчества Е.А. Баратынского. Иногда в научно-популярной литературе или публицистике можно встретить высказывания о живописности русской поэзии. Для подтверждения или опровержения данного мнения нужно исследовать гораздо большее количество текстов разных поэтов, но если говорить о Е.А. Баратынском, то можно отметить, что у поэта даже при описании природы практически отсутствуют цветочные эпитеты.

Мы рассмотрели произведения из полного собрания стихотворений Е.А. Баратынского, изданного в Ленинграде в 1989 году. Сначала мы выбирали слова, прямо называющие какой-либо цвет (частеречная принадлежность не учитывалась), и анализировали, присутствует ли в них коннотация. *Золотой* встречается 33 раза, *чёрный* – 10 раз, *седой* – 9 раз, *серебряный* – 9 раз, *лазоревого* – 8 раз, *голубой* – 5 раз, *синий* – 4 раза, *зелёный* – 5 раз, *белый* – 6 раз, *жёлтый* – 3 раза, *красный* – 2 раза, *пурпурный* – 5 раз, *багряный* – 2 раза, *розовый* – 2 раза, *свинцовый* – 1 раз, *янтарный* – 1 раз.

Исходя из статистических данных, можно сделать вывод, что цветочные прилагательные (как и слова других частей речи, называющие цвет) не являлись для поэта важным средством создания художественной выразительности. В его стихотворениях встречаются не прямые указания на цвет (лилия, лебедь, румянец, водопад, дубрава, трава и некоторые другие), но они также немногочисленны и не обладают ярко выраженными переносными значениями.

Для художественного мира Е.А. Баратынского было очень важно противопоставление тьмы и света, поэтому прилагательные *тёмный* и *светлый* встречаются практически в каждом его произведении, но их семантика связана, скорее, со светом, чем с цветом.

Цветочные прилагательные употребляются преимущественно в своём прямом значении, т. е. служат для названия какого-либо цвета (*краса черноокая, очами лазурными, руку белую, лебедь белоснежный, чёрные валы, на небе голубом, череп жёлтый*). Коннотации присутствуют только у прилагательных *золотой* и *седой*. *Седой* имеет коннотацию «мудрый, многое повидавший», *золотой* имеет не только традиционную коннотацию, связанную с богатством и властью, но и очень частотную для Баратынского коннотацию ушедшей молодости и утраченных иллюзий, которая реализуется в ключевом для поэта образе «златых снов». Данный образ формируется, на наш взгляд, под косвенным влиянием концепции божественного света, которая в византийской изобразительной традиции, сильно повлиявшей на русское искусство, имела в качестве визуального эквивалента золотой цвет.

Е.А. Баратынский не только практически не создаёт новых коннотаций для цветочных прилагательных, но и крайне ограниченно использует уже имеющиеся переносные значения.

Результаты проведённого исследования доказывают, как нам кажется, необходимость тщательного изучения механизмов формирования переносных значений у цветочных прилагательных, так как их тропический потенциал может реализовываться разными способами.

Литература:

1. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. 469 с.
2. Василевич А.П. Цветонаименования как характеристика языка писателя (к методике исследования) // Лингвистика текста и стилистика. Tartu: Тартуский государственный университет. 1981. 145 с.
3. Жирмунский В.М. К вопросу об эпитете // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 355–362.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 458 с.
5. Маслова В.А. К построению психолингвистической модели коннотации // Вопр. языкознания. 1989. № 1. С. 108–120.

Astakhova Yana A.

Ph.D.

yana_ast87@mail.ru

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

CONNOTATIONS OF COLOR TERMS AS A SOURCE OF FIGURATIVE MEANINGS IN POETIC TEXT

The article discusses and clarifies the methodology of determining the color adjectives connotations and analyzes the results of its application in the study of associative potential of color adjectives in E.A.Baratynsky's lyrics. This problem is relevant, since when studying color adjectives in fiction, the mechanisms of figurative meanings formation and the features of color adjectives connotations that are formed in a poetic text and create additional meanings are practically not investigated. It is a common opinion that color adjectives in a poetic text tend to be used in a figurative sense. Connotation analysis can serve as a research tool to confirm or refute this point of view.

Keywords: *connotation; color terms; semantics; E.A.Baratynsky; poetry.*

УДК 81'24

Балажин Балаж

balazsinbalu@student.elte.hu

*Университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия*

Вёрёш Каролина

voros.carol@gmail.com

*Университет им. Лоранда Этвеша
Будапешт, Венгрия*

НУЖНО ЛИ НАМ ЭТО? БУКВА Ё И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ

В данной статье буква Ё рассматривается с точки зрения истории и истории языка, включая фонетику. Отмечается, что влияет на формирование и изменения буквы Ё на протяжении времени. Показываются особенности буквы Ё и её употребления для изучающих русский язык как иностранный. Кроме этого, данная работа концентрируется на трудностях использования буквы Ё и даёт рекомендации в аудитории РКИ некоторые задания для изучающих русский как иностранный на начальном уровне. Упражнения, рекомендованные для использования в процессе изучения русского языка как иностранного, можно использовать в онлайн-обучении или

при очном обучении. Задача этой статьи заключается в том, чтобы повысить осведомлённость о необходимости употребления буквы Ё при обучении РКИ.

Ключевые слова: история языка; фонетика; буква Ё и её употребление; русский язык как иностранный; аудитория РКИ; упражнения для онлайн и очного обучения РКИ.

Вы когда-нибудь думали о том, почему в русском алфавите нужны две почти одинаковые буквы? Это буква Е и буква Ё, имеющая две точки над ней. Сама буква Ё нечасто встречается в русскоязычном письме, но играет важную роль для тех, кто изучает русский язык как иностранный. Давайте вместе рассмотрим особенности этой буквы и, может быть, найдем ответ на вопрос, заданный в заглавии.

Русский алфавит содержит 33 буквы. Буква Ё стоит на 7 месте, хотя это было так не всегда. В русский язык Ё вошла лишь в 1942 году. Но сначала давайте посмотрим, какие изменения произошли в XII–XIV вв. Благодаря фонетическому изменению, которое лингвисты называют «переход е в о», вместо звука [э] начали произносить звук, похожий на [о]. Конечно, это чередование произошло не во всех случаях, а только тогда, когда произнесённый ударный гласный находился после мягкого, но перед твёрдым согласным [5].

Несмотря на то, что уже с ранних веков этот звук произносили иначе, на письме знак Ю появился только в XVIII веке для обозначения сегодняшнего Ё. Возвращение Екатерины Романовны Дашковой в Российскую Империю во многом способствовало орфографическому появлению буквы Ё. Поскольку урожденная графиня Воронцова играла очень важную роль в жизни буквы Ё, давайте познакомимся и с ней. Екатерина Романовна Дашкова родилась в 1743 или 1744 году. Когда ей исполнилось 14 лет, она вышла замуж за М.И. Дашкова. Графиня Дашкова участвовала не только в перевороте 1762 года, но и в создании Российской академии наук в 1783 году. Она играла основную роль в жизни учреждения, так как стала его президентом. Словарь Академии Наук – первый толковый словарь, автором некоторых статей была княгиня Дашкова лично [2].

Первое заседание Академии состоялось 18 (29) ноября 1783 года. В ходе этого собрания Дашкова задала вопрос: «*Правомерно ли изображать один звук двумя буквами?*», намекая этим вопросом на то, что до тех пор фонема [jo] писалась двумя буквами – Ю. Екатерина Романовна именно в этот день предложила пользоваться новой графемой – Ё. Доводы княгини были настолько убедительны, что 18 ноября 1783 года буква Ё получила официальное признание [6]. В. М. Пахомов [5] в своей статье обращает внимание на тот факт, что в XIX–XX веках предлагались и другие буквы для обозначения сегодняшней Ё. В предложения входили такие буквы, как ѓ, ѐ, е, е̇, ё̇ и даже другие.

Пользуясь метафорой, можно сказать, что Екатерина Романовна Дашкова считается матерью буквы Ё. А папой можно считать великого деятеля эпохи сентиментализма Николая Михайловича Карамзина. Историк-литератор боролся за популяризацию буквы Ё, хотя первым автором, в книге которого встречается буква Ё, был не он, а Иван Иванович Дмитриев. Его книга «*И мои бездельники*» была издана в 1795 году, но не стала такой популярной [6]. Именно поэтому Карамзин считается отцом буквы Ё: в 1796 году под его редакцией вышел стихотворный сборник «*Аониды, или Собрание разных стихотворений*», благодаря которому Ё стала широко известной [6]. Однако мы должны обратить внимание и на то, что в своих научных работах Карамзин букву Ё не использовал [6].

В последующие столетия Ё не завоевала мир печатной прессы, потому что для технологии того времени было настоящим вызовом поставить две точки (умляют) над Е. С появлением пишущих машинок это проблема всё ещё была актуальной. Большим

неудобством, касающимся употребления буквы Ё в печати, было то, что на машинках просто не было такой клавиши. Об этом пишут в учебнике *«Методика преподавания машинописи»*: *«На клавиатурах большинства работающих в настоящее время в СССР пишущих машин нет буквы "ё"»* [5]. Машинисткам предлагали заменить данную букву нажатием трёх клавиш: буквы Е, возврата каретки и кавычек. Это занимало много времени, поэтому машинистки просто нажимали на Е, даже после появления Ё на клавиатуре пишущих машинок. Компьютерные технологии также не помогали распространять использование Ё, потому что на клавиатурах она занимала и сейчас занимает неудобное расположение [5].

Реформы 1918 года привели не только к политическим, культурным и социологическим изменениям, но и сыграли решающую роль в лингвистике: именно тогда буква Ё официально заняла седьмое место в русском алфавите. Из-за реформ букву *ять* вывели из алфавита, но Ё каким-то особым образом осталась. В 1942 году в жизни Ё произошла революционная перемена – её использование стало обязательным в школах благодаря народному комиссару посещения РСФСР Владимиру Петровичу Потёмкину. В издании Русского орфографического словаря 1956 года, который действует и до сих пор, повторяются слова 2-го издания *«Справочника по орфографии и пунктуации для работников печати»*, то есть употребление буквы Ё было необязательным, но рекомендованным в трёх случаях:

1) *«Когда необходимо предупредить неверное чтение слова, например: узнаём в отличие от узнаем; всё в отличие от все, ведро в отличие от ведро; совершённый (причастие) в отличие от совершенный (прилагательное).*

2) *Когда надо указать произношение малоизвестного слова, например: река Олёкма.*

3) *В словарях и орфографических справочниках, в учебниках для нерусских, в книгах для детей младшего школьного возраста и в других специальных видах литературы»* [5].

Очень важно отметить, что в полном академическом справочнике *«Правила русской орфографии и пунктуации»*, одобренном Орфографической комиссией РАН, зафиксировано, что *«употребление буквы ё может быть последовательным и выборочным»*:

«Последовательное употребление буквы ё обязательно в следующих разновидностях печатных текстов:

а) в текстах с последовательно поставленными знаками ударения;

б) в книгах, адресованных детям младшего возраста;

в) в учебных текстах для школьников младших классов и иностранцев, изучающих русский язык» [1].

В обычных текстах буква Ё употребляется выборочно, но в данных случаях рекомендуется её не избегать:

1. *Для предупреждения неправильного опознания слова, напр.: всё, нёбо, лётом, совершённый (в отличие соответственно от слов все, небо, летом, совершенный), в том числе для указания на место ударения в слове, напр.: ведро, узнаём (в отличие от ведрó, узнаём).*

2. *Для указания правильного произношения слова – либо редкого, недостаточно хорошо известного, либо имеющего распространенное неправильное произношение, напр.: гёзы, сёрфинг, флёр, твёрже, щёлочка, в том числе для указания правильного ударения, напр.: побасёнка, приведённый, унесённый, осуждённый, новорождённый, филёр.*

3. *В собственных именах – фамилиях, географических названиях, напр.: Конёнков, Неёлова, Катрин Денёв, Шрёдингер, Дежнёв, Кошелёв, Чебышёв, Вёшенская, Олёкма»* [1].

Нельзя не заметить, что современные трудности употребления буквы Ё можно разделить на две части сразу на начальном этапе обучения РКИ. Одним из сложных вопросов является проблема ударения. Слова, оканчивающиеся на *-ер* и на *-ёр*, например, репортёр и пионер, вызывают трудность среди изучающих русский язык как иностранный [7]. Большинство этих слов являются заимствованными из английского и французского языков. Обычно ударение французских слов падает на конец, а в английском языке оно старается падать ближе к началу слова. Те, кто начинает заниматься русским языком до того, как они уже изучали либо английский, либо французский, имеют больше шансов легко относиться к иноязычным словам с буквой Ё. Однако в преподавании русского как иностранного необходимо обратить внимание на тех студентов, у которых русский – первый иностранный язык. Интересно, что в заимствованных словах с буквой Ё, указывающих на действующее лицо, ударение стоит на последнем слоге, а именно, *шофёр, вахтёр, комбайнёр, партнёр* [7].

Второй трудностью являются имена и фамилии. Надо учесть, что приблизительно 3 % фамилий в современном русском языке имеет букву Ё. Приведем следующие примеры использования буквы Ё, в которых оно затруднительно для изучающих русский как иностранный на начальном уровне: Лёвин из «*Анны Карениной*» [8] и Ноздрёв из произведения «*Мёртвые души*» [3]. Конечно, эти примеры самые известные, но они хорошо показывают существующие трудности с употреблением буквы Ё в обучении русскому языку и русской культуре. Около 10 лет назад большое изменение, связанное с буквами Е и Ё, произошло в юридической практике. Сейчас у фамилий *Алёшкин, Панчёхин* существует только одна форма – форма с буквой Ё [7]. Однако, фамилии, содержащие О или Е после шипящих вызывают большую трудность, например «Борщёв и Борщов, Хрущёв и Хрущов, Плечёв и Плечов, Рыжёв и Рыжов» [4].

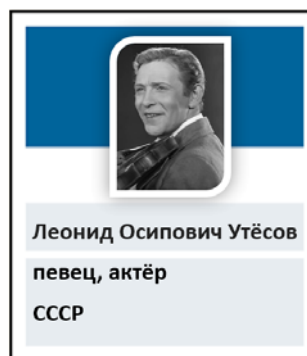
Как указано выше, современные трудности в употреблении буквы Ё разные. Можно встретиться с затруднениями в использовании данной буквы при написании фамилий и имён, а также при овладении иноязычными словами.

Предложим некоторые задания для того, чтобы попрактиковать букву Ё при изучении РКИ. Важно отметить, что следующие упражнения рекомендованы нами для использования на начальном уровне.

1. Напишите профиль известных русских людей, фамилии которых содержат букву Ё.

В Интернете можно найти подробную информацию об известных русских людях. Надо предложить школьникам, гимназистам создать и описать профиль этих людей таким образом, как будто они живут в наши дни. Пока студенты ищут информацию в Интернете, они обращают больше внимания на правильное произношение фамилий и имён, на ударение. Рекомендуем задание в форме домашнего задания или маленького языкового проекта.

Образец выполнения Задания 1

2. Напишите открытки с выражениями, содержащими буквы Ё, например «С днём рождения».

Никаких других материалов и ресурсов не нужно, кроме открыток, которые преподаватель показывает школьникам. В аудитории надо знать, когда у учащихся дни рождения; ученики могут нарисовать и подписать открытку от руки. При этом школьники практикуют не только чистописание, но и привыкают к выражениям, содержащим букву Ё.

Образец выполнения Задания 2

3. Анекдоты, сказки и скороговорки.

Изучающие русский как иностранный учат наизусть анекдоты, сказки и скороговорки (см. табл. 1). Потом они хором или самостоятельно перед группой рассказывают то, что выучили.

Таблица 1

Примеры анекдотов и скороговорок

Анекдот	Скороговорка
– Не стоит забывать про букву «Ё». – Почему? – Потому, что только от неё и зависит, передохнёте вы во время карантина или передохнете [10].	Бабушка Фёкла любила свёклу [9, с. 75].

Итак, буква Ё в русском языке играет значительную роль не только с точки зрения фонетики, истории, но и произношения заимствованных слов из английского и французского языков, оканчивающихся на *-er* и на *-ёр*. Более этого, преподавателю следует обратить внимание учащихся на букву Ё и трудности, связанные с овладением русским алфавитом. Повышенная осведомленность важна в аудиториях для более действенной помощи ученикам в овладении русским языком.

Литература:

1. Валгина Н.С., Еськова Н.А., Иванова О.Е., Кузьмина С.М., Лопатин В.В., Чельцова Л.К. Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Эксмо, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://cutt.ly/BbloBrD> (дата обращения: 15.04.2021.)

2. Галинская И.Л. Княгиня Екатерина Дашкова // Культурология. 2004. № 4 (31). С. 136–137 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=8817405> (дата обращения: 08.04.2021).
3. Гоголь Н.В. Мёртвые души [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/78/p.1/index.html> (дата обращения: 10.04.2021).
4. Еськова Н.А. Про букву ё // Наука и жизнь. 2000. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6983/> (дата обращения: 16.04.2021).
5. Пахомов В.М. Написание е вместо ё – грубая орфографическая ошибка. 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/class/istiny/istiny_7_jo/ (дата обращения: 01.05.2021).
6. Пчелов Е.В., Чумаков В.Т. Два века русской буквы Ё. М: Издательство «Народное образование», 2000. 248 с.
7. Самохвалова О. Проблемы употребления буквы Ё в современном русском языке. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2016/12/30/problemu-upotrebleniya-bukvy-yo-v-sovremennom-russkom> (дата обращения: 16.04.2021).
8. Толстой Л.Н. Анна Каренина [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1099/index.html> (дата обращения: 11.04.2021).
9. Oszipova I. Кто там? Budapest: Műszaki könyvkiadó, 2020. 136 с.
10. RuAnekdot.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://ruanekdot.ru/> (дата обращения: 16.04.2021).

Balazsin Balázs
balazsinbalu@student.elte.hu
 Eötvös Loránd University
 Budapest, Hungary

Vörös Karolina
voros.carol@gmail.co
 Eötvös Loránd University
 Budapest, Hungary

DO WE NEED IT? LETTER Ё AND ITS FEATURES

In the following article “Ё” letter is being analyzed by the aspect of history and language history, including phonetics. We are observing the effects “Ё” letter had on its formation and changes over the history. We are showing the features of “Ё” letter and its usage for the learners of Russian as a foreign language. In addition, this work focuses on the difficulties of “Ё” letter usage and recommends some exercises for the learners of Russian as a foreign language at an elementary level. The exercises, which are designed for the beginners among Russian as a foreign language learners, can be used both during online or face-to-face lessons. The purpose of this article is to raise awareness of need to use “Ё” letter in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: *language history; phonetics; letter “ё” and its usage; Russian as a foreign language; Russian as a foreign language learners; exercises for online and in-person lessons of Russian as a foreign language.*

Иванова Ольга Валерьевна

кандидат филологических наук

olga-ivanova225@rambler.ru

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СОЗДАНИЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ: К 800-ЛЕТИЮ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

В статье представлены фрагменты лингвокультурологического словаря имен собственных Нижегородской области. Имена собственные как лингвистические единицы обладают значимым национально-культурным компонентом в своей семантике. В нижегородских именах собственных отразилась богатая история и культура этого края, неразрывно связанная с историей и культурой России. Однако топонимы и антропонимы в русском языке вызывают трудности в аспекте культуры речи. Цель словаря – представление полной информации о нижегородских именах собственных, включающей данные по культуре речи. В словаре имена собственные разбиты на тематические группы. В пределах каждой тематической группы топонимы и антропонимы классифицируются по своим лингвистическим признакам. На примере статей словаря имен собственных Нижнего Новгорода и Нижегородской области предлагается структура статьи, включающая краткую информацию о значении слова (словосочетания), анализ его морфемной структуры, информацию о грамматических признаках, парадигму склонения, перечень возможных синтаксических ролей, этимологическую справку, исторические сведения, иллюстративный материал (фотографии, рисунки). Выявляется основной принцип построения статьи лингвокультурологического словаря имен собственных – необходимость сочетания лингвистической информации о слове (словосочетании) и культурно-исторической – об объекте, который назван именем собственным. Данный лингвокультурологический словарь предназначен для студентов, изучающих русский язык как родной и иностранный. Словарь будет полезным для нижегородцев, интересующихся родным русским языком, а также для гостей города.

Ключевые слова: *лингвокультурологический словарь; Нижний Новгород; Нижегородская область; имена собственные; топонимы; антропонимы; тематические группы; культура речи; структура словарной статьи.*

Целью исследования является создание словаря имен собственных Нижегородской области. Имена собственные – одни из самых интересных лексико-грамматических единиц языка. Как лингвистические единицы имена собственные обладают значительным национально-культурным компонентом в своей семантике. Однако топонимы и антропонимы в русском языке вызывают трудности в произношении, образовании грамматических форм и употреблении. Решить эту проблему поможет данный словарь-справочник.

Необходимость обращения к указанной проблематике вызвана отсутствием подобных изданий. В лингвострановедческие и лингвокультурологические словари включаются имена собственные, отражающие национально-культурные реалии, однако словарные статьи таких книг не содержат достаточной информации по культуре речи. Труды по ономастике предназначены для специалистов-филологов. Кроме того, в данных словарях не всегда представляется возможным получить полную информацию об употреблении имен собственных в современной русской речи.

Год основания Нижнего Новгорода – 1221. Нижегородская область – крупнейший регион Центральной России, который имеет богатую историю и культуру, отличается уникальными природными объектами, местными промыслами и традициями. На территории Нижегородского Кремля, Нижнего Новгорода и прилегающих территориях происходили события общерусского значения.

Создание словаря имеет цель помочь студентам, изучающим русский язык как родной и иностранный, в усвоении имён собственных Нижегородской области. Данное справочное издание может быть, несомненно, интересно для тех нижегородцев, кто интересуется родным русским языком, историей и культурой Нижегородского края. К информации об именах собственных будут обращаться также гости нашего города

В словаре имена собственные разбиты на несколько тематических групп: названия городов, названия городов на -о, названия сел, названия улиц и переулков Нижнего Новгорода, названия знаменитых мест города, названия рек, озёр, а также фамилии. В пределах каждой тематической группы имена собственные систематизируются по своим языковым особенностям. Так, среди названий улиц выделены наименования, выраженные субстантивированными прилагательными (*Ошарская*), существительными женского рода (*Стрелка*), существительным мужского рода (*Балчуг*), а также названия – словосочетания (*Большая Печерская*) [1, с. 30].

При отборе единиц словаря мы основывались не только на научной информации об именах собственных, но и на результатах опроса, проведённого среди нижегородцев. Именно по результатам эксперимента были включены в словарь такие единицы, как: *Кстово* (город), *Сормово* (район города), *Ромодановский вокзал*, *братья Баташевы*, *Анненкова-Гебель Полина* и другие имена собственные [1, с. 31].

Стоит отметить, что в составлении словарной статьи лингвострановедческих словарей нет единого принципа и выглядят они по-разному. Как и в любом лексикографическом издании статьи нашего словаря построены единообразно и состоят из следующих зон: толкование имени собственного, синонимы (если есть), трудности в образовании грамматических форм и употреблении в современном русском языке, этимология данной языковой единицы, а также историческая и культурная информация об объекте, обозначенном тем или иным именем собственным. Лингвистические особенности некоторых имен собственных делают необходимым введение орфографической зоны. В этой зоне представлено объяснение сложных случаев правописания имен собственных (село Спас-Седчено, улица Верхнепечёрская слобода/Верхне-Печёрская слобода, Печёрский монастырь/Печорский монастырь и др.). Словарные статьи сопровождаются фотографиями объектов описания и портретами знаменитых нижегородцев. В каждой статье присутствует указание на источники лингвистической и культурологической информации [2, с. 23].

В качестве примера представим две статьи из нашего словаря. Заглавные единицы статей относятся к разным лексическим и грамматическим типам: название улицы – одиночное сущ. муж. рода и фамилия иноязычного происхождения.

Ба́лчуг – улица в историческом центре Нижнего Новгорода (см. рис. 1).

Основа – *балчуг*, корень – *балчуг*, окончание – нулевое.

Имя существительное, мужской род.

Название этой улицы, употребляемое без имени нарицательного, склоняется. При употреблении со словом *улица* такие названия обычно не склоняются, если имеют форму мужского рода (ср. улица *Арбат* в Москве, улица *Крещатик* в Киеве) [3, с. 285].

И. п. Балчуг; улица Балчуг

Р. п. Балчуга; улицы Балчуг

Д. п. Балчуге; улице Балчуг

В. п. Балчуг; улицу Балчуг

Т. п. Балчугом; улицей Балчуг

П. п. (на, о) Балчуге; (на, об) улице Балчуг

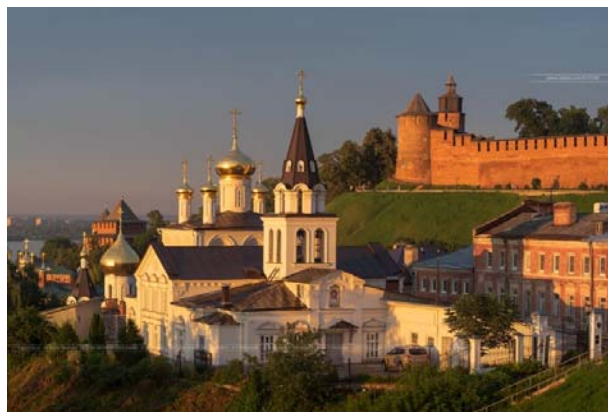

Рис. 1. Исторический центр Нижнего Новгорода, улица Балчуг

В предложении может являться:

- подлежащим: *«Балчуг создавался по плану Нижнего Новгорода 1881 г.»*;
- дополнением: *«Завсегдатаями Балчуга были представители бедных слоев»*;
- обстоятельством: *«В Балчуге, по мнению некоторых исследователей, провел первые годы жизни Алеша Пешков»*;
- приложением: *«Раньше на улице Балчуг часто устраивали ярмарки»*.

По поводу происхождения слова *балчуг* есть разные версии: 1) слово тюркского происхождения, где *балчык* – ‘грязь, болото, трясина, влажная земля, глина’; 2) исконно славянское, связанное со словом *балка* – ‘овраг’. При определении происхождения стоит учитывать, что в Нижнем Новгороде это название было связано с оврагом, а именно – нижней частью Почаинского оврага (см. рис. 2). Во многих населенных пунктах России также присутствует такое географическое название. Так, одна из старинных улиц в Москве – улица Балчуг [4, с. 118].

Рис. 2. Улица Балчуг в Нижнем Новгороде. XIX век

Вторая статья. **Даль Владимир Иванович** (10 [22] ноября 1801 – 22 сентября [4 октября] 1872) – русский писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач. Наибольшую славу принёс ему «Толковый словарь живого великорусского языка», на составление которого ушло 53 года.

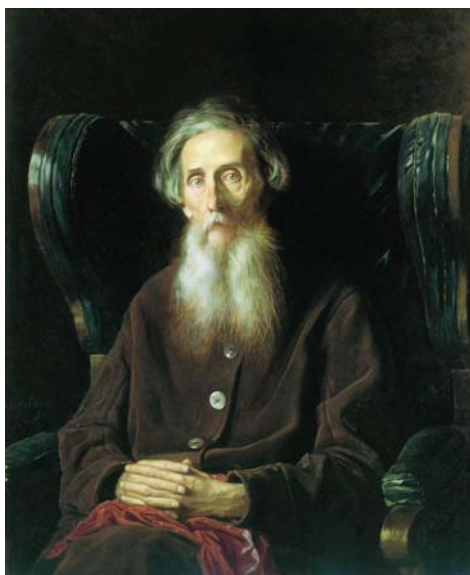

Рис. 3. В.И. Даль. Портрет работы В.Г. Перова (1872 г.)

Имя собственное, мужской род, единственное число, 2 склонение.

Иноязычные фамилии, оканчивающиеся на согласный звук, склоняются, если относятся к мужчинам, и не склоняются, если относятся к женщинам (см. табл. 1).

Иноязычные фамилии, относящиеся к двум или нескольким лицам, в одних случаях ставятся в форме множественного числа, в других – в форме единственного (см. табл. 1), а именно:

- если фамилия сопровождается мужским и женским именами, то она сохраняет форму единственного числа;
- если при фамилии имеются два мужских имени, то она ставится в форме множественного числа [3, с. 189–192].

Таблица 1

Склонение фамилии Даль

Падеж	Мужской род	Женский род	Муж. род+Жен. род	Муж. род+Муж. род
И. п.	Владимир Даль	Екатерина Даль	Владимир и Екатерина Даль	Владимир и Лев Дали
Р. п.	Владимира Даля	Екатерины Даль	Владимира и Екатерины Даль	Владимира и Льва Далей
Д. п.	Владимиру Далю	Екатерине Даль	Владимиру и Екатерине Даль	Владимиру и Льву Далям
В. п.	Владимира Даля	Екатерину Даль	Владимира и Екатерину Даль	Владимира и Льва Даля
Т. п.	Владимиром Далем	Екатериной Даль	Владимиром и Екатериной Даль	Владимиром и Львом Далем
П. п.	о Владимире Дале	о Екатерине Даль	о Владимире и Екатерине Даль	о Владимире и Льве Дале

В предложении может являться:

- подлежащим: «Владимир Иванович Даль – русский писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач;

- дополнением: «Далю и многое дано, и владеет он своим талантом мастерски» (И.С. Тургенев), «Мы говорим о Дале как о человеке, который делом показал и доказал любовь к России как писатель» (В.Г. Белинский);
- несогласованным определением: «В 2019 году в Оренбурге, на Советской улице был открыт бронзовый памятник толковому словарю В.И. Даля».

Этимологический словарь указывает: даль – «далекое место» (разг.); «далекое пространство, видимое глазом». В русском языке XI–XVII вв. есть слова *издали*, *вдаль*. Слово праславянского происхождения. Ближайшие соответствия: лит. *tolì* «далеко» и особенно *tolis* «даль» [5, с. 207]

Отцом В. Даля был обрусевший датчанин Йохан (Иоганн) Христиан Даль. Фамилия Даль встречается в Германии, Норвегии, Дании, Швеции и других местах, где есть выходцы из этих стран. Она является немецкой по происхождению.

Может восходить к именованию человека по топографии места происхождения и быть образованной от средненижнемецкого *dal* (среднениемецкий – это один из германских языков, бытовавший на севере Европы в XII–XVII вв.). В современном немецком ему соответствует *Tal* – «долина».

На северо-западе Германии часто встречаются топонимы *Dahl*, *Dahle*. Соответственно, у некоторых носителей фамилии Даль она может восходить к этим топонимам.

Немецкие ономасты приводят еще одну из возможных этимологий фамилии Даль. В зоне немецко-славянских контактов она может восходить к краткой форме славянских личных имен Далимир, Далибор и подобных. В этих именах первый компонент, с которым как раз может быть связана фамилия Даль, восходит к праславянскому слову, означающему «дальше».

В 1849 году Владимир Иванович Даль был назначен управляющим Нижегородской удельной конторой, ведавшей делами 40 тысяч государственных крестьян. Служба на этом посту в течение 10 лет предоставила ему возможность собирать и наблюдать разнообразный этнографический материал. Именно в Нижнем была завершена многолетняя работа Даля по собиранию русских пословиц. Обработку толкового словаря Даль довёл в Нижнем Новгороде до буквы «П». В Нижнем Новгороде на улице Большая Печерская сохранилось здание удельной конторы, где служил Даль. Нижегородцы установили здесь памятную доску (см. рис. 4).

Рис. 4. Памятная доска В.И. Даля в Нижнем Новгороде

«Толковый словарь живого великорусского языка» – явление исключительное. Другого такого труда лексикография не знает. Словарь содержит около 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок, помогающих понять толкование слов. В словарь включена лексика устной и письменной речи позапрошлого века, фразеология

и терминология различных ремесел и профессий. Книга В. Даля помогает получить информацию не только о словах, но и о быте, поверьях тех мест, где они зародились.

В 1868 году после выхода в свет «Толкового словаря» Владимир Даль был избран членом Академии наук.

И в наши дни к словарю Даля обращаются не только лингвисты и филологи, но и каждый человек, интересующийся русским языком.

Литература:

1. Иванова О.В. Материалы к созданию словаря нижегородских имен собственных в аспекте культуры речи // Филология и культура. 2019. № 4 (58). С. 30–37.
2. Иванова О.В. Материалы к словарю нижегородских имен собственных: вопрос о структуре словарной статьи // Вестник Нижегородского государственного лингвистического ун-та. 2020. № 4 (52). С. 20–38.
3. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати. М.: Книга, 1989. 320 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 573 с.
5. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

Ivanova Olga Valerievna
Candidate of Philology Science
olga-ivanova225@rambler.ru
Nizhniy Novgorod State Linguistic University
Nizhniy Novgorod, Russia

NEW MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF PROPER NOUNS: TO THE 800TH ANNIVERSARY OF NIZHNIY NOVGOROD

The article presents fragments of Lingvoculturological Dictionary of Proper Nouns of Nizhniy Novgorod region. Proper names as linguistic units have a significant national and cultural component in their semantics. Proper nouns of Nizhniy Novgorod origin reflect rich history and culture of the region that is inseparably associated with history and culture of Russia. However, Russian toponyms and anthroponyms present problems in the context of standard of speech. The purpose of the dictionary is to provide complete information about proper names of Nizhniy Novgorod, including the information on the culture of speech. In the dictionary proper names are divided into thematic groups. Within each thematic group, toponyms and anthroponyms are classified according to their linguistic characteristics. We included two articles from the dictionary with information about the meaning of the word, an analysis of its morphemic structure, comment on grammatical peculiarities, the declension paradigm, a list of possible syntactic roles, etymology, historical information, and illustrative materials (photographs, drawings). The main constructing principle of an article of a linguistic-cultural dictionary of proper names is revealed – the need to combine linguistic information about a word (combination) and cultural-historical information about an object that has a proper name. Students who study Russian as a native and foreign language may use this culture-oriented linguistic dictionary. The dictionary will be valuable for Nizhniy Novgorod natives, who are interested in mother language and for tourists.

Keywords: *lingvoculturological dictionary; Nizhniy Novgorod; Nizhniy Novgorod region; proper nouns; toponyms; anthroponyms; thematic groups; standard of speech; the structure of the dictionary article.*

УДК 811.161.1

Магочи Нина Рудольфовна
Ph.D.

nyina.magocsi@uni-corvinus.hu
Будапештский университет Корвинус
Будапешт, Венгрия

Варга Эва Каталин
Ph.D.

varga.eva_katalin@semmelweis-univ.hu
Университет им. Семмельвейса
Будапешт, Венгрия

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА НОМИНАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Деньги с момента их появления стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, выполняя функцию платежного средства, мерила стоимости и ценностности. В качестве денег на протяжении веков использовались различные товары, драгоценные металлы, банкноты. С развитием банковско-финансовых учреждений деньги, играя роль всеобщего эквивалента, начали функционировать посредством различных финансовых операций и банковских счетов. Изучение истории лексической номинации денежных единиц дает достоверную картину экономических процессов и отношений каждой эпохи. Данный слой лексики многие исследователи не относят к терминам, поскольку номинирующая денежные единицы лексика обозначает понятия как профессиональной коммуникации в экономической сфере, так и повседневного общения представителей того или иного социума.

В нашей работе мы представим обзор процесса наименования российских денежных единиц в контексте процессов российской истории и экономики. На основе этимологического и лингвокультурологического анализа с учетом аспектов истории экономики и культуры мы рассмотрим группы наименований денежных единиц в соответствии с происхождением и мотивацией наименования (например, товар, материал, метод производства, соотношение части и целого, цвет, число, изображение, географическое название, заимствования и т. д.) в контексте истории денег в России вплоть до появления национальной денежной единицы.

Ключевые слова: *номинация российских денежных единиц; внеязыковые факторы; историко-культурологический фон; этимология; лингвокультурный анализ.*

Введение

Деньги с момента их возникновения стали частью нашей повседневной жизни как мера стоимости, как средство оборота и оплаты, как инструмент казначейства. На протяжении веков функцию денег выполняли различные товары, драгоценные металлы, банкноты до тех пор, пока не появились банки как институты управления деньгами. Названия денежных единиц обычно не классифицируются как экономические термины [3], поскольку деньги также являются частью повседневного речевого общения данного сообщества. Однако, с другой стороны, деньги можно рассматривать как терминологический состав языка специальности «торговля и финансы».

В нашем исследовании мы представляем мотивацию наименования российских денежных единиц с момента их возникновения и до наших дней. Происхождение каждого названия той или иной денежной единицы восходит к самым разнообразным

образам и реалиям, в том числе к названиям материалов (например, *червонец*), мерам веса (например, *гривна*, сегодняшняя украинская валюта, предшественницей которой являлась древнерусская *гривна*) или числительным (например, *алтын*). Некоторые номинации денежных единиц возникали на основе изображенного на деньгах рисунка (например, *копейка*) [17, с. 197]. Как мотивацию к номинации денег мы также рассматриваем древнерусские названия пушных зверей (например, *куна*, *векиша*). Наше исследование основывается на междисциплинарном подходе. Мы опираемся на результаты исследований по истории банковского дела и финансов, экономики и археологии с учетом возможностей изменения материала денег или мотивации процесса их наименования.

Предлагаемая периодизация процесса названия русских денежных единиц

Происхождение наименования денежных единиц тесно связано с историей экономических процессов и торговых отношений в данной стране, а также с изменениями роли и концепции денег. Опираясь на исследования А.Г. Худокормова и В.В. Дроздова [10], мы выделили следующие периоды в развитии российских денежных единиц:

1. Период древнерусских денег:
 - а) период до основания государства (до IX века);
 - б) эпоха единого древнерусского государства (с IX века до начала XII века);
 - в) «эпоха без денег» (с начала XII века до первой половины XIV века);
 - г) эпоха Великого княжества Московского (с первой половины XIV века до первой половины XVI века).
2. Период формирования современной денежной системы:
 - а) период единого царства (с первой половины XVI века до начала XVIII века);
 - б) период Российской империи (с начала XVIII века до 1917 года);
 - в) советский период (с 1922 года до 1991 года);
 - г) новейший период (с 1991 года).

Товарные деньги

Одним из древнейших способов торгового обмена между народами, занимавшимися животноводством, несомненно, был скот. Слово *rescūia*, означающее на латыни 'деньги', является производным от *rescus* 'скот'. В Лаврентьевской летописи XII века, хранящей текст «Повести временных лет» с описаниями событий 1018 года, монеты куна и гривна называются «скотом». Слово *скот* все еще было в употреблении в то время, хотя его производные *скотница* 'казна' и *скотник* 'охранник денег, казначей' были уже архаичными. Аналогичное развитие значения прослеживается и в венгерском *aranymarha* – буквально 'золотой скот', то есть 'изготовленные из золота ценности' [4].

Другим орудием торгового обмена между занимавшимися рыболовством и охотой народами с древних времен был ценный мех животных, использовавшийся в качестве денег. Во времена Римской империи на территории Паннонии налог взимался с выделанных шкур пушных зверей, позже при королях династии Арпадов он назывался *marturina* 'куница' (от лат. *Martus* 'куница'), а в Славонии – *куновина* (от *куна* 'куница') [17, с. 204]. Согласно «Повести временных лет», русичи платили первый налог иностранным завоевателям мехами животных. Такова была *куна* – 'ценный мех различных мелких хищников (например, куницы, горностая, соболя, лисы)', ср. современное русское *куница* – 'заячий мех; кроличий мех, воротник из кроличьего меха', *куниться*, *выкуниться* – 'линять/окончить линьку' [4]. Официальная валюта Хорватии – *куна*, что первоначально означает 'куница'. Данное название хранит память о налоге на меха: сначала налог нужно было платить натурой, то есть мехом, позже –

деньгами, поэтому и было заимствовано название денег от слова *куница*. В гербе Славонии также запечатлен пушной зверь [16].

Использование меха в качестве меновой ценности наряду с монетами оставалось на территории Руси до XII века. Русское числительное *сорок* в XII веке означало ‘связка из 40 штук меховых шкурок’, а в XVII веке – ‘4 связки по десять соболиных шкурок’ [4]. Одно из объяснений происхождения венгерского глагола *fizet* «платить» связано с глаголом *fűz*, то есть ‘связывать в пучок’: во время покупки товаров цена могла быть уравновешена путем связки выделанных шкурок пушных зверей [15, с. 927].

Таким образом, пушнина, хотя со временем она была вытеснена монетами, долгое время функционировала как средство обмена. *Куна* означала ‘цельный мех’, *ногата* означала ‘мех, отделанный вместе с лапками’, *резана* – ‘кусочек меха, вырезанный из куны или ногаты’. Слово *куна* долгое время сохраняло первоначальное значение «мех», как об этом свидетельствует следующий отрывок из проповеди великопостных слов: «Золото и серебро, зарытые в землю, подвержены ржавчине; куны вместе с портами подвержены изъядению моли» [4]. Что касается соотношения ценностей, то 1 гривна равнялась 20 ногатам, 25 кунам или 50 резанам. По данным «Русской правды», самой мелкой платежной единицей была не резана, а *векша* – ‘беличий мех’. Мы располагаем сведениями о соотношении стоимости денежных единиц только от XV века, когда 1 ногата стоила 30 векш [4]. В те времена в ходу была и мелкая монета под названием *веверица*, также означающим ‘белка, беличий мех’, которая была сейчас уже неизвестной стоимостной составной частью векши [4]. Упомянутая в «Повести временных лет» как внутреннее платежное средство *веверица*, означающее ‘белка, беличий мех’, встречается в источниках только в XIII веке [14, с. 30]. В рассматриваемое семантическое поле входит и единица древней новгородской денежной системы – *мортка* (или *мордка*), первоначальное значение которой было ‘мордочка куницы или белки’. В XII веке 2 ногаты стоили 3 мортки [10, с. 17].

Денежные номинации некоторых финно-угорских языков сохраняют мотивацию ‘белка’, например, вогульское слово в значении ‘рубль’ буквально означает ‘сто белок; белка’, а в значении ‘копейка’ – ‘белка’, как у черемисов и коми-зырян; удмуртские деньги стоимостью в десять копеек буквально означают ‘35 белок’, а две копейки – ‘7 белок’. Первоначальное название финских денег *raha* – ‘беличья шкурка’ – заимствовано из германского языка в значении ‘шкура животного’ [17, с. 204]. Во всех этих примерах хорошо прослеживается перенос значения ‘кожа, шкура животных (в основном, белок)’ → ‘деньги, используемые для оплаты’.

Древние русские деньги

До момента основания древнерусского государства использовались византийские, арабские и западные деньги. В VII–IX вв. в обращении были византийские *милиаренсии*, *номизмы* и *солиды*, к концу VIII века появились серебряные *дирхемы* (от греч. *drachma*) арабских султанов и иранских шахов, так называемые куфические монеты, а затем в IX–X веках – западные золотые *динары* (от лат. *denarius*). С X века в Киевской Руси начали чеканить собственные серебряные монеты, внешне напоминающие византийские деньги. В конце X века по приказу Владимира Мономаха были введены золотая монета – *златник* и серебряная монета – *сребреник* [10, с. 26]. На дошедших до наших времен деньгах сохранились имя и изображение Владимира, с надписью «Владимир на столе» вокруг изображения, а на обратной стороне монет «А се его сребро» [4].

В Новгороде и Киеве в X веке появилась ‘гривна’ – высшая единица денежно-весовой системы Руси. Слово *гривна* является производным от общеславянского *грива* ‘шея’ (современный русский язык: ‘длинные волосы, покрывающие шею лошади’),

которое восходит к тому же индоевропейскому корню, что и слова *горло* и *гортань* [13, с. 217]. Толковые словари дают следующие значения слова *гривна*: ‘ожерелье из серебра или золота’ [6]; ‘ожерелье, носимое на шее или на груди как украшение или как знак отличия’ [8]; ‘крупная серебряная монета, вероятно, также носимая на шее’ [2, с. 350]. Как и все деньги, начиная с античных времен, гривна выполняла весовую и счетную функции. Древнейшее весовое значение гривны было 68,22 г серебра. С XII века на территории Руси пользовались двумя разновидностями гривны: *новгородская гривна* (северная) имела продолговатую форму и весила около 200 г, *киевская* (южная) *гривна* была слитком серебра 160 г шестиугольной формы. Слиток серебра – *гривна серебра*, бывший основой северной денежной системы, исчезает в конце XIII в. и заменяется новой крупной денежной единицей – рублем [10, с. 16].

XII–XIV столетия называют «безмонетной эпохой», но некоторые исследователи оспаривают, действительно ли древние русичи вернулись к использованию кожи и меха в качестве платежного средства. Л.В. Косинов [5; 10, с. 27] считает, что названия древних русских денег восходят к арабским словам, которые были созвучны с названиями более ранних монет и снова стали мотивированными для славян. Таким образом, *куна* была иностранной монетой, происхождение ее названия можно возвести к арабскому слову ‘икона, образ’. Согласно другой этимологической концепции, это название происходит от латинского слова *cuneus* ‘кованый, сделанный из металла’ [12, с. 66]. *Ногата* – это древнерусское название куфического серебряного *дирхема*, которое, по словам Л.В. Косинова, восходит к арабскому слову *накд* ‘наличные деньги, звонкая монета’ (от *накд* – ‘полноценная отборная монета’ (в отличие от монеты меньшей стоимости), *накада* ‘сортировать деньги’). *Резана* – это не отрезанный кусок цельного меха, а составная часть *дирхема*, и ее название происходит от арабского глагола *разана* ‘прикидывать вес на руке’. *Бель*, *бела*, *беля* – это не ‘белка’, а ветхие иностранные деньги. Предполагается, это заимствование произошло от арабского *беля* ‘изнашиваться, ветшать’. Что касается наименования монеты *векиша*, то возможно, что это была выпущенная на рубеже XII–XIII веков новая монета с более низким содержанием серебра, и ее название восходит к арабскому глаголу *вакаса* ‘обесценивать’. *Веверица* – иностранная медная мелкая монета, получившая название от сочетания арабских слов *баа* ‘возвращается’ и *раца* ‘в обращении’. *Мортка/мордка* – название византийских денег, представлявшее собой словосочетание в обратном арабском прочтении византийского *гот* (от *Рим*) ‘византийский’ и арабского *ктъ / кдъ* ‘монета’, что буквально означает ‘византийская монета’ [5].

Название *гривна* Л.В. Косинов также объясняет как заимствование из арабского, утверждая, что это название произошло от обратного прочтения слова *вирг* ‘серебро’. Второй элемент часто встречающегося в источниках словосочетания *гривна серебра*, означающего ‘слиток серебра’, происходит от арабского слова *сараб* ‘лить, литься’, а *гривна кун* означает ‘определенная сумма отчеканенных денег’ и восходит к арабскому глаголу *каввана* ‘образовывать, составлять’. Согласно этому подходу, *гривна серебра* была единицей измерения веса, а *гривна кун* – денежной единицей [5]. Не занимая позиции в отношении этой проблематики, отметим, что с учетом формы и размера гривны, было бы определенно более приемлемым объяснять происхождение названия от значения ‘слиток серебра’, чем от древнерусского *грива* ‘шея’.

Формирование современной денежной системы

На рубеже XIV–XV веков древнерусские деньги были заменены новыми. На территории России чеканка монет началась в начале 1380-х годов одновременно в нескольких городах [7, с. 167–169]. Общим названием серебряных монет было слово *денга*, происходящее от названия *дирхема* Золотой Орды, слова *dang*, но этимологические корни *денга* возводятся к китайскому слову *tengse* ‘баланс’. *Денга*, позднее *деньга*, использовалась как денежная единица до 1917 года, форма

множественного числа ‘деньги’ до сих пор в русском языке является наименованием ценностно-расчетных единиц [17, с. 200]. Следует упомянуть еще одно название денежной единицы татарского происхождения, название которой сохранилось в речи до сих пор – это *алтын*. Происхождение слова *алтын*, впервые упомянутого в 1375 году, объясняется двояко: либо он означал ‘золото’, из которого изготавливали деньги [11, с. 386], либо числительное ‘шесть’ в связи со своей номинальной стоимостью – 6 денег в XVI веке.

Рубль имеет более чем 700-летнюю историю, он является второй старейшей национальной денежной единицей после британского фунта стерлингов. Название *рубль* впервые появляется в Новгородской берестяной грамоте XIII века в значении ‘серебряный слиток’ и фигурирует как денежная единица в тексте договора с Новгородом от 1317 года [10, с. 16]. Объясняется происхождение слова *рубль* несколькими способами. Согласно самому старому объяснению, относящемуся к XVIII веку, название происходит от глагола *рубить* < *рубити*, в соответствии с которым так называли полуразбитую гривну. Согласно более новой версии, на рубеже XIII–XIV веков на смену новгородской гривне продолговатой формы пришел более короткий («рубленный») слиток. Позднее этот слиток был назван новгородским рублем, который содержал меньше серебра (170 граммов), чем его предшественник, 200-граммовая новгородская гривна. Согласно последнему объяснению, слово *рубль* может происходить не от глагола *рубить*, а от древнерусского *рубь* ‘кайма, шов’: в XIII–XIV столетиях новгородские слитки изготавливались в два приема и несли на себе характерный шов (*рубец, рубь*) [12, с. 74; 10, с. 16].

В результате денежной реформы, проведенной Еленой Глинской в 1535 году, была введена единая валюта, получившая название *денга*. Чтобы упростить использование повседневных денег, были выпущены полувесные деньги, называемые *полушками* (от *пол* ‘половина’). На *новгородках*, то есть на новгородских деньгах, было изображение всадника с копьем, поэтому *копейка* была названа от слова *копье*. На московских монетах, *московках*, по аналогии с новгородскими деньгами, в руках всадника была сабля, так денежные единицы получили название *сабляница*. 1 копейка стоила две московки [7, с. 167–169]. На протяжении XVI–XVII веков была утверждена *копейка* как название сотой части рубля, в то время существовавшая только как расчетная единица, а двухсотая часть рубля называлась *денга*. Первая рублевая монета была выпущена в 1654 году. Это была русская чеканка западноевропейского талера и назвалась *ефимок*. Своим названием *ефимок* обязан *иоахимсталеру* – монете, отчеканенной в Йоахимстале [10, с. 22]. На *ефимках* была надпись «рубль» и изображен двуглавый орел.

С 1654 по 1838 гг. медные монеты стоимостью в две копейки, а с 1838 по 1917 гг. медные монеты достоинством в полкопейки назывались *грош*.

Денежная реформа Петра Великого была завершена к 1704 году, к тому времени были сформированы названия русских денежных единиц. Золотую монету называли *червонец* ‘красный’ из-за красноватого цвета меди, примешиваемой к слитку. *Рубль, полтина, полуполтина, гривенник, 5 копеек (10 денег)* и *алтын* были серебряными монетами; *копейка, денга* и *полушка* – медными монетами. Россия была первой страной в Европе, которая ввела десятичную денежную систему. Тогда рубль стал называться *целковым* (от *целый*), то есть одной монетой, 1 рубль стоил 100 медных копеек [12, с. 104–106]. Первые бумажные деньги, *ассигнации*, были введены в 1768 году номиналом 25, 50, 75 и 100 рублей.

Чтобы затруднить подделку денег, бумажным купюрам с конца XVIII века придавали различный цвет. 5 рублей стали синими, 10 рублей – красными, а 100 рублей – желтыми. Эта традиция сохранилась до XX века. В 1810 году Россия перешла на денежную систему, основанную на серебряном стандарте, с надписями на серебряных монетах, которые точно указывали, сколько граммов чистого серебра

содержится в денежной единице. С 1840 года появились настоящие бумажные ссудные деньги, покрытые серебром: *серебряный рубль* был эквивалентен 18 граммам чистого серебра. Чтобы сохранить стабильность, в 1897 году перешли на золотой стандарт. С 1922 года советские власти выпускали позолоченные деньги под названием *червонец*, которые находились в обращении вместе с рублем до денежной реформы 1947 года [9]. Рубль оставался валютой Российской Федерации даже после распада Советского Союза и денежной реформы 1993 года. Его разменная единица, копейка, сохранилась до наших дней, несмотря на превратности российской истории и инфляцию. Копейка 1997 года с изображением Георгия Победоносца была почти абсолютной копией копейки 1535 года [1].

Выводы

В нашей работе мы проследили процесс номинации российских денежных единиц. Некоторые названия (как, например, у меховых денег) стали забытыми в русском языке, но мотивы их номинации можно обнаружить в названиях денежных единиц финно-угорских народов. Названия других денежных единиц (например, *грош*, *алтын*), бывших в обращении ближе к нашей эпохе, часто встречаются в пословицах и даже в современном сленге.

Целью нашего исследования была попытка проследить мотивацию номинации российских денежных единиц. Поиск мотивов продемонстрировал, что для решения данного вопроса необходимо учитывать внеязыковые данные и факторы, особенно важными оказываются знания о торговых отношениях и о материальной культуре. Очевидно, что выявить истинные мотивы номинации является сложной задачей, однако в нашей работе мы постарались представить обзор возможных объяснений исследуемого процесса.

Литература:

1. Банк России. Монеты [Электронный ресурс]. URL: www.cbr.ru/cash_circulation/coins/1k/ (дата обращения: 15.07.2021).
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1–4. М.: В типографии А. Семена, 1863.
3. Карпухина М.Н. Лексико-семантические процессы в русской терминологии денежно-товарного обращения: Автореф. дис. д-ра филол. наук, М., 2007. 45 с.
4. Ключевский В.О. Терминология русской истории, 1904 [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/kljuchewskij_w_o/text_0360.shtml (дата обращения: 15.07.2021).
5. Косинов Л.В. Про деньги, белок и куниц, но в основном про деньги. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciteclibrary.ru/texts/rus/stat/st4889.pdf> (дата обращения: 15.07.2021).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Изд. 21-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1989. 924 с.
7. Рогачевская М.А., Новикова И.А. Из истории рубля // Ретроспектива. 2009. № 4. С. 160–169.
8. Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
9. Филиппов А. О чем говорят деньги и какие события истории они сохраняют [Электронный ресурс]. URL: tass.ru/obschestvo/5950870. (дата обращения: 15.07.2021).
10. Худокормов А.Г., Дроздов В.В. Деньги и денежное обращение в России в допетровский период // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2018. № 4 (30). С. 7–32.

11. Цыбденова Б.Ж. Формирование и развитие лексико-семантической группы «деньги» (денежные наименования) в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 384–386.
12. Цысь В.В. История денег и денежного обращения в России: Учеб. пособие. Часть 1. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012.
13. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Изд-во «Русский язык», 1999.
14. Balogh L., Kovács Sz. (szerk.) Régmúlt idők elbeszélése. A Kijevi Rusz első krónikája. Budapest: Balassi Kiadó, 2015.
15. Benkő L. (szerk.) A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára I. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967.
16. Honnan vannak a pénznevek? [Электронный ресурс]. URL: www.nyest.hu/hirek/honnan-vannak-a-penznevek (дата обращения: 15.07.2021).
17. Maticsák S.A mókusbörtől a rubelig. A pénzfajták megnevezése a mordvinban // Folia Uralica Denreceniensia 23. 2016. С. 187–209.

Mágocsi Nyina Rudolfovna

Ph.D.

nyina.magocsi@uni-corvinus.hu

Corvinus University of Budapest

Budapest, Hungary

Varga Éva Katalin

Ph.D.

varga.eva_katalin@semmelweis-univ.hu

Semmelweis University

Budapest, Hungary

THE NOMINATION OF RUSSIAN CURRENCY UNITS

Money has been a part of life ever since it came into being. It serves as a measure of value, a circulating medium, a payer, and a mean of hoarding. For long centuries, its function has been replaced by various goods, precious metals and banknotes until recently when money in account was introduced. The study of currency units nomination provides a true picture of economic processes and networks in different ages. Although, basically, names of currency units are not considered to be a part of Russian for Specific Purposes for Business and Economy, we can still regard them as the terminologised lexis of goods and cash flow, as they are incorporated in a total of everyday lexical units used by a given community. In our paper, we offer a list of the nomination of Russian currency units, juxtaposed to facts and processes in Russian history and economy.

An analytical enumeration of aspects of etymology, historical semantics, economic history and cultural history constitutes a basis for drawing up a potential classification of currency denominations according to names and motivations (e.g. goods, material, processing technology, partonomy, i.e. part and whole relations, colour, number, depiction, geographical names, loanwords and international words, etc.) and the periods of Russian money history are presented until the establishment of national currency.

Keywords: *nomination of Russian monetary units; extra-linguistic factors; historical and cultural background; etymology; linguocultural analysis.*

Маринова Елена Вячеславовна

доктор филологических наук

marinova@list.ru

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Нижний Новгород, Россия

ORCID: 0000-0003-3860-5606

ЛЕКСИКА ИТ-СФЕРЫ В ФУНКЦИИ ОБРАЗНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА)

В статье анализируется образная функция лексики ИТ-сферы в художественном дискурсе. В настоящее время лексика этой сферы играет важнейшую роль в формировании языка «другой» реальности – виртуальной, которая для современного человека – пользователя Сети становится нередко не менее значимой, чем когда-то единственная реальность – так называемая «Действительность №1». В этом отношении лексика ИТ-сферы обладает мощным семантическим потенциалом, который используют современные писатели в разных художественных целях. Наибольший интерес представляет функция концептуализации действительности (как реальной, так и виртуальной): именно в этой функции авторам удаётся передать своеобразие глубинных, ментальных процессов, происходящих в современном мире в цифровую эпоху. Средствами образной концептуализации действительности становятся антропоморфная и антропоцентрическая метафоры. В случае с антропоморфной метафорой слово ИТ-сферы именуется какую-либо реалию виртуального пространства, которой в процессе образного осмысления приписываются черты живого существа (модель персонификации): умница Вики, услужливый фейсбук, Интернет умолкает. С помощью антропоцентрической метафоры создаётся образ современного человека, уподобляемого в художественном сознании автора гаджету, компьютерной программе, коду. Слово ИТ-сферы используется, в отличие от антропоморфной метафоры, в переносном значении: ассемблер души, прокачать сознание, логины и пароли крови. Реализация метафорической модели «Компьютер → Человек» позволяет обозначить характерные для информационного общества негативные явления и последствия: манипуляция сознанием, отсутствие критического мышления по отношению к информации, социальный инфантилизм.

Исследование строится на основе общего, филологического анализа и частного, лингвистического анализа художественного текста (всего проанализировано около 60 произведений) и представляет собой часть отдельного исследования автора, посвящённого формированию лексики Рунета в современном русском языке и выполненного в рамках функциональной социолингвистики.

Ключевые слова: лексика ИТ-сферы; образная концептуализация; антропоморфная метафора; антропоцентрическая метафора; метафора кода; персонификация.

К постановке проблемы. Отчётливо осознаваемая общая черта языковых средств, обслуживающих сферу ИТ, – наличие семы **‘имеющий отношение к виртуальному пространству, существующий в нём’** – выделяет их и в каком-то смысле противопоставляет остальным языковым подсистемам. Не случайно лексика ИТ-сферы оказывается сейчас востребованной в словесном творчестве: писатели всё чаще

обращаются к её семантическому потенциалу в поисках средств выражения новых смыслов. В ходе нашего исследования, проведённого на материале текстов 60 литературных произведений разных направлений и жанров, установлены основные функции этого лексического пласта в художественном дискурсе. К ним относятся номинативная, образная, игровая, конструктивная и метаязыковая.

Так, **номинативная** функция реализуется при обозначении реалий виртуального пространства, гаджетов и т. п., в том числе как объектов авторской рефлексии. См.: *Сеть* – как усилитель. Увеличительное стекло. ...идеи растворения и обезличивания реализуются в *Сети* очень легко. Но ведь так же усиливается и все прочее, будь то культ личности или разные психические заболевания (Мерси Шелли¹ «Паутина», 2002). **Образная** функция проявляется в процессе создания словесных образов других предметных областей, см.: [Комары] вишибаются в нас с размаху, как будто являются собой самую отдельную, самую злую, самую бессмысленную *соцсеть* (Захар Прилепин «Имя рек», 2020). Нередко слова IT-сферы используются в **игровой** функции, в особенности если слово в системе языка полисемично, как например, *паутина*, *сеть*, *игра*, *иконка*, *тролль* – в этом случае эффект строится на обыгрывании многозначности: ...из-за ошибки получилась не то чтобы полезная *сеть*, как оросительная или там рыболовная. А какая-то другая получилась, неверная. Паучинная, что ли (Мерси Шелли «Паутина», 2002). Можно отметить также **конструктивную** функцию лексики IT-сферы, служащей базой для индивидуально-авторских неологизмов (*гуглообразный*, *гугловоды*, *тролlepодобный*, *вебель* и др.), и, наконец, **метаязыковую** функцию: *И аспирант вовсе не случайно написал Сеть с большой буквы... Назвать его просто сетью, как ничего не значащее переплетение кабелей в банке или учреждении, означало бы отнять у Интернета мистическое очарование чего-то, что объединяет вне зависимости от любых разделений...* (Януш Вишневский «Одиночество в Сети», 2010).

Остановимся подробнее на двух функциях: номинативной и образной². Анализ словоупотреблений (всего более 3000) показывает, что именно в этих функциях слово исследуемой лексической группы используется современными писателями **в составе метафоры**. Устойчиво повторяющиеся в текстах разных авторов семантические типы метафор отражают, на наш взгляд, концептуализацию современной действительности – как в её естественном «варианте» (Действительность № 1), так и в цифровом (виртуальная реальность). Такими типами являются антропоцентрическая и антропоморфная метафоры. В более обобщённом виде выдвинутые положения представлены ниже (см. табл. 1).

Таблица 1

Лексика IT-сферы как средство образной концептуализации мира

	Антропоморфная метафора (персонификация)	Антропоцентрическая метафора
Объект концептуализации	Виртуальная действительность	Действительность № 1
Предметная область образа	Интернет	Человек
Способ участия слова IT-сферы (роль в составе метафоры)	Слово именуется объект образного осмысления (объект метафоры)	Слово является средством метафоры
Основная функция	Номинативная	Образная
Примеры	<i>умница Вики</i> <i>услужливый фейсбук</i> <i>Интернет</i> умолкает	<i>ассемблер души</i> <i>прокачать сознание</i> <i>логины и пароли крови</i>

¹ Псевдоним Алексея Андреева.

² О других функциях лексики Рунета мы пишем в [5].

Образ Интернета (персонификация). О своеобразном восприятии Интернета и некоторых его реалий как одушевлённого, живого существа свидетельствуют многочисленные метафоры-олицетворения (*Интернет умолкает; сожительство с экранной иллюзией; ДНК соцсетей* и др.); реже – эпитеты (*умница Вики, услужливый фейсбук, скупой на рекламу сайт*). Нередко общий контекст предложения или фрагмента произведения также выражает эту идею, например: *Захотелось под чай послушать [песню] целиком, а не телефонный обрывок. Нашёл в Ютубе. Плэй... Попросил у поисковика перевести на русский* (Дмитрий Глуховский «Текст», 2017).

Признаки и действия живого существа приписываются, во-первых, самому Интернету и его «ипостаси» – Сети; во-вторых, различным интернет-услугам и программам. Так, объектом персонификации становятся поисковые системы, социальные сети, мессенджеры; программное обеспечение (браузер и др.), места расположения контента (сайт, страница) и т. п. – всё то, с чем пользователь непосредственно имеет дело, подключаясь к Интернету. При этом, обычно имплицитно, выражается отношение персонажа/рассказчика к этому феномену – либо вполне нейтральное или даже одобрительное и восхищённое, либо отрицательное или как минимум осторожное. В первом случае (нейтральная или положительная оценка) Интернет – в сознании героя – представляется, судя по семантике и коннотации тропов, *собеседником, помощником, проводником, экспертом*¹. См.:

‘собеседник’: *Вообще-то у меня есть такая привычка – временами **обращаться к интернету** с дурацкими вопросами. Например, когда будет тепло? (Андрей Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); Я же отправился к компьютеру, чтобы узнать, что **думает** по этому поводу Яндекс (Александр Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); Желающие узнать, что **говорит** Яндекс, могут повторить мои поиски по ключевым словам... (там же); «Согласен с мнением моей жены», – **говорит** страница Валерия (Татьяна Шахматова «Унесённые блогосферой», 2017); Вот бы судьбу можно было так **простраивать**: в точку А **вбить** текущую позицию, в точку Б – к чему хотел бы прийти. И Яндекс тебе **рассказывает**...* (Дмитрий Глуховский «Текст»);

‘помощник, проводник, эксперт’: *Интернет сам **вёл** его от одного слова к другому, **выдавал** адреса, **тыкал пальцем**. Если сам чего-то не **знал**, то тактично **умолкал** или упорно, до тошноты **показывал** одни и те же сайты (Ольга Токарчук «Бегуны», 2018); Ссылка **вела** на закрытую страничку (Алексей Иванов «Комьюнити», 2012); Ссылка **вывела** Глеба на какой-то русскоязычный туристический сайт (там же); **Умница Вики** точно и с блеском **вписывает** контент в контекст (там же); Реальность – это то, что вы считаете реальностью. А что считать реальностью, вам **подсказывает** «ДиКСи» (портал. – Е. М.), **поставщик** информации о мире <...> «ДиКСи» – ваш личный **повар** (там же); Сеть щедро **поделится** ссылками на научные журналы (Татьяна Шахматова «Унесённые блогосферой»); Интересно здесь не то, что **услужливый** фейсбук **вспоминает** (выбирает, что вспомнить и что забыть) вместо меня, за меня, – а то, что **текучесть, незавершённость** вроде как **вменяется в обязанность**... (Мария Степанова «Памяти памяти», 2018).*

Часто такими помощниками становятся для героев поисковые системы (поисковики, «искалки»). Например: *Поисковик «ДиКСи» **сообщал**, что самый большой крест Калитниковского кладбища – на могиле схимонахини Ольги (Алексей Иванов «Комьюнити»); «ДиКСи» сам **искал** то, что увлечёт клиента (там же); Поисковик и маршрут **построил**, и время примерное **рассчитал** (Дмитрий Глуховский «Текст», 2017); За десять минут до времени будет там: так поисковик **рассчитал** (там же).*

¹ Для сознания «простого» пользователя – друг, товарищ [4, с. 82].

Отрицательное отношение к Интернету, в том числе настороженное, связано с представлением об Интернете как недобросовестном исполнителе (плохом помощнике), обманщике, а также как некой потусторонней сущности, выступающей по отношению к человеку в роли постоянного внешнего наблюдателя («закранного надзирателя», «Смотрящего», по Виктору Пелевину¹) или всемогущего божества и т. п. См.:

‘недобросовестный, некомпетентный исполнитель’: *На этот раз искалка опять ошиблась. Поняв, на чём **ошибается** здешняя поисковая система, я уже мог предсказать, что в следующих новостях она тоже **обманулась*** (Мерси Шелли «Паутина»); *Искалка **выдала** мне всякую ерунду* (Андрей Матвеев «Любовь для начинающих пользователей»); *Немного пошуршав, поисковик **выбрасывает** около полутора тысяч ссылок на документы, содержащие слово «Симба»* (там же); *Мне уже известно, а сети нет* (Виктор Пелевин «iPhuck 10», 2017); *Но разве ж Яндекс скажет? Ничего Инет ей не сказал* (Никита Балашов «Zelda. Книга о новых героях», 2010); ... *делаю поиск по словам «Кавказ» и «тур». В смысле, «маршрут», «поход». А гугл **выдал** животное* (Виктор Пелевин «Иакинф», 2019)²;

‘обманщик’: *Нечто подобное случилось и в моих отношениях с Сетью. Я понял, что к ней тоже не стоит приклеиваться. Выработка иммунитета против траффической лихорадки, синдрома гестбукера, «мёртвой памяти» и еще нескольких сетевых болезней – все эти маленькие победы я вовремя записал на свой счёт, пока Сеть была еще не столь **искусна**, чтобы **обмануть** меня* (Мерси Шелли «Паутина»); *Приложения **давили на жалость, притворялись** умирающими тамагочи* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *Могила на Калитниках – подделка. Она оказалась не собственно текстом, а ссылкой на другие тексты. Ссылка **сбросила** нас туда – и дезактивировалась. Закрылась дверь, исчез проход* (Алексей Иванов «Комьюнити»). См. также предикативную метафору, прямо выражающую отношение к Интернету и его «реальности»: *Интернет – **обманщик**. Он столько всего обещает: выполнить твоё задание, найти потерянное; задача – действие – награда. Но, в сущности, это не более чем **приманка**, потому что ты моментально впадаешь в транс и гипноз. Очень скоро тропинки начинают расходиться, двоиться, множиться* (Ольга Токарчук «Бегуны»);

‘потусторонняя сущность’: ...*все ушли в Сеть. Она **отняла** у нас звёзды, профессор. А Вы ей **молитесь**..!* (Мерси Шелли «Паутина»); *Мы исчезли из **поля зрения** Сети, как исчезает с экрана радара упавший самолет* (Александр Житинский «Flashmob!»); ... *система – это светящийся экран на расстоянии шестидесяти сантиметров от глаз. С которым мы трахаемся, советуемся и интересуемся, какие для нас сегодня будут новости... Мы думаем, что экраном управляем мы, а на другую половину спецслужбы, но на самом деле сам экран уже давно **управляет** и нами, и спецслужбами* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); *Он (язык QRDL. – Е. М.) начинался как совокупность фильтров и «чёрных списков» для изоляции от сетевой рекламы, шпионских ботов и прочих **активных** информационных **сущностей**, которые в последнее время так и **норовили** без спроса просочиться в компы всего мира* (Мерси Шелли «Паутина»).

¹ См., напр.: Цукербрин... это термин, появившийся впервые в десятых годах двадцать первого века. Он... означал некоего метафорического Смотрящего – как бы заэкранного надзирателя, глядящего на пользователя сквозь тайно включённую камеру планшета или компьютера... (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014).

² В одном из эссе своей книги «Заклятие Сатаны. Хроники текучего общества» (2018) Умберто Эко сравнивает Интернет с героем рассказа Борхеса «Фунес памятливым», который всё помнит, но, как пишет Эко, «полный идиот»: *Интернет подобен Фунесу... не способен отбирать и выбрасывать ненужное.*

Следует обратить внимание на то, что степень «образной свежести» различна в приведённых выше контекстах. Ср., к примеру: *Интернет выдал и Интернет тыкал пальцем*. Безусловно, ряд метафор-олицетворений имеет узуальный характер и существует в сознании носителей языка как естественный речевой образ. Так, во фразе *Окошко снова молчит, не обновляется*¹ глагол использован в своём вторичном значении, зафиксированном словарями («не действовать, не работать, не издавать никаких звуков (об устройствах, музыкальных инструментах и т. п.)» [2]). Однако новым (или, во всяком случае, непривычным) оказывается сочетаемость: в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) фраза *окошко молчит* не обнаружена; единичный случай – *окно молчало*. Однако именно в таких стёртых, **языковых метафорах** и закрепляется «привычка к персонификации» (Йохана Хёйзинга) окружающего мира, так называемый антропоморфный взгляд на предметы, на бытие.

В то же время персонификация может быть **намеренным приёмом** автора. Например, та же языковая метафора во фразе: *Машина (о компьютере. – Е. М.) не хочет со мной сотрудничать, она чётко знает, что должна получить пароль, пароля нет, поэтому она молчит* (Умберто Эко «Маятник Фуко», 1988) встраивается уже в цельную картину своеобразного поединка человека и машины, диалога между ними (см. далее: *Как будто говорит мне: «Подумай только, всё, что ты хочешь знать, находится здесь, в моём нутре, но ты рой, рой, старый крот, всё равно ничего не получишь»*).

В нашем материале приём персонификации организует как отдельные фрагменты разных текстов², так и целые произведения, в которых признаки живого существа приписываются какому-либо гаджету – компьютеру, ноутбуку, сотовому телефону. Так, выход из строя технического устройства ассоциируется со смертью: *Она достала мобильник и поняла, что тот безвозвратно мертв. Лишенная души тушка, комочком мертвой плоти лежащая на ладони* (Андрей Матвеев «Третий знак киберкалипсиса», 2004); *...Кеша положил пискнувший очередной смертью айфончик на стол, встал и открыл окно* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам») – или серьёзной болезнью, например, в «черепе» компьютера, как в рассказе Виктора Пелевина «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь 117.DIR» (1996 г.): *...под пластмассовым черепом компьютера уже случилось несколько обширных электронных инсультов*. Один из героев рассказа, мэр города Петроплавовского Ванюков рассматривал свой компьютер как вполне одушевлённое существо. Такое отношение к компьютеру со стороны Ванюкова и обыгрывается писателем по ходу сюжета: *Некоторых жителей города сумасшедший компьютер мэра заставил испытать приятные эмоции; и т. п.*

В романе А. Матвеева «Любовь для начинающих пользователей» также отчётливо сформулирована мысль о том, что компьютер для героев, веб-дизайнера Симбы и её племянника-подростка, начинающего пользователя, – живое существо, обитатель дома, который может *жить своей жизнью (ворчать, недовольно хрюкать, подавать голос, ревновать и т. д.)*. Герои, в особенности Симба, постоянно отслеживают «эмоциональное» состояние компьютера, проводя время за поиском важной для них информации: *Скорее всего, в письме содержался вирус, и компьютеру это не понравилось... Компьютер заворчал громче, будто ему делали больно, а он сопротивлялся. Или терпел, как Симба терпела в кресле зубного врача...; Я собираюсь прочесть сетевой дневник Симбы, а компьютер не хочет, чтобы я его читал; Письмо*

¹ Дмитрий Бавильский «Нодельма» (2004): – *Привет-привет, ты куда пропал? Окошко снова молчит, не обновляется...*

² См., напр.: *У них был когда-то старенький компьютер, и когда он перегревался, то выключался сам. И минут двадцать его невозможно было запустить. Стоял и не реагировал... Мама сначала ругалась, а потом стала относиться к нему как к живому, соглашалась: «Да-да, отдохни, старичок»* (Роман Сенчин «Чего вы хотите?», 2013).

болталось на экране, письмо, вызвавшее ревность компьютера. Симба задаётся вопросом: *Есть ли у компьютера сердце?* А сам автор, обыгрывая термин информатики *память*, пишет и о сердце: *Симбе нравилось смотреть, как элемент на экране бесследно исчезает: был и – нету! Исчезает не только с экрана – из **памяти** компьютера, из его **сердца**.* (Ср. в этом же семантическом поле: метафора *компьютерный мозг* – у Мерси Шелли; *заглядывать кластеру в душу* – у Виктора Пелевина).

Вполне правдоподобно выглядят диалоги Симбы со своим компьютером: А) *Симба посмотрела на приаттаченный файл и решила его открыть. – Может, не надо? – спросил компьютер;* Б) *Симба улыбнулась компьютеру и высунула язык. – Нравлюсь? – спросила она. Компьютер ничего не ответил, лишь скорбно вздохнул. – Дурак, – сказала Симба, – ничего ты не понимаешь в женщинах... Компьютер мрачно засопел, и Симба опять состроила ему рожицу.* В научной литературе анализировались как подобные диалоги, так и сами причины, побуждающие человека к общению с «молчащими объектами» [3; 7]. Примечательно, что в художественном мире, создаваемом писателями, «молчащим» нередко становится человек. Так организован, к примеру, рассказ В. Пелевина «Акико» (2003). Построен он необычно: по сути, это монолог неодушевлённого предмета, сетевого продукта, а именно порносайта «Акико». Точнее форму рассказа можно определить как неявный диалог, где парадоксально поменялись ролями *машина* и *человек*: последний (о его присутствии мы догадываемся по словесной «реакции» приложения «Акико») становится молчащим объектом, подобно предмету, а *машина* – говорящим субъектом, манипулирующим своим пользователем.

Какими ещё чертами наделяется современный человек – пользователь в художественном восприятии авторов литературных произведений?

Образ современного человека. Обращаясь к основному предмету изображения в словесном творчестве – человеку, писатели активно используют лексику IT-сферы как источник тропов, причём объектами антропоцентрических¹ номинаций становятся: внешний вид человека, включая анатомические особенности; духовная и эмоциональная сфера; процесс жизни с момента рождения и, наконец, сам человек как феномен земной цивилизации и «продукт» цивилизации современной. Покажем это на примерах:

Мозг: *«Мозг человека – лучший **компьютер**»* (Мерси Шелли «Паутина»); *...так уж был устроен проклятый человеческий мозг. Этот перелатанный **биокомпьютер**... невозможно было переделать* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); *Обычно ярость прочищала Симбе мозги, и они начинали шуршать **со скоростью последнего «Пентиума»*** (Андрей Матвеев «Любовь для начинающих пользователей»); *...среди **внутримозговых приложений** не осталось ни одной левой **софтинки**, и все большие жизненные выборы давно сделаны за них (современных девушек. – Е. М.) этим самым **смартфоном**...* (Виктор Пелевин «Искусство лёгких касаний», 2019).

Кровь: *Кровь содержит только шифры и коды, которые позволяют считывать сведения, имеющие отношение к данному человеку. Грубая аналогия – это **удаленный сетевой доступ**. Дегустируя чужую красную жидкость, мы получаем все **логины и пароли*** (Виктор Пелевин «Бэтман Аполло», 2013).

Руки: *У городских **гаджеты** вместо рук (о неспособности заниматься физическим трудом)* (Алексей Синяев «Взломанный [Блог Экста]», 2018).

Душа: *Ассемблер чужой души при близком рассмотрении редко выглядит привлекательно* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам») – ср. ассемблер ‘язык программирования; код’.

¹ Мы опираемся на понятие антропоцентрической метафоры, изложенное в [6, с. 108–109].

Сознание: Любой человек **инсталлирует** скачанные из сети программы на свой **девайс** с большой осторожностью. А их ведь можно **стереть**. В крайнем случае можно выбросить девайс и купить новый. Но на главный **диск** у себя в голове, который не поменять до смерти, человек доверчиво ставит что попало (Виктор Пелевин «iPhuck 10»); ...более удачливые предшественники навсегда **хакнули** их головы (о критиках. – Е. М.) (там же); **Фейстоп** (авторское слово; ср. **desktop**. – Е. М.) – это было то же самое, что ум. **Ум** – то же, что **фейстоп**. ...сам Кеша [был] его хозяином, жильцом и рисунком на обоях... И теперь он загружался вместе с приложениями, постепенно впуская в себя реальность и становясь ею (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); Неужели это та самая свобода, к которой я бежал, с пулеметной частотой захлопывая за собой двери? Или это «темная сторона» моего Робина (сетевое имя рассказчика. – Е. М.), который **взламывал** и **декодировал** мировоззрение других людей так же быстро, как свое собственное – и потому постоянно приходил к пустоте? (Мерси Шелли «Паутина»); Вероломство (о предательстве. – Е. М.) – это когда тебя по-настоящему **взломали**, как ломают хакеры защищенный аккаунт (Татьяна Шахматова «Унесенные блогосферой») – ср. название пьесы Алексея Синяева «Взломанный [Блог Экста]», где **взломанный** – слово компьютерной сферы и в то же время метафора измененного мировоззрения главного героя.

Эмоциональное состояние: Я завис между словом и делом, как зависает между командами старая **Винда** (Татьяна Шахматова «Удар отточенным пером», 2017); У двух разных пользователей адреса одинаковые. Бред полный. И машина сообщает: **конфликт адресов**. У меня в мозгах сейчас именно такой **конфликт** (Андрей Матвеев «Любовь для начинающих пользователей»).

Улыбка, смех: Вверху **смайл**... (о человеке) (Виктор Пелевин «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре», 2005); За столом раздался **электронный смех**; ... **электронно** засмеялся Кедаев (Виктор Пелевин «Бэтман Аполло»).

Внешний облик: На той презентации Джобс был высушен онкологией, выглядел **оцифрованным** (Алексей Иванов «Комьюнити»); Что она (татуировка. – Е. М.) обозначает, поинтересовался Илья? Это кью-ар код, объяснила Нина. Мне вместо крестика... <...> Встречался бы с какой-нибудь девушкой – поджарой, стрижка каре, загар, а там, где люди крестик вешают, **кью-ар код** (Дмитрий Глуховский «Текст»).

Вот таким предстаёт обобщённый портрет Человека, если собрать воедино отдельные штрихи. Вместо рук – гаджеты, вместо крестика – кью-ар код, улыбка на лице интерпретируется как графический значок электронной речи, под кожей – компьютерный интерфейс. Человеку приписываются черты технических устройств (например, мозг – компьютер, девайс, диск). См. также развёрнутую метафору этого типа: Человеческая самка, с его (Кешиной. – Е. М.) точки зрения, была **чем-то** вроде **3D-принтера**, на котором **печатают** новых людей. Поэтому, хоть её голова и напоминала внешнее мужество, в ней стояла совсем особая **операционка** и **софт**, и ни на что другое места уже не оставалось (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»).

Если человек – устройство, значит, устройство можно взломать, «хакнуть». Грубое вмешательство в сознание личности, манипулирование им, видимость свободы и воли человека – эти всегда интересовавшие писателей и учёных идеи в эпоху Интернета реализуются с помощью метафоры кода, программирования, «цифры». Отсюда такие образы, как **ассемблер души**, **логины** и **пароли** крови, **декодирование** мировоззрения, **оцифрованный** (выглядеть **оцифрованным** – у Алексея Иванова, **оцифрованный человек**), **цифровой** (герой одноимённого романа Марины и Сергея Дяченко), **баги** человеческой природы.

Из субъекта, индивида человек превращается в объект – набор кодов, которым можно управлять помимо воли самого носителя. Идеология кода, на которой выстраивается фундамент цифровой культуры, распространяется и на понимание человека. См.: *Все эти люди, свернутые в строчки цифр и букв, превращенные в несколько байт архиватором. Где они все, почему я так давно не пользовался этими кодами, открывающими целые миры? Почему я сам свернулся в своей ракушке, в этой маленькой «@» своего электронного адреса?* (Мерси Шелли «Паутина»); *Человек ведь тоже приходит... просто как информационный слепок, то есть двусторонний поток кода...* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); *...мы все – совокупность сигналов и метадаты* (там же); *...он* (Кеша. – Е. М.) *просто завиток кода* (там же); *Есть только скрипты, послушно обрабатывающие одну строчку кода за другой* (о людях; там же); *Ты стал просто исполняемым оператором. И все люди тоже* (там же). В этом же ключе интерпретируются рождение человека, его существование, судьба, смерть. Ср.: *Человек рождается чистой флешкой* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); *[После смерти] мы оставляем за собой пенный след метадаты* (там же); *Художник будущего будет писать человеческие жизни. А потом предлагать – или заставлять других пережить во сне созданный им скрипт, превращая его в полноценный чувственный опыт* (там же); *Арсена убили, он возродился. Жизнь, испорченный файл* (Марина и Сергей Дяченко «Цифровой, или Brevis est», 2009); *Судьба – сюжет, а её смысл – гипертекст* (Алексей Иванов «Комьюнити»); *Электронные импульсы, проносящиеся по полупроводниковому миру, определяют человеческую судьбу* (Виктор Пелевин «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь 117.DIR»).

В творчестве некоторых писателей, например В. Пелевина, идея программируемого сознания, в которое, как на флешку или диск, можно закачивать любой требующийся «системе» контент, последовательно воплощается во множестве сходных словесных образов на базе глаголов *закачать*, *прокачать* и т. д. Например: *Каждый день через тебя прокачивают контекстную рекламу <...> затаённая ненависть к системе – тоже часть прокачиваемого контента* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); *Ты есть то, что прокачивают сквозь тебя цукербрины <...> тебя самого закачивают по проводам вместе с контекстной рекламой* (там же); *Философские тренажёры не воспитывают ум. Они его искривляют. Когда голову развивают подобным образом, в неё закачивают софт, который немедленно начинает участвовать в каждой вашей «встрече с бытием». И, закачав это софт, назад вы его уже не откачаете* (Виктор Пелевин «iPhuck 10»); *...весь мейнстримный софт – ...инструмент власти истеблишмента, закачанный вам под кожу. То есть даже не закачанный, нет. Доверчиво установленный вами* (там же). И подобная вариация этой темы – уподобление человека игровому персонажу, уподобление жизни – компьютерной игре: *Но [как] заключать договор с существом, которое пользуется человеческим телом как игровым персонажем?* (Марина и Сергей Дяченко «Цифровой»); *Может, мы и сами – такая же компьютерная симуляция, которая есть только до тех пор, пока какой-то компьютерный хулиган держит нас в кадре. А когда кадр передвинется, мы просто исчезаем, как машины из «GTA»* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); *Проще всего объяснить мирное сосуществование свободной воли и предопределения на примере консольной игры: весь её сюжет, все катсцены и заключительная анимация уже прописаны на установочном диске* (там же).

Образ современного человека, несомненно, вызывает у писателей опасение: погружение в виртуальный мир, зависимость как от него, так и от модных гаджетов, неспособность ценить «реал» – эти качества героя-пользователя (героя-юзера) получают в литературных произведениях, особенно в антиутопиях и социальной фантастике, отчётливо негативную оценку, реализуемую в резких, неожиданных

метафорах: *Человек – это его айфон* (Алексей Иванов «Комьюнити») – ср. название манифеста Джарона Ланира «Вы не гаджет» (2009 г.); *После миллениума нет человека, есть сумма ресурсов и технологий* (там же); *Мы сами и есть инстаграм и фейсбук, мы заповедные рощи, темные аллеи, треки и скоростные спуски – измерения, куда путешествуют высшие и непостижимые для нас сущности* (Виктор Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); *Юзеры сходились и расходились, притягивались и отталкивались, сгущались вдруг в длинные хвосты тредов...* (Александр Житинский «Flashmob!»); *Сотни тысяч, миллионы юзеров в виде светящихся точек, шариков, звёзд и планет закружились передо мною, как виртуальная Галактика* (там же); *У меня дома две приставки, подумал он* (Арсен о родителях. – Е. М.) *с ужасом. К телевизору и ноутбуку* (Марина и Сергей Дяченко «Цифровой»); *Я ведь виртуальна. Как ангел. Ангелы тоже виртуальны* (Януш Вишневский «Одиночество в Сети») и др. Окружающая реальность глазами пользователя, «живущего в Сети», видится картинкой на мониторе (ср.: в XX в. пейзаж за окном воспринимался поэтами как живописное полотно в раме, произведение искусства¹). См.: *Подвал и мерцающие экраны, на которых плавали, меняясь, пузыри и квадраты скринсейверов, низкий бетонный потолок, ограждение, за которым скучал админ, приоткрытая дверь в комнату-подсобку – все это показалось ему нарисованным, нереальным, захотелось прибавить яркости монитору, но вместо этого он судорожно зевнул и протер слезящиеся глаза. Небо, обрамленное линиями крыши, было похоже на монитор. Будто завис скринсейвер* (Марина и Сергей Дяченко «Цифровой»). Ср. также: *Люди, которых он* (Грым. – Е. М.) *изредка встречал во время своих прогулок, были необщительны – часто они казались просто частью общей 3D-панорамы* (Виктор Пелевин «S.N.U.F.F.», 2011). Поскольку физический мир скрыт за ворохом электронных симуляций и поп-апов (Виктор Пелевин), реальность для «цифрового» человека оказывается не вне Сети, а внутри неё: *Экран монитора в комнате опять становится чёрным, будто там, в сети, наступила непроглядная ночь* (Андрей Матвеев «Любовь для начинающих пользователей»). В гротесковой форме эта «другая» реальность изображена в романе Виктора Пелевина «iPhuck 10»: *Что скажу о мире? В фейсбуке – мокрый холодный ветер со снегом; наши прячутся по буеракам и застылым окопам, кидая мерзлым кизяком в ликующие хари врагов: кинули бы камнем, да икнется – забанят. Мировой жаб глумливо и нагло глядит на нашу скудость из зенита, и свежие эмоджи шевелятся на его загорелой чешуе; сколько Божьих стрел отразил он уже, не шелохнув даже веками! Но сроки назначены, и об этом, расползаясь по коментарам, прищепывают умные посты, вывернутые для маскировки кошачьим мехом вверх. Многомысленно в фейсбуке. Но нету в фейсбуке счастья. Согласно сюжету, этот текст выдаёт искусственный интеллект – литературно-полицейский алгоритм Порфирий, главный герой пелевинской антиутопии, подвергшийся серьёзному переформатированию со стороны своей хозяйки; отсюда абсурдность и уродливость картины, написанной, по сути, неисправной программой. Однако в контексте всего произведения отождествление мира и фейсбука (у автора это слово со строчной буквы), сформулированное как бы невзначай Порфирием, воспринимается как средство сатиры, направленной против доминирования в жизни современного человека сетевой формы существования, против смешения «реальностей» (см. также: *Выходишь из фейсбука на Невский – а там Исакий летит к звёздам...*).*

Выводы. Таким образом, метафоры, создаваемые на базе лексики IT-сферы, играют **концептуальную** роль в художественном мире автора. **Антропоцентрические** метафоры передают его отношение к основному предмету изображения в литературе – человеку. Реализация метафорической модели «Компьютер (Интернет) → Человек» позволяет обозначить характерные для информационного общества негативные

¹ Вспомним, например, стихотворение О. Мандельштама «На бледно-голубой эмали...» (1909).

явления и последствия: манипуляция сознанием, отсутствие критического мышления по отношению к информации, социальный инфантилизм.

Антропоморфная метафора, реализуя идею персонификации, помогает представить то, что происходит с нами в действительности, когда наше постоянное обращение к компьютерной технике и виртуальному миру создаёт иллюзию существования какой-то особой, живой силы по ту сторону экрана. Современные технологии всё более последовательно воплощают концепцию «очеловечивания» машин, делая их user-friendly. «Между человеком и машиной заключается мир, то, что было искусственным, окончательно становится природным, естественным, натуральным. Что-то размылось, и с каким-то невиданным благоволением машины склонились к тому, чтобы стать продолжением человеческого духа и тела» [1, с. 144].

Литература:

1. Барикко А. Игра / Пер. с итал. А. Миролубовой. М.: «КоЛибри», 2019. 352 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: «Норинт», 1998. 1536 с.
3. Занадворова А.В. Коммуникативные неудачи при общении с компьютером // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. научн. конф. / Сост. Н.А. Онипенко. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 423–426.
4. Какорина Е.В. Интернет через зеркало метафоры // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Tošović B., Wonisch A. (Hg./ред./ur.). Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. P. 65–87.
5. Маринова Е.В. Язык Рунета: в Сети и за её пределами: От вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2021. 300 с.
6. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
7. Филиппович Ю.Н., Родионов Е.В., Черкасова Г.А. Языковые средства диалога человека с ЭВМ. М.: «Высшая школа», 1990. 159 с.

Marinova Elena Vyacheslavovna

Doctor of Philology

marinova@list.ru

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

IT-SPHERE LEXIS IN THE FUNCTION OF IMAGINATIVE CONCEPTUALIZATION OF REALITY (A CASE STUDY OF MODERN LITERARY DISCOURSE)

The article analyzes the imaginative function of IT-sphere lexis in literary discourse. Nowadays the lexis of this sphere plays a key role in forming the language of “another” reality – the virtual one, which for a modern person – Internet user – often becomes no less important than the so called “Reality no.1” that once used to be the only reality. In this regard the IT-sphere lexis possesses a powerful semantic potential which is used by modern authors for various literary purposes. The most interesting function is that of conceptualization of reality (both objective and virtual): it is exactly this function that allows the authors to convey the peculiar character of deep mental processes occurring in the modern world in the digital epoch. The imaginative conceptualization of reality is performed by anthropomorphic and anthropocentric metaphors. In the case of anthropomorphic metaphor the word of IT-sphere names a certain fact of virtual reality which is endowed with

features of a living being due to the process of imaginative conceptualization (personification model): умница Вики, услужливый фейсбук, Интернет умолкает. With the help of anthropocentric metaphor the author creates an image of a modern man, who is compared to a gadget, computer programme, code. Unlike anthropomorphic metaphor, a word of the IT-sphere is used in a figurative meaning: ассемблер души, прокачать сознание, логины и пароли крови. Realization of the metaphoric model "Computer – Man" allows the authors to identify negative phenomena and consequences typical of information society: manipulation of consciousness, lack of critical thinking in relation to information, social infantilism.

The study is built on the basis of general, philological analysis and linguistic analysis of a fictional text in particular (total number of analyzed works is about 60). This paper presents a part of the author's separate research devoted to the formation of the Russian Internet lexis in the modern Russian language and realized within the framework of functional sociolinguistics.

Keywords: lexis of IT-sphere; imaginative conceptualization; anthropomorphic metaphor; anthropocentric metaphor; metaphor of code; personification.

УДК 81'373.612.2, 81'44

Сабарине Хегедюш Сильвия

hegaszilvi@gmail.com

Сегедский Университет

Сегед, Венгрия

ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ СПОСОБА ДВИЖЕНИЯ

В настоящей статье рассматриваются глаголы способа движения с точки зрения их переносных значений. В первом разделе представляются метафора и метонимия как часто изучаемые понятия в когнитивной лингвистике, подчеркиваются различия между ними, говорится о концептуальной метафоре, если связь устанавливается на основе схожести двух концептуальных областей. Целью статьи является определение переносных значений глаголов изучаемого корпуса как метафорических или метонимических. Во втором разделе представлены компоненты движения с перспективы когнитивной лингвистики. Особое внимание уделяется компоненту способа движения. Представлен исходный корпус глаголов способа движения, насчитывающий 50 единиц. Корпус собран на основе материала словарей Л.Г. Бабенко (1999), А.П. Евгеньевой (1981–1984), Л.Г. Саяховой и др. (2000). С опорой на толкования Словаря русского языка (А.П. Евгеньева, 1981–1984) для анализа были отобраны 16 глаголов, имеющих переносные значения. В третьем разделе анализируется собранный материал. Выделяется несколько подгрупп согласно отдельным кругам значений. К первому подмножеству причисляются глаголы, основные и переносные значения которых являются противоположными. Вторая подгруппа связана с выражением направления движения. Для третьего подмножества характерно значение беспредельности движения. Четвертая подгруппа выделяется как смешанная, с несколькими признаками. На основе группировок становится очевидным, что переносные значения данного глагольного корпуса расширяют, в большинстве случаев, основные значения. В четвертом разделе подводятся итоги анализа глаголов.

Ключевые слова: компоненты движения; способ движения; языки «глагольного типа»; языки «сателлитного типа»; метафора; метонимия.

В повседневной коммуникации слова часто употребляются в переносном значении. В этой статье представлен и описан собранный корпус глаголов способа движения с переносными значениями.

1. Теоретические вопросы, касающиеся переносных значений

Данная работа опирается на точку зрения когнитивной лингвистики, описанную в трудах З. Кёвечеша и Р. Бенцеш (Kövecses Z., Benczes R., 2010), М. Конновой (2012) и Ж. Масловой и Е. Поповой (2015). В когнитивной лингвистике подчеркивается важность физического опыта, на котором основываются репрезентации, с помощью которых проходит коммуникация. И в нашей коммуникации глаголы, выражающие движение, играют существенную роль. Когнитивная лингвистика работает и со схемами. В этом лингвистическом направлении концептуальный фрейм является важным понятием, представляющим собой структурированное представление знаний о мире. В когнитивной лингвистике исследуются метафора и метонимия. Т. н. концептуальная метафора складывается при соответствии (схожести) между двумя концептуальными фреймами. В метафоре выделяются два компонента: область источника и область цели [3, с. 91]. Первая составляющая является более конкретной, а вторая более отвлеченной. Например, источником может быть путешествие, а областью цели – жизнь. В ходе изображения более абстрактное понятие предшествует более конкретному: ЖИЗНЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ. Видно, что область цели интерпретируется посредством области источника.

Что же касается метонимии, то она формируется внутри одной концептуальной области, на основе смежности. В следующем предложении таким соотношением характеризуются ХУДОЖНИК и ПРОИЗВЕДЕНИЕ.

(1) *Продается Мункачи.*

Для обозначения картины здесь употребляется имя художника¹. Картина – это концепт-цель, а Мункачи служит концептом-средством.

Метонимия связана также с теорией прототипов. Согласно этой теории, периферические значения слов выводятся от центральных прототипических значений посредством метонимических отношений [7]. С этим гармонирует понимание метонимии как *концептуального расширения* [3].

Мы затронули эту тему в первом разделе потому, что переносные значения могут быть связаны с метафорой и метонимией. Вышеупомянутые признаки метафоры и метонимии будут использованы в следующем разделе для определения природы переносных значений глагольного корпуса.

2. Собранный корпус глаголов

Корпус глаголов способа движения состоит из 50 единиц, он был составлен на основе трех словарей: Толкового словаря русских глаголов [1], Словаря русского языка [2] и Тематического словаря русского языка [6]. Для того чтобы определить, что понимается под термином «способ движения» и как он связан с русскими глаголами, выражающими движение, следует рассмотреть, из каких компонентов состоит движение. Эти компоненты также будут представлены с точки зрения когнитивной лингвистики. Выделяются т. н. внутренние и внешние компоненты движения (Майсак, 2005). К внутренним компонентам относятся *фигура*, *путь* и *фон*. *Фигура* – это субъект, который осуществляет движение, по компоненту *пути* совершается движение, относительно *фона* двигается субъект движения. Относительно внешних компонентов следует говорить о *способе* и о *причине*. *Способ* обозначает, например, скорость, интенсивность или среду движения. *Причина* указывает на то, что движение является результатом внешнего влияния. *Способ* играет важную роль в русском языке, так как он является характерной чертой выражения движения. Указание на *способ* движения в

¹ Михай Мункачи – венгерский художник, живописец.

корне глаголов характерно для языков сателлитного типа, в которых *путь* движения выражается за пределами глагола. Этому противостоят языки глагольного типа, в которых *способ* закодирован вне глагола, а в глаголе указывается на *путь* движения (Talmy, 2007).

В следующем предложении представляются компоненты движения.

(2) *Мальчик шагает в школу.*

Движение выполняется *мальчиком*. *Способ* кодирован в глаголе и указывает на ходьбу размеренным темпом по суше. *Путь* выражается предлогом *в*. На *фон* движения указывает слово *школа*.

Как уже было отмечено, собранные глаголы характеризуются тем, что они выражают *способ* движения в корне глагола. Следовательно, в ходе сбора материала не учитывались глаголы с приставками, так как приставки указывают на *путь* движения. Глаголы, не отражающие литературную норму, тоже не включались в изучаемый корпус. Переходные глаголы выражают компонент *причины*, поэтому эти глаголы не принимаются во внимание. Из множества также были исключены глаголы движения типа *идти* – *ходить*, так как их переносные значения уже многократно изучались [5, 8].

Ниже перечисляется полный собранный корпус глаголов. Члены видовых пар рассматриваются совместно. Они обсуждаются отдельно только в том случае, если между ними имеется различие иное, кроме видового значения:

бросаться – *броситься*; *брызгать* – *брызнуть*; *витья*; *вонзаться* – *вонзиться*; *гарцевать*; *гулять*; *капать*; *кататься*; *катиться*; *кидаться* – *кинуться*; *клониться*; *клубиться*; *кочевать*; *крапать*; *красться*; *кропить*; *литься*; *маршировать*; *метаться*; *моросить*; *нестись*; *носиться*; *нырять* – *нырнуть*; *осыпаться* – *осыпаться*; *парить*; *планировать* – *спланировать*; *порхать*; *прыгать* – *прыгнуть*; *путешествовать*; *рыскать*; *скакать* – *скакнуть*; *скитаться*; *скользить* – *скользнуть*; *сновать*; *сочиться*; *стлаться*; *струиться*; *ступать* – *ступить*; *сыпаться*; *течь*; *тонуть* – *утонуть* – *потонуть*; *топать*; *торопиться* – *поторопиться*; *тянуться*; *хромать*; *шагать*; *шевелиться* – *пошевелиться* – *шевельнуться*; *шествовать*; *эмигрировать*; *юркнуть*.

Можно заметить, что этот корпус неоднороден, так как он включает в себя движения разных субъектов. Некоторые глаголы сочетаются с одушевленными субъектами (например, *гарцевать*; *гулять*; *кочевать*; *маршировать*). Есть глаголы, выражающие движение природных явлений, например атмосферных осадков (*крапать*; *моросить*). Этот корпус является исходным пунктом для составления списка глаголов, имеющих переносные значения.

3. Анализ собранного материала

Толкования глаголов исходного корпуса рассматриваются в Словаре русского языка [2]. В результате этого исследования выделяются те глаголы, которые имеют переносное значение. Их выделено 16. Цель анализа заключается в том, чтобы установить, каким образом связаны первичные и переносные значения данных глаголов, и определить переносные значения как метафорические или метонимические.

Ниже представлены глаголы в отдельных таблицах согласно тому, какой общей областью связаны их первичные и переносные значения.

3.1 Противопоставление основных и переносных значений

Первую подгруппу составляют глаголы *брызгать* – *брызнуть*, *нестись*, основные и переносные значения которых являются противоположными (см. таблицу 1).

Таблица 1

Глагол	Основное значение (основные значения)	Переносное значение (переносные значения)	Общая область значений
<i>брызгать – брызнуть</i>	Разлетаться, рассеиваться каплями, мелкими частицами.	С силой проявляться, прорываться (о чувствах, настроениях и т. д.).	противоположность (капли ↔ с силой)
<i>нестись</i>	Очень быстро двигаться, перемещаться; мчаться.	Распространяться, становиться известным (о слухах, сведениях и т. п.).	противоположность (быстрота ↔ нейтральность скорости)

В отношении глагольной пары *брызгать – брызнуть* речь идёт о том, что разбрасываются капли жидкости или мелкие частицы чего-л. В его переносном значении указывается на яркое проявление, например, чувства, настроения. Противоположность обозначается между мелкими каплями и силой. Относительно глагола *нестись* следует отметить, что быстрота в основном значении нейтрализуется в переносном. Глагол *нестись* обозначает быстрое движение, когда субъект мчится. Быстрота, однако, не проявляется в переносном значении, когда слухи, сведения распространяются, становятся известным. Эти значения тоже являются противоположными. Вышеупомянутое свидетельствует о расширении значений в таком смысле, что в переносных значениях этих глаголов движение выполняется добавочными субъектами.

3.2 Направление основных и переносных значений

В этом подмножестве фигурируют такие глаголы, значения которых указывают на направление движения (таблица 2). Вопреки тому, что речь идет о глаголах *способа* движения, *пути* движения выдвигается на первый план. Таким образом, эти глаголы характеризуются компонентами *способа* и *пути*.

Таблица 2

Глагол	Основное значение (основные значения)	Переносное значение (переносные значения)	Общая область значений
<i>катиться</i>	Вращаясь, двигаться, перемещаться в каком-л. одном направлении (об округлых предметах).	Разноситься, раздаваться (о грохоте, гулких звуках и т. п.).	движение как распространение (неоднаправленное движение)
<i>клониться</i>	Принимать наклонное положение; наклоняться, нагибаться. Направляться, двигаться по наклонной линии к горизонту, западу и т. п. (о небесных светилах).	Близиться, приближаться к какому-л. моменту, являющемуся пределом развития чего-л. Быть направленным к чему-л., иметь своей целью что-л. (о действиях, поступках).	наклон, направление как приближение
<i>метаться</i>	«Быстро и беспорядочно устраиваться то в одну, то в другую сторону.	Находиться в состоянии смятения, растерянности.	беспорядочность
<i>рыскать</i>	Бегать в поисках кого- чего-л., бросаясь из стороны в сторону (о животных).	Перебегать с одного предмета на другой, высматривая что-л. (о глазах). ¹ чем. Быстро	разностороннее движение

¹ || Помета обозначает оттенок значения.

		переводить взгляд, глаза с одного на другое, стараясь увидеть, заметить что-л.	
<i>скакать – скакнуть</i>	Делать прыжки; прыгать.	Неожиданно, резко изменяться.	резкость как возможная характеристика прыжков

Глагол *катиться* обозначает быстрое однонаправленное движение округлых предметов. Он переносно указывает на то, как распространяются звуки, эхо, шум. Это, однако, выражает неоднаправленное движение. Глаголом *клониться* обозначается наклон небесных светил. В его переносном значении указывается на приближение, даже цель. Глагол *метаться*, выражающий беспорядочное движение, тоже причисляется в эту подгруппу, потому что его значение тоже связано с направлением. Беспорядочность в основном значении сменяется на рассеянность в переносном смысле. Касательно глагола *рыскать* имеется в виду разностороннее движение. Эта черта движения сохраняется и в переносном значении. В первичном значении *скакать – скакнуть* указывается на поступательное движение, а в переносном значении – неожиданное, резкое изменение температуры. Резкость можно отнести и к характеристике движения.

3.3 Беспредельность движения

Глаголы этой подгруппы характеризуются беспредельностью движения (таблица 3).

Таблица 3

Глагол	Основное значение (основные значения)	Переносное значение (переносные значения)	Общая область значений
<i>гулять</i>	Ходить, не торопясь, для отдыха, удовольствия; прогуливаться.	Быть в движении, перемещаться в разных направлениях (обычно на широко, свободном пространстве). Перемещаться в разных направлениях, беспрепятственно распространяться.	свободное движение
<i>литься</i>	Течь непрерывной струей (струями).	Распространяться, струиться (о свете, запахе). Раздаваться, нестись (о размеренных, плавных звуках чего-л.). Излагаться, произноситься свободно, без затруднений, в стройной последовательности (о речи, словах). Проникать во что-л., куда-л. (в душу, сердце и т. п.).	непрерывность
<i>струиться</i>	Течь струями.	Распространяться струей (струями; о воздухе, свете, запахе и т. п.).	движение струй
<i>сыпаться</i>	Падать (о чем-л. сыпучем, мелком или многих предметах). Отставать, отваливаться, осыпаться. Опадать (о	Обрушиваться во множестве на кого-л., поступать во множестве, отовсюду, со всех сторон. Раздаваться непрерывно или со всех сторон, звучать отовсюду.	беспредельность

	листьях). Ронять из колосьев спелые зерна (о перезревших хлебах, овсе и т. п.). Разлетаться во все стороны. Идти (о мелком, частом дожде, снеге).		
<i>течь</i>	Литься непрерывной струей, потоком; струиться.	Плавно и непрерывно звучать (о размеренной, неторопливой речи). Идти, двигаться сплошным, непрерывным потоком, массой.	движение потоком

Глагол *гулять* обозначает свободное движение человека. На беспредельное движение указывается и в переносных значениях: *гуляет сквозняк, холера; гуляют слухи*. Основным элементом содержания в значении глагола *литься* является движение струями. Эта непрерывность проявляется и в переносном смысле: распространение света, запаха, звуков. Основное значение глагола *струиться* – «движение струей» – сохраняется и в случае движения воздуха, света, запаха. Относительно глагола *сыпаться* отмечаем, что значение частого падения (в первичном значении чего-л. сыпучего или дождя, снега) проявляется и в переносных значениях глагола: обрушиваться во множестве. В переносном смысле проявляется значение и непрерывного распространения звуков. Глагол *течь* как синоним глагола *струиться* обозначает течение потока жидкости, указывает на непрерывность движения. Переносные значения указывают на движение слов, звуков. Этот глагол в переносном смысле обозначает и движение массы людей. Относительно глаголов этой подгруппы также отмечаем расширение переносных значений по сравнению с их основными значениями.

3.4 Прочая характеристика значений

В следующей таблице (таблица 4) фигурируют глаголы, значение которых не может быть охарактеризовано предыдущими чертами. Они составляют смешанное подмножество.

Таблица 4

Глагол	Основное значение (основные значения)	Переносное значение (переносные значения)	Общая область значений
<i>порхать</i>	Легко перелетать с места на место (о птице, бабочке и т. п.). Летать, кружась (о каких-л. легких предметах).	Легко и быстро передвигаться (ходить, бегать, танцевать, прыгать и т. п.). Легко, быстро двигаться, шевелиться.	легкость движения
<i>скользить – скользнуть</i>	Двигаться, катясь по гладкой, скользкой поверхности. Не иметь устойчивости, сдвигаться со своего места, не удерживаясь на гладкой, скользкой поверхности. Сползать, спадать с чего-л. Падать, вырываться, не удерживаясь где-л.; выскальзывать. Ползти (о	Легко, плавно двигаться, слегка прикасаясь к чему-л., к поверхности чего-л. Быстро, плавно перемещаться с предмета на предмет, по какой-л. поверхности и т. д. (о лучах света, о тени и т. п.). Переходить с предмета на предмет, не задерживаясь на чем-л. (о взгляде). Появляться и быстро исчезать (об улыбке).	легкость, быстрота движения

	змее, ящерице).		
<i>тонуть</i> – <i>утонуть</i> – <i>потонуть</i>	Погружаться в воду, на дно, идти ко дну. Гибнуть, погружаясь в воду, на дно.	Становиться незаметным, невидимым среди чего-л. Становиться едва слышимым, едва различимым среди шума, гула и т. п.	исчезновение
<i>шевелиться</i> – <i>пошевелиться</i> – <i>шевелинуться</i>	Слегка двигаться, приходить в движение под действием чего-л. Делать движения, двигать какими-л. частями тела.	Обнаруживать, проявлять признаки оживления, деятельности. Проявляться, не утрачиваться (о чувствах, мыслях и т. п.).	начало движения (действия)

В случае глагола *порхать* указывается на легкий перелет птиц, насекомых, легких предметов. Легкость проявляется и в переносном значении, когда субъект перемещается легко, быстро передвигается, хоть и не по воздуху, а по земле. Глагольная пара *скользить* – *скользнуть* в основном значении обозначает катание по гладкой поверхности. Быстрота движения проявляется в переносном значении. Что касается *тонуть* – *утонуть* – *потонуть*, то здесь обозначается непроизвольное погружение в воду и гибель в результате этого одушевленного субъекта. В переносном значении этого глагола проявляется исчезновение. Это может быть связано с тем, что тонувший предмет или тонувшее существо становится незаметным. Относительно глаголов *шевелиться* – *пошевелиться* – *шевелинуться* можно констатировать, что в первичном значении отмечается начало движения. В переносном значении выражается проявление признаков жизни. Начало действия является основным жизненным признаком. Глаголы этого подмножества проявляют расширение значений, это становится очевидным благодаря растущему числу вовлеченных субъектов. В отношении глагола *порхать* расширяется среда движения.

4. Выводы

В настоящей работе рассматривались глаголы *способа* движения с точки зрения их переносных значений. В первом разделе были представлены метафора и метонимия как понятия когнитивной лингвистики. Мы ссылались на эти два термина потому, что целью статьи было определение переносных значений глаголов изучаемого корпуса как метафорических или метонимических.

Во втором разделе был представлен исходный корпус в 50 глаголов *способа* движения с выделенными 16 глаголами, у которых имеются переносные значения.

В третьем разделе был сделан анализ собранного материала, в ходе которого были определены несколько подгрупп изучаемых глаголов: к первому подмножеству были причислены глаголы, основные и переносные значения которых являются противоположными; ко второй подгруппе были отнесены глаголы, выражающие направления движения; в третьем подмножестве были собраны лексемы со значением беспредельности; четвертая подгруппа была выделена как смешанная. На основе полученных данных стало очевидно, что переносные значения данного глагольного корпуса объединяются с основными значениями метонимическими связями, являющимися расширениями первичных значений.

Литература:

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 698 с.
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
3. Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 313 с.

4. Маслова Ж.Н., Попова Е.А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов VII Междунар. конф. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 80–84.
5. Пете И. Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1991. 414 с.
6. Саяхова Л. Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 556 с.
7. Kövecses Z., Benczes R. Kognitív nyelvészet. Bp.: Akadémiai Kiadó, 2010. 256 o.
8. Nessel T. Metaphorical walking: In: Hasko V., Perelmutter R. (eds.) New Approaches to Slavic Verbs of Motion. Studies in Language Companion. 2010, Series 115. Amsterdam: John Benjamins. P. 343–359.

Szabariné Hegedűs Szilvia

hegaszilvi@gmail.com

University of Szeged

Szeged, Hungary

FIGURATIVE MEANINGS OF RUSSIAN MANNER OF MOTION VERBS

This article examines manner of motion verbs from their figurative meanings point of view. In the first section, metaphor and metonymy are presented as frequently studied concepts in cognitive linguistics, the differences between them are emphasized, and a conceptual metaphor is mentioned if the connection is established based on the similarity of two conceptual areas. The purpose of the article is to determine the figurative meanings of the verbs of the studied corpus as metaphorical or metonymic. The second section presents the components of the movement from the perspective of cognitive linguistics. Special attention is paid to the manner of motion component. The original corpus of manner of motion verbs, numbering 50, is presented. The corpus is compiled on the basis of the dictionaries by Babenko (1999), Evgenieva (1981–1984), Sayakhova et al. (2000). Based on the interpretation of the Russian Language Dictionary (Evgenieva, 1981–1984), 16 verbs with figurative meanings were selected for analysis. The third section analyzes the collected material. We define several subgroups according to separate circles of values. The first subset includes verbs whose basic and figurative meanings are opposite. The second subgroup is related to the direction of movement identification. The third subset is characterized by the value of motion infinity. The fourth subgroup is distinguished as mixed, with several characteristics. Based on the groupings, it becomes obvious that the figurative meanings of this verb corpus expand, in most cases, the basic meanings. The fourth section summarizes the analysis of verbs.

Keywords: *components of motion; manner of motion; verb-framed languages; satellite-framed languages; metaphor; metonymy.*

Сироткина Татьяна Александровна

доктор филологических наук

sirotkina71@mail.ru

Сургутский государственный педагогический университет

Сургут, Россия

ORCID: 0000-0003-3494-0968

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РКИ В АСПЕКТЕ АКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Целью данной статьи является анализ проблем обучения лексикологии и стилистике русского языка как иностранного. Задачами автора являлись следующие: рассмотреть методику работы по лексикологии и стилистике при обучении РКИ, описать основные типы заданий, которые могут быть использованы в аспекте обучения активной коммуникации. Материалом для написания статьи послужили новые учебники по лексикологии и стилистике для иностранных студентов, изданные в рамках совместного проекта Университета Матеа Бела (Банска Бистрица, Словакия) и Сургутского государственного педагогического университета (Сургут). Основные методы работы – описательный, сравнительный, стилистический. Автор статьи анализирует проблемы, существующие при изучении тем курсов лексикологии и стилистики, и приходит к выводу, что в аспекте обучения активной коммуникации актуальными являются задачи, направленные на создание собственных высказываний и текстов (устных и письменных), формирование умения обосновывать свое мнение (например, при определении принадлежности текста к тому или другому функциональному стилю). Работа должна быть основана на актуальном для студентов текстовом материале, языковой потенциал которого позволит им освоить все возможности лексической и стилистической систем русского литературного языка.

Ключевые слова: *лексикология; стилистика; функциональный стиль; текст; стилистическая система; русский язык как иностранный.*

Как справедливо отмечают исследователи, «в методике преподавания РКИ все заметнее наблюдается смещение акцента с теоретического изучения грамматических, фонетических и лексических аспектов языка в сторону активной языковой практики» [2, с. 116].

В основу коммуникативного метода обучения, разработанного Е.И. Пассовым, положен принцип коммуникативности, т. е. максимальной приближенности процесса обучения процессу языковой коммуникации в речевой ситуации [6]. Особенно, на наш взгляд, реализация данного принципа актуальна в рамках таких курсов РКИ, как лексикология и стилистика. Материалом для данной статьи послужили новые учебные пособия для словацких студентов, изданные в рамках совместного проекта Университета Матеа Бела (Банска Бистрица, Словакия) и Сургутского государственного педагогического университета (Сургут). Одно из них называется «Русская лексикология: активная коммуникация» [3], другое – «Русская стилистика: активная коммуникация. Практический курс» [4], которое было издано в прошлом году и уже используется нашими словацкими коллегами в учебном процессе. На нем и остановимся подробнее.

Стилистика, по наблюдениям специалистов, является одним из самых трудных для иностранных обучающихся разделов русского языка. Однако «пользоваться языком

без учета его стилистического расслоения невозможно. Выбор языковых средств, необходимых для успешной коммуникации, производится с учетом многих факторов: сферы общественной деятельности, в которой осуществляется коммуникация, формы общения (устной или письменной), коммуникативных целей, отношений между адресантом и адресатом, стилистической окраски слов и законов их сочетаемости и т. д.» [8, с. 36]. Поэтому актуальным является выбор способов работы по изучению русской стилистики в иноязычной аудитории. Исследователи обращались к разным аспектам изучения данной проблемы: вопросам обучения научному стилю речи [5], определения места функциональной стилистики в преподавании РКИ [1]. Мы же попытаемся рассмотреть, какие типы заданий являются наиболее актуальными в аспекте обучения активной коммуникации.

Особенно актуальным является овладение иностранными обучающимися нормами научного стиля современного русского языка, поскольку практика показывает, что при написании, например, научных статей на русском языке они «сталкиваются с трудностями, связанными с необходимостью оформить научный текст в соответствии с нормами русского литературного языка и особенностями научного стиля русской речи» [5, с. 135].

В предлагаемом нами для использования при обучении РКИ учебном пособии научному стилю также уделяется значительное место. Задания, выполняемые обучающимися, связаны, например, с выявлением специфики отдельных научных жанров: «Прочитайте характеристику терминов *абстракт*, *аннотация* и советы для написания текстов указанного жанра. Устно расскажите, что такое *абстракт* и *аннотация*, используя термины и выражения из текстов»; «Прочитайте абстракты квалификационных работ. Какие языковые и стилистические особенности вы заметили? Охарактеризуйте композицию абстрактов».

Достижению практических целей овладения навыками создания текстов научного стиля способствует выполнение заданий, связанных с изучением образцов текстов отдельных жанров и написанием на их основе собственных: «Изучите шаблон для написания аннотации к диссертации. На его основе напишите аннотацию к своей квалификационной работе (бакалаврской)».

Овладение навыками создания официально-деловых текстов связано с изучением особенностей текстов разных подстилей данного стиля: канцелярского, юридического, дипломатического: «Прочитайте Ноту Министерства Иностранных Дел Российской Федерации. К какому подстилю принадлежит текст этого документа? Ответ мотивируйте стилистическими параметрами и содержанием анализируемого текста».

Чтобы не допускать ошибок в составлении документов, обучающиеся должны сначала научиться исправлять ошибки в текстах, приведенных авторами пособия: «Найдите в резюме ошибки и неточности. Объясните, в чем они заключаются, и исправьте».

Определение языковых особенностей стиля, способов выражения семантики в официально-деловой речи – еще одна задача, решаемая в ходе изучения стилистики: «Прочитайте текст официального приглашения на конференцию. Какие особенности стиля вы заметили? Охарактеризуйте стиль документа. Каким способом указана информация, что университет является бюджетным учреждением высшего образования?».

Актуальным является выявление межстилевого взаимодействия в текстах разных стилей. Непростым, но важным в этом плане для обучающихся является такое, например, задание: «Прочитайте отчет о стажировке. Почему этот документ принадлежит к официальному стилю? В каких его фрагментах наблюдаются вкрапления научного стиля? С чем это связано?»

Не менее актуально овладение иностранными обучающимися широко распространенным в практике русской речи публицистическим стилем русского языка.

Методисты пишут о том, что «за долгие годы методической практики и теоретических исследований собран большой опыт обучения иностранных учащихся языку газеты» [1, с. 10], а в последние годы «работа с текстами газетно-публицистического стиля приобретает все большее значение и используется как базисный учебный материал в учебниках и учебных пособиях по разным аспектам преподавания русского языка как иностранного» [1, с. 50].

Начинать написание текстов публицистического стиля можно с жанра заметки, в которой обучающиеся излагают ту или иную информацию: «Прочитайте характеристику публицистического жанра *заметка*. Напишите по указанным параметрам краткую заметку и охарактеризуйте ее стилистические особенности».

Удачным методическим шагом является, как мы уже писали об этом [7], обращение к текстам, созданным такими же студентами, какими являются и сами обучающиеся. На анализ подобных текстов направлены следующие задания нашего пособия: «Прочитайте творческие работы, победившие в международном конкурсе. Определите их жанры и аргументируйте свой ответ. Какие стилистические особенности в них прослеживаются? Чем эти работы, на ваш взгляд, смогли привлечь жюри?»

Заканчивается изучение темы более сложными заданиями, связанными с формированием навыков научного обоснования принадлежности текста к публицистическому стилю, выявлением ошибок в определении стиля: «Прочитайте и ответьте на вопрос, почему публицистический текст, помещенный ниже, на некоторых веб-сайтах характеризуется как научно-художественный? На какие существенные особенности текста не обратили внимание неспециалисты, которые ошиблись в определении стиля?»

Спорным вопросом в современной лингвистике является выделение в системе функциональных стилей русского языка конфессионального стиля. Однако преподаватели РКИ склоняются к тому, что учитывать специфику данного стиля в преподавании необходимо, поскольку «история и культура России тесно связаны с православной церковью, а у православной церкви своя речевая сфера» [9, с. 67].

В анализируемом пособии тема «Конфессиональный стиль» представлена отдельно и включает задания, направленные, в частности, на выявление лексики, характерной для данного стиля: «Прочитайте фрагмент Православного календаря – 2020. Укажите специфическую лексику, с которой вы не встречались в других стилях»; «Подберите текст проповеди и сделайте его детальный стилистический анализ, обращаясь для толкования непонятных слов к словарям и справочной литературе».

Работа с текстами художественного стиля, как и с текстами других стилей, также включает в себя задания на анализ межстилевого взаимодействия, выявление ошибок в стилистической идентификации текста: «Прочитайте рассказ М. Зощенко. Охарактеризуйте его стилистические особенности, учитывая то, что стиль рассказа – художественный. В нем стилизуется (имитируется) разговорный стиль, который не является разговорным в функциональном плане»; «Проведите экспертизу текстов, представленных на учебных порталах в Интернете как художественные. На основе совокупности стилистических параметров докажите или опровергните эту принадлежность (в таком случае определите его стиль). Составьте научную информацию о вашей экспертизе».

Дискуссионный в сфере изучения и преподавания РКИ вопрос о том, нужно ли иностранцу знать разговорный стиль русского языка, студенты обсуждают при изучении соответствующей темы курса стилистики. Помимо устной работы, они выполняют письменное задание: «Прочитайте примеры разговорных слов и выражений в текстах заданий. Найдите те из них, которые вы знаете или слышали. Напишите заметку «О моих знаниях русского разговорного стиля».

Завершают учебно-методическое пособие темы, связанные с функционально-стилистическим анализом текста, выявлением и исправлением стилистических ошибок.

С курсом стилистики тесно связан курс лексикологии русского языка. Как справедливо отмечает В.М. Ляшук в предисловии к пособию по лексикологии, данное «учебное пособие эксплицирует взаимосвязь со стилистикой посредством концептуальной направленности к активному владению языком в сфере научных знаний и применению их при решении проблемных задач, выполнении заданий по практическим занятиям и формулирование мотивации своих учебных результатов, изложение своего мнения по практическим вопросам учебного предмета, умение вести дискуссию по изучаемым темам» [3, с. 7].

В пособии по лексикологии, как и в пособии по стилистике, присутствуют задания на сравнение, выполнение которых требует от обучающихся умения обосновать свою точку зрения: «Сравните научное определение лексикологии в Лекции 2 и в приведенном выше толковании термина в Словаре русского языка. Чем они отличаются и почему? Как можно объяснить разницу в указании исходных греческих слов?»; «Прочитайте текст. Образуют ли перечисленные слова лексико-семантическую группу? Если образуют, то назовите ее. Мотивируйте свой ответ».

Развитию навыков межкультурной коммуникации способствует выполнение упражнений, направленных на установление лексических соответствий в русском и словацком языках: «Какие словацкие слова, на ваш взгляд, могут передать природные и культурные реалии Словакии? В каком тексте и какой автор их упоминает? Составьте словацко-русский подручный словарик таких реалий. Все ли словацкие слова вы смогли перевести? Почему?»; «Какая из пословиц Вас привлекла больше всего? Почему? Есть ли пословица с подобным смыслом в вашем родном языке? Сравните ее по форме и значению с соответствующей русской пословицей: укажите, в чем заключается подобие, а в чем – различие»; «Сравните русские названия знаков препинания с их названиями в вашем родном языке. Отметьте общие и специфические черты в их происхождении и мотивации».

На развитие навыков письменной коммуникации направлены следующие виды упражнений: «Составьте письменно предложения с приведенными в задании синонимами, учитывая специфику их использования»; «По образцу приведенных в лекции и заданиях окказионализмов попробуйте создать на основе узуальных слов 2-3 окказионализма. Составьте с ними краткий связный текст».

Таким образом, в аспекте активной коммуникации актуальными для методики РКИ являются задания, направленные на продуцирование собственных высказываний и текстов (устных и письменных), формирование умения обосновать свою позицию (например, при определении принадлежности текста к тому или иному функциональному стилю). Работа должна строиться на актуальном для обучающихся текстовом материале, языковой потенциал которого позволит им овладеть всеми возможностями стилистической системы русского литературного языка.

Литература:

1. Го Л. Обучение газетно-публицистическому стилю китайских студентов-русистов в системе работы по развитию письменной речи: на примере жанра репортажа. СПб., 2001. 153 с.
2. Лашкевич Н.А. Текст-диалог как учебно-методическая единица обучения // Беларусь – Индия – Россия: сотрудничество в области преподавания русского языка как иностранного: Материалы интернет-конференции (г. Минск, 13 ноября 2018 г.) / Редкол.: Т.Н. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. Минск: Научный мир, 2019. С. 115–120.
3. Ляшук В.М., Сироткина Т.А. Русская лексикология – активная коммуникация: учебник для словацких студентов / Бюджет. учреждение высш. образования Ханты-Манс. авт. округа – Югры «Сургут. гос. пед. ун-т». Сургут: РИО СурГПУ, 2021. 132 с.

4. Ляшук В.М., Сироткина Т.А. Русская стилистика – активная коммуникация. Практический курс / Университет Матеа Бела, Сургутский государственный педагогический университет. Банска Быстрица:Belianum, 2020. 156 с.
5. Недосугова А.Б. Лингводидактический аспект обучения научному стилю речи в методике преподавания РКИ // Вестник РУДН. Серия: «Вопросы образования: языки и специальность». 2014. № 3. С. 134–138.
6. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. М.: Просвещение, 1991. 222 с.
7. Сироткина Т.А. Русский язык для словацких студентов (из опыта создания учебно-методических пособий) // Мир без границ: русский язык как иностранный в международном образовательном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Псков, 2020. С. 171–176.
8. Щербаков А.В. Изучение выразительных средств языка в иностранной аудитории // Русский язык за рубежом. 2018. № 2. С. 36–40.
9. Эрдеи И. Место функциональной стилистики в преподавании РКИ // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Будапешт, 2018. С. 65–69.

Sirotkina Tatiana Alexandrovna

Doctor of Philology

sirotkina71@mail.ru

Surgut State Pedagogical University

Surgut, Russia

PROBLEMS OF RUSSIAN STYLISTICS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The purpose of this article is to analyze the problems of teaching the style of Russian language in the classroom studying Russian as a foreign language. The author's tasks are as following: to consider the methodology of work in stylistics when teaching RFL, to describe the main types of tasks that can be used in the aspect of teaching active communication. The materials for writing this article were a new textbook on stylistics for foreign students, published as a part of a joint project between Matea Bela University (Banska Bystrica, Slovakia) and Surgut State Pedagogical University (Surgut). The main methods of work are descriptive, comparative, semantic and stylistic. The author of the article analyzes the tasks presented when studying the topics of the stylistics course, and concludes that in the aspect of teaching active communication, tasks aimed at producing one's own statements and texts (oral and written), the formation of the ability to substantiate one's position (for example, when determining whether the text belongs to a particular functional style) are relevant. The work should be based on textual material relevant for students, the linguistic potential of which will allow them to master all the possibilities of the stylistic system of Russian literary language.

Keywords: *stylistics; functional style; text; stylistic system; Russian as a foreign language.*

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВ В ЕВРОПЕ В ЦЕЛОМ И В ВЕНГРИИ В ЧАСТНОСТИ

УДК 159.922.4

Галяпина Виктория Николаевна

кандидат психологических наук

vgalyapina@hse.ru

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

ORCID: 0000-0002-3885-1455

Лебедева Надежда Михайловна

доктор психологических наук

nlebedeva@hse.ru

*Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

ORCID: 0000-0002-2046-4529

Трифонова Анастасия Валентиновна

avtrifonova@hse.ru

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

ORCID: 0000-0001-8780-7859

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ДИАСПОРНОЙ АКТИВНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ РУССКИХ В КЫРГЫЗСТАНЕ¹

После распада СССР многие русские покинули Кыргызстан. Сегодня их численность составляет 6,2 %. Им приходится адаптироваться к новым социокультурным условиям. В этой связи важным является понимание факторов, которые обуславливают психологическое благополучие русских. Кроме этого, в связи с изменением социокультурного контекста Кыргызстана, психологическое благополучие представителей разных поколений может быть обусловлено разными факторами. Данная статья посвящена анализу двух факторов – этнической идентичности и диаспорной активности в психологическом благополучии русских Кыргызстана. Выборка исследования составила 300 респондентов (150 – представители старшего поколения, 150 – младшего). Результаты структурного моделирования показали, что выраженность этнической идентичности способствует вовлеченности во все виды диаспорной активности у представителей младшего и старшего поколений. У представителей старшего поколения психологическое благополучие повышается, если они вовлекаются в деятельность по сохранению русского языка и в публичную деятельность, у молодого поколения психологическое благополучие повышается, если они участвуют в творческих фольклорных мероприятиях, в деятельности, направленной на сохранение истории. Однако их благополучие снижается, если они вовлекаются в деятельность по сохранению языка и благотворительность. Прямого эффекта на психологическое благополучие этническая идентичность не оказывает, выявлен только непрямой эффект через разные виды диаспорной активности. У старшего поколения этническая идентичность способствует самоуважению через диаспорную активность, направленную на сохранение русского языка. У младшего поколения этническая идентичность способствует психологическому благополучию через диаспорную активность в публичной деятельности и диаспорную активность, связанную с участием в творческих фольклорных мероприятиях. Этническая

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00268).

идентичность у младшего поколения препятствует психологическому благополучию при вовлеченности в деятельность, направленную на сохранение русского языка, культуры и благотворительную деятельность.

Ключевые слова: *этническая идентичность; диаспорная активность; психологическое благополучие; русские; Кыргызстан; поколения.*

Теоретический бэкграунд исследования

По статистическим данным, в 1979 году в Кыргызстане проживало 25,9 % русских. Однако после распада СССР в ходе массовых миграций количество русских сократилось почти в 5 раз и на 2018 год составляло 6,2 % от общего количества населения [3]. В Конституции Кыргызстана узаконены два языка: государственный киргизский и официальный русский. Сохраняется возможность получения образования на русском языке на всех уровнях. Согласно оценкам экспертов, на 2013 год в Кыргызстане русским языком владели от 50 % до 80 % населения [1]. Однако за последние несколько лет сфера применения русского языка заметно сузилась. Часть русских школ перешла на двуязычную форму обучения. Начали ужесточаться требования к знанию государственного языка, некоторые мероприятия начали проводить без перевода на русский. В целом исследователи отмечают значительное сокращение пространства для межэтнического взаимодействия, при этом увеличивается конфликтный потенциал, который при определенных условиях может привести к открытому межэтническому конфликту [5]. Можно предположить, что эти изменения в социокультурном контексте Кыргызстана повлияли как на старшее поколение русских Кыргызстана, так и на представителей русской молодежи.

Как показывают исследования [5; 8; 14], одним из факторов, обуславливающих самоуважение, удовлетворенность жизнью и социокультурную адаптацию представителей этнического меньшинства и мигрантов, является этническая идентичность. Однако в некоторых исследованиях установлено, что этническая идентичность может препятствовать психологическому благополучию этнических меньшинств, и важную роль в этом играет социокультурный контекст [9].

Теория социальной идентичности рассматривает идентификацию как важный фактор активности, вовлеченности в жизнь своей группы [13]. Исследования показали, что люди, которые отождествляют себя со своей этнической группой, более склонны к просоциальному поведению по отношению к другим членам группы, они защищают свою группу, когда ее статус находится под угрозой [7; 12]. Например, исследование еврейской диаспоры в Польше показало, что выраженная этническая идентичность предсказывает активное участие в жизни сообщества [6].

В ряде исследований установлено, что участие в жизни сообщества, диаспорная активность у представителей этнических меньшинств и мигрантов способствует их лучшей адаптации в новой культурной среде [10; 11].

Однако практически нет исследований о том, какова взаимосвязь идентичности с вовлеченностью в жизнь сообщества у представителей разных поколений. Кроме этого, жизнь и деятельность диаспоры включает в себя разные направления активности, поэтому важно понимать, какие из этих направлений способствуют психологическому благополучию русских разных поколений в Кыргызстане.

Исходя из вышеизложенного, мы сформулировали гипотезы и исследовательские вопросы нашего исследования.

Гипотеза 1. Этническая идентичность русских будет положительно взаимосвязана с их диаспорной активностью.

Гипотеза 2. Этническая идентичность будет положительно взаимосвязана с самоуважением и удовлетворенностью жизнью русских в Кыргызстане.

Исследовательский вопрос 1. Какова роль активности в различных направлениях деятельности диаспоры в психологическом благополучии русских Кыргызстана?

Исследовательский вопрос 2. Какова медиативная роль диаспорной активности во взаимосвязи этнической идентичности и психологического благополучия русских в Кыргызстане?

Исследовательский вопрос 3. Каковы межпоколенные сходства и различия во взаимосвязях этнической идентичности, диаспорной активности и психологического благополучия?

Методика исследования

Выборка. В выборку вошли 300 русских респондентов (по 150 младшего и старшего поколений) в возрасте от 17 до 65 лет ($M=35.56$, $SD=17.40$), 35 % мужчин.

Инструментарий.

Мы использовали следующие шкалы:

Этническая идентичность [2]. Шкала включала в себя 4 вопроса, например, «Я ощущаю себя частью русской культуры» $\alpha = .70$.

Диаспорная активность. Мы использовали шкалу, разработанную в Центре социокультурных исследований НИУ ВШЭ, которая включала 15 утверждений, касающихся 6 сфер деятельности русской диаспоры в Кыргызстане: 1 – «сохранение русского языка», 2 – «творческие фольклорные мероприятия», 3 – «православная община», 4 – «сохранение истории», 5 – «публичная деятельность», 6 – «благотворительность». Пример утверждения: «Для меня характерно слушать местные радиостанции и смотреть местные телеканалы, вещающие на русском языке». Для всех субшкал $\alpha > .74$.

Самоуважение [2]. Шкала включала 4 утверждения, например, «Я чувствую, что вполне достоин уважения, по крайней мере, наравне с другими», $\alpha = .68$.

Удовлетворенность жизнью [2]. Шкала включала 4 утверждения, например, «Если бы я мог прожить свою жизнь ещё раз, я не изменил бы в ней почти ничего», $\alpha = .74$.

Социально-демографические характеристики: мы анализировали пол, возраст, уровень образования.

Статистический анализ данных проводился с помощью пакета SPSS 22.0. Мы использовали дискриптивные статистики, α Кронбаха, MANOVA, моделирование структурными уравнениями (SEM) с использованием AMOS 22.0, регрессионный анализ с дополнительным медиационным анализом (модуль «Process»).

Процедура исследования. В исследовании использовалась удобная выборка, применялся метод «снежного кома». Респонденты не получали вознаграждение.

Результаты

Межпоколенный анализ выраженности этнической идентичностей, диаспорной активности и психологического благополучия у представителей 2-х поколений русских, проживающих в Кыргызстане, с помощью MANOVA показал, что существуют значимые различия между старшим и младшим поколениями: Wilks's $\Lambda = .914$, $F(9,290) = 3.039$, $p = .002$, $\eta^2 = .086$. (таблица 1). У старшего поколения более выражена этническая идентичность, они более вовлечены в деятельность сообщества по сохранению русского языка, в деятельность православной общины и в публичную деятельность. По остальным показателям межпоколенных различий не выявлено.

Таблица 1

Сравнение выраженности этнической идентичности, диаспорной активности и психологического благополучия представителей 2-х поколений русских, проживающих в Кыргызстане

	Младшее поколение (N=150)	Старшее поколение (N=150)	F	Partial η^2
	ср. (ст. отк)	ср. (ст. отк)		
Этническая идентичность	4,14 (0,79)	4,45 (0,73)	11,778***	0,038
Диаспорная активность в сохранении русского языка	3,85 (0,86)	4,02 (0,84)	3,005*	0,010
Диаспорная активность в творческих фольклорных мероприятиях	3,29 (1,31)	3,23 (1,18)	0,212	0,001
Диаспорная активность в жизни православной общины	2,57 (1,20)	2,89 (1,17)	5,494*	0,018
Диаспорная активность в сохранении истории	3,85 (0,98)	3,90 (,95)	0,158	0,001
Диаспорная активность в публичной деятельности	3,48 (1,14)	3,72 (0,92)	3,768*	0,012
Диаспорная активность в благотворительной деятельности	3,09(1,21)	3,14(1,08)	0,161	0,001
Самоуважение	4,32 (0,64)	4,31 (0,49)	0,051	0,000
Удовлетворенность жизнью	3,38 (0,86)	3,32 (0,73)	0,420	0,001

Примечание: * - $p < 0,05$, *** - $p < 0,001$.

Далее мы, используя моделирование структурными уравнениями, проанализировали взаимосвязи этнической идентичности и диаспорной активности с психологическим благополучием русских двух поколений. На рисунке 1 представлены результаты двух моделей.

Примечание: результаты представлены через слеш; младшее поколение/старшее поколение.

Показатели моделей: $\chi^2 / df = 1,34 / \chi^2 / df = 0,72$; SRMR = 0,07/0,01; CFI = 0,98/1,00; RMSEA = 0,06/0,08; PCLOSE = 0,34/0,53.

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

Как показывают результаты, у младшего поколения этническая идентичность значимо позитивно взаимосвязана с вовлеченностью во все виды деятельности русской диаспоры. Значимых взаимосвязей с психологическим благополучием выявлено не было. У представителей старшего поколения этническая идентичность значимо позитивно взаимосвязана с вовлеченностью в разные виды деятельности диаспоры за исключением направления, связанного с сохранением истории. У представителей старшего поколения русских, также, как и у младшего поколения, этническая идентичность не приводит к психологическому благополучию.

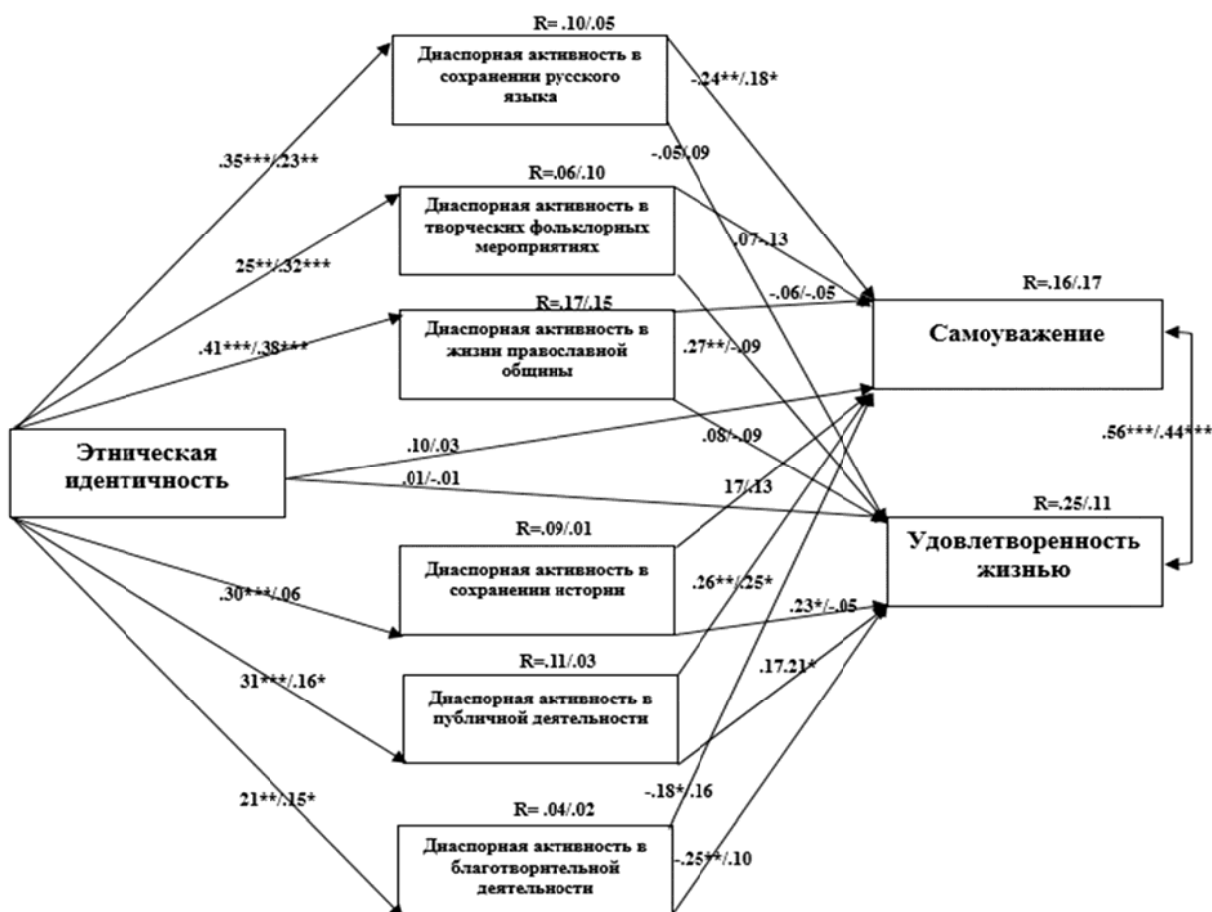

Рис. 1. Путевая модель взаимосвязи этнической идентичности и диаспорной активности с психологическим благополучием двух поколений русских в Кыргызстане

Что касается взаимосвязи различных направлений диаспорной активности, то у младшего поколения деятельность по сохранению русского языка отрицательно взаимосвязана с самоуважением; участие в творческих фольклорных мероприятиях, а также в деятельности, направленной на сохранение истории, способствует удовлетворенности жизнью; участие в публичной деятельности приносит русской молодежи самоуважение, а благотворительная деятельность не способствует психологическому благополучию. У старшего поколения деятельность по сохранению русского языка, в отличие от младшего поколения, способствует самоуважению. Публичная деятельность представителей старшего поколения положительно взаимосвязана как с самоуважением, так и с удовлетворенностью жизнью, эти результаты близки к результатам молодого поколения русских в Кыргызстане.

Проведенный медиационный анализ показал, что имеется значимый позитивный не прямой эффект этнической идентичности молодежи ($\beta = 0,10$, $p < 0,05$, 95 % CI: 0,03, 0,18) на самоуважение через диаспорную активность в публичной деятельности и значимый не прямой отрицательный эффект этнической идентичности ($\beta = -0,06$, $p < 0,05$, 95 % CI: -0,133, -0,006) на самоуважение через диаспорную активность, направленную на сохранение русского языка. Кроме этого, у младшего поколения мы также выявили позитивный не прямой значимый эффект этнической идентичности ($\beta = 0,08$, $p < 0,05$, 95 % CI: 0,018, 0,150) на удовлетворенность жизнью через диаспорную активность, связанную с участием в творческих фольклорных мероприятиях, и значимый отрицательный не прямой эффект этнической идентичности ($\beta = -0,06$, $p < 0,05$, 95% CI: -0,124, -0,004) на удовлетворенность жизнью через участие в благотворительной деятельности диаспоры.

У старшего поколения в ходе исследования был выявлен позитивный непрямой эффект этнической идентичности ($\beta = 0,034$, $p < 0,05$, 95 % CI: 0,007, 0,069) на самоуважение через диаспорную активность, направленную на сохранение русского языка. Непрямые эффекты в других моделях были незначимыми.

Обсуждение результатов и выводы.

В целом результаты исследования подтвердили нашу первую гипотезу о позитивной взаимосвязи этнической идентичности русских младшего и старшего поколений с их вовлеченностью в деятельности диаспоры. Исключение составила взаимосвязь этнической идентичности и вовлеченности в деятельность по сохранению истории у старшего поколения (связь была положительной, но не значимой). Эти данные согласуются с ранее проведенными исследованиями [6].

Наша вторая гипотеза не подтвердилась у представителей обоих поколений. Возможно, это связано с тем, что сама по себе этническая идентичность не приводит напрямую к психологическому благополучию, а есть значимые факторы, например, воспринимаемая дискриминация, которые опосредуют эту взаимосвязь. Данное предположение требует дополнительной проверки. В некоторых ранее проведенных исследованиях также было выявлено, что этническая идентичность не имела значимой положительной взаимосвязи с психологическим благополучием представителей этнических меньшинств [9].

Отвечая на наши 1 и 3 исследовательские вопросы, мы установили, что у младшего и старшего поколений вовлеченность в публичную деятельность русской диаспоры способствует их психологическому благополучию. Роль деятельности, направленной на сохранение русского языка, в психологическом благополучии различается у старшего и младшего поколений: у старшего поколения она повышает самоуважение, а у младшего поколения, напротив, понижает. Также у младшего поколения участие в творческих фольклорных мероприятиях, в деятельности, направленной на сохранение истории способствует удовлетворенности жизнью, в то время как участие в благотворительной деятельности диаспоры не способствует психологическому благополучию молодежи. Отчасти результаты нашего исследования согласуются с данными ранее проведенных исследований марокканских мигрантов в Испании [11].

Что касается ответа на второй исследовательский вопрос, то мы выявили значимые медиативные модели для молодежи: этническая идентичность способствует психологическому благополучию через такие направления активности, как участие в публичной деятельности и в творческих фольклорных мероприятиях, и препятствует психологическому благополучию при вовлеченности в деятельность по сохранению русского языка и благотворительности. Для старшего поколения значимо оказалась всего одна модель: этнической идентичности способствует самоуважению через диаспорную активность, направленную на сохранение русского языка.

Таким образом, результаты показали, что этническая идентичность способствует диаспорной активности русских двух поколений в Кыргызстане, у представителей старшего поколения психологическое благополучие повышается, если они вовлекаются в деятельность по сохранению русского языка и в публичную деятельность, у молодого поколения психологическое благополучие повышается, если они участвуют в творческих фольклорных мероприятиях, в деятельности, направленной на сохранение истории, но их благополучие снижается, если они вовлекаются в деятельность по сохранению языка и благотворительности.

Данное исследование является поисковым, его результаты требуют проверки на других выборках в других странах. Полученные результаты могут быть полезны организациям, занимающимся проблемами соотечественников в странах бывшего СССР.

Литература:

1. Дуйшебаева К.В. Кыргызстане русским языком владеют 52,6 процента населения // ИА «24.kg». 2013. 6 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://24.kg/archive/ru/community/149489-v-kyrgyzstane-russkim-yazykom-vladeyut-526.html/> (дата обращения: 08.07.2021).
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного мигрантов и населения России / Под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Российский университет дружбы народов, 2009. С. 48–69.
3. Население Киргизии – актуальная статистика и информация (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-kirgizii/> (дата обращения 12.01.2021).
4. Рябическо Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64. DOI: 10.17759/chp.2019150206.
5. Элебаева А.Б. Межэтнические противоречия и конфликты в национально-государственном строительстве Кыргызстана // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 9. С. 159–163.
6. Bilewicz M., Wojcik A. Does Identification Predict Community Involvement? Exploring Consequences of Social Identification Among the Jewish Minority in Poland // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2009. Vol. 20. Pp. 72–79. DOI: 10.1002/casp.1012.
7. Branscombe N.R., Wann D.L. Collective self-esteem consequences of outgroup derogation when a valued social identity is on trial // European Journal of Social Psychology. 1994. Vol. 24. Pp. 641–658.
8. Costigan C.L., Koryzma C.M., Hua J.M., Chance L. J. Ethnic identity, achievement, and psychological adjustment: Examining risk and resilience among youth from immigrant Chinese families in Canada // Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology. 2010. Vol. 16. Pp. 264–273. DOI: 10.1037/a0017275.
9. Dimitrova R., van de Vijver F. J. R., Tausov J., Chasiotis A., Bender M., Buzea C., Uka F. Ethnic, Familial, and Religious Identity of Roma Adolescents in Bulgaria, Czech Republic, Kosovo, and Romania in Relation to Their Level of Well-Being // Child Development. 2017. Vol. 88. No 3. Pp. 693–709 DOI: 10.1111/cdev.12786.
10. Martinez D. S., Marzana D., Alfieri S., Pozzi M., Marta E., Martinez M.L. Psychological and Structural Barriers to Immigrant Community Participation: The Experience of Peruvians in Santiago de Chile // American Journal of Community Psychology. 2020. Pp. 1–14. DOI: 10.1002/ajcp.12472.
11. Paloma V., Garcia-Ramirez M., Camacho C. Wellbeing and social justice among Moroccan migrants in southern Spain // American Journal of Community Psychology. 2014. Vol. 54. Pp. 1–11.
12. Simon B., Sturmer S., Steffens K. Helping individuals or group members? The role of individual and collective identification in AIDS-volunteerism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. Vol. 26. P. 497–506.
13. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel, W. Austin (eds.), Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson Hall, 1986. Pp. 7–24.
14. Yap S. C. Y., Settles I.H., Pratt-Hyatt J.S. Mediators of the relationship between racial identity and life satisfaction among a community sample of African American women and men // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2011. Vol. 17. Pp. 89–97. DOI: 10.1037/a0022535.

Galyapina Victoria N.

*Candidate of Psychological Sciences
vgalyapina@hse.ru
National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia*

Lebedeva Nadezhda M.

*Doctor of Psychological Sciences
nlebedeva@hse.ru
National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russia*

Trifonova Anastasia V.

*avtrifonova@hse.ru
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia*

RELATIONSHIP OF ETHNIC IDENTITY, DIASPORA ACTIVITY AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AMONG THE REPRESENTATIVES OF TWO GENERATIONS OF THE RUSSIANS IN KYRGYZSTAN

After the collapse of the USSR many Russians left Kyrgyzstan. Today their number is 6,2 %. They need to adapt to new sociocultural conditions. In this regard, it is important to understand the factors that determine the psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan. Additionally, due to the change in the socio-cultural context of Kyrgyzstan, the psychological well-being of representatives of different generations may be determined by various factors. Authors analyze the role of two factors – ethnic identity and diaspora activity in the psychological well-being of Russians in Kyrgyzstan. The selection of the study included 300 respondents (150 representatives of older generation, 150 representatives of younger generation). The results of modeling by structural equations showed that the significance of ethnic identity contributed to the involvement in all types of diaspora activity among representatives of both generations. For representatives of the older generation, psychological well-being increased if they were involved in the preservation of Russian language and in public activities; among the younger generation, psychological well-being increased if they participate in creative folklore events, in activities aimed at preserving history. However, their well-being was reduced if they were involved in activities to preserve Russian language and charity. Ethnic identity did not have a direct effect on psychological well-being; only an indirect effect was revealed through different types of diaspora activity. Among the older generation, ethnic identity promoted self-esteem through diaspora activities aimed at preserving Russian language. For the younger generation, ethnic identity contributed to psychological well-being through diaspora activity in public activities and activities associated with participation in creative folklore events. Ethnic identity of the younger generation hindered psychological well-being when involved in activities aimed at preserving Russian language and culture and charity.

Keywords: *ethnic identity; diaspora activity; psychological well-being; Russians; Kyrgyzstan; generations.*

Молодикова Ирина Николаевна

кандидат географических наук

molodiko@ceu.edu

Центрально-европейский университет

Будапешт, Венгрия

Институт демографических исследований

РАН РФ

Москва, Россия

Тепавчевич Саня

доктор политологии

sanja.tepavcevic@gmail.com

Институт передовых исследований Кёсег

Кёсег, Венгрия

Паннонский университет

Веспрем, Венгрия

ОСОБЕННОСТИ ДИГИТАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ИНТЕРНЕТ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ В ПЕРИОД КАРАНТИНА COVID-19 НА ПРИМЕРЕ ВЕНГРИИ¹

Статья посвящена вопросам изменения роли дигитальных коммуникаций и интернета в общении представителей русскоязычных сообществ Венгрии. В работе указывается, что русскоязычное сообщество в Венгрии довольно большое, и в нем отмечается рост интереса к дигитальным сетям. За последнее десятилетие возникло большое количество различных групп, как институционализированных, так и не институционализированных. Они включают в себя не только этнических русских, но и представителей других постсоветских республик, а также русскоговорящих венгров. Анализ сетей показал, что они стали больше использоваться для бизнеса в условиях пандемии Ковид-19. Это связано как с развитием платформенной экономики (например, купля-продажа национальных товаров), так и с переходом на виртуальное пользование русскоязычных сообществ некоторыми видами услуг (образовательных, спортивных, экскурсионных, религиозных, нанимание персонала и других).

Ключевые слова: *русскоязычные сообщества; Ковид-19; интернет; виртуальное обслуживание.*

Ковид-19 – большое испытание для всех стран и их населения. Правительства стран стараются поддерживать экономическую активность и сохранять рабочие места повсюду в Европейском Союзе, и Венгрия не исключение. Рынок труда заслуживает особого внимания со стороны политики экономического развития, и имеет смысл даже субсидировать фирмы, чтобы сохранять людям заработную плату [13]. Так, в Венгрии через определенный период времени стало очевидным, что должна произойти реструктуризация экономики, во время которой эта вновь сформированная структура экономики должна отражать новые потребности мировой экономики. «Проигравшими» секторами этого кризиса оказались секторы экономики в сфере туризма и гостиничного бизнеса, в то время как онлайн- или офлайн-услуги, не требующие социальных контактов с потребителями, становятся победителями в экономике. Реструктуризация рынка труда и, в итоге, институтов образования в Венгрии происходит болезненно, но должным образом. Можно утверждать, что процесс корректировки состоялся [15].

Как показывают исследования, в Венгрии ковидом были затронуты определенные секторы: туризм, гостиничный бизнес, все типы ресторанного бизнеса и индустрия красоты, спа и похожие виды индивидуальных услуг [14, 12].

Как отмечают большинство исследователей, работающих в сфере занятости трудовых ресурсов, платформенная экономика во время эпидемии Ковид-19 во всех

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-511-23001 и Института передовых исследований Кёсег (IASK).

странах испытала бум развития, в том числе и в Европе [18]. Это коснулось как использования ресурсов информационно-торговых платформ, так и вовлечения населения стран и мигрантов в участие в данном бизнесе как продавцов, поставщиков товара и его потребителей. Русскоязычные мигранты не остались в стороне от этих трендов.

Среди наиболее часто используемых языков на вебсайтах в интернете, как ни странно, русский язык находится на втором месте после английского. Английский используют 60,4 % всех вебсайтов, тогда как русским пользуется 100 млн пользователей, или 8,3 %, но он занял второе место [10]. Это отголоски многонациональной страны, какой был СССР, где языком государственной коммуникации был русский. Поэтому не удивительно, что в новых государствах за границей он также сохраняет свое первенство в чатах, влогах, блогах и социальных сетях, таких как Фейсбук, Инстаграм, Линкд-ин и другие. Таким образом, целевая аудитория в интернете и для интернет-предпринимательства имеет необходимое количество людей для «трафика» информации.

Как показали проводимые ранее в Венгрии авторами статьи опросы, большая часть русскоязычного сообщества (более 80 %) узнает новости о диаспоре и России через интернет [4]. Поэтому предметом анализа данной статьи является виртуальное пространство русскоязычного сообщества: насколько и каким образом оно стало более активно использоваться во время эпидемии.

Традиционно считается, что русские представляют очень малую часть населения Венгрии. Действительно, по данным переписи 2011 года (распределение населения по национальности, родному языку, языку, на котором говорят в семье и с друзьями, а также по культурной принадлежности) русский язык как родной указали 7,3 тысячи человек. В семье его использовали 10 тысяч человек, а принадлежность к русской культуре отметили 13,3 тысячи. Большинство этих людей (более 6 тысяч человек) проживает в Будапеште, и еще почти 2 тысячи – в области Пешт в небольших городках [16].

Однако, венгерские ученые И. Гедри и З. Чаньи [11] детально исследовали вопрос количества мигрантов из стран бывшего СССР в Венгрию на базе индивидуальных (не агрегированных) ответов двух переписей (2001 и 2011 годов) и микропереписи 2017 года и получили интересные результаты. Авторы утверждают, что всего в Венгрию переселилось только с 1992 до 2017 года около 106 тысяч человек из стран бывшего СССР. С учетом переехавших в советское время (за 35 лет с 1950 по 1985 годы из СССР) от 30 до 35 тысяч человек, венгров, приезжавших на учебу в СССР – приблизительно 30-35 тысяч человек и еще тех, кто учился в высших учебных заведениях (около 10 тысяч человек), потенциально *русский могут знать и использовать около 160 тысяч человек*. То есть количество говорящих и понимающих русский язык в той или иной степени, общающихся на нем и использующих его в различных целях в Венгрии может составлять существенную часть населения [11].

Что представляли собой русскоязычные сайты до пандемии? Одним из авторов статьи была собрана информация по организациям соотечественников через опрос членов Координационного совета организаций российских соотечественников Венгрии в рамках исследования [7]. На тот период (2011 г.) было зарегистрировано в той или иной форме 11 русскоязычных НКО [2] в 7 городах Венгрии (в том числе школа «Алфавит» в Будапеште), а также Ассоциация «За венгерско-российское сотрудничество имени Льва Николаевича Толстого» (венгерские основатели) и Общество венгеро-российской культуры и дружбы, газета («Российский курьер»), Русский театр-студия, несколько православных приходов Русской православной церкви (2 в Будапеште, в Ирёме, Дьондёше, Мишкольце, Дебрецене и Берегхаза). Самый первый русскоязычный портал «Венгрия. Взгляд изнутри» [1] был создан в 1999 году. Основные обслуживающие культурно-просветительские и этнические торговые

институты, такие как Российский культурный центр, туристическая фирма «Сто дорог» и несколько магазинов («Арбат» и «Смак»), рестораны «Ежик» и «Ностальгия» также имели свои страницы в сети интернет. Сами сайты представляли собой скорее информационную страницу без интерактива и ящик электронной почты.

К началу 2020 года количество сайтов возросло, а если взять число подписчиков русскоязычных страниц в сети «Facebook», таких как Русский Будапешт, то оно составляет около 20 тысяч. Уже члены русскоязычных сообществ Венгрии включились в русскоязычные группы – члены глобальных международных русскоязычных групп. Например, женская виртуальная группа «Лягушка в водке и медведь в шампанском» объединяет женщин разных стран мира (более 43 тысяч человек), а в Венгрии возникло венгерское отделение – «Лягушка в палинке». Это своего рода психотерапевтическая лаборатория не только для русскоязычных жен иностранцев, но и русскоязычных женщин за рубежом: это является, в том числе, и виртуальным туристическим агентством. Любая «лягушка» может написать членам группы в другой стране, куда она собралась путешествовать, и получить не только полную информацию, но и помощь в организации пребывания, экскурсионной программы. По такому же принципу работает и страница «Венгрия, Будапешт, Дебрецен, Сегед, Мишкольц, Печ, Дьер, Ньиредьхаза, Кечкемент», которая является частью сети Russian Global [18].

К 2021 году все сайты уже условно можно было поделить на несколько типов:

1. *Официальные сайты и порталы институционализированных учреждений России*, имеющие свои представительства в Венгрии (Посольство и консульство), включая Российский культурный центр [5]. При нем – форум Russkie.hu в Венгрии. Также сюда относятся сайты русских магазинов («Арбат» и «Смак»). Сайты трех церковных русскоязычных сообществ Венгерской Епархии Московского патриархата (Преподобного Сергия Радонежского [6] и Во имя Святой Троицы при Храме Пресвятой Богородицы и Сергия Радонежского. В 2019 г. добавился сайт активно развивающегося прихода в Хевизе в честь иконы «Живоносный Источник»).

2. *Институционализированные сайты клубного типа*: 12 организаций соотечественников (Фонд «Алфавит», Русский театр-студия, клуб «Россиянки», организация «Истоки», общество «Дьор, Капошвар, Печь, Дебрецен», Фонд молодежного творчества «Пилланго», клуб русского языка г. Эгер, газета «Российский курьер» и др.), зарегистрированных как НКО. По венгерскому законодательству они имеют право получать по 1 % от налогов ее членов, что помогает организациям развиваться.

3. *Страницы не институционализированных виртуальных сообществ в Фейсбуке, Инстаграме*. К моменту пандемии их число составляло уже более 30. Многие из них в названии указывают «русскоязычный» и также территорию (Венгрия, Будапешт, Пакш).

- *Информационно-аналитические* (Венгрия – взгляд изнутри; Венгрия онлайн; Моя Венгрия); *информационные региональные* (Русскоязычный Пакш, Русскоязычный Будапешт, Родительский Клуб, Русскоязычная Венгрия, Женский клуб, Будапешт для русских, Русскоязычный Пакш, Сообщество Русскоговорящих в Будапеште, Йога на русском языке в Будапеште).

- *Информационные по типу «доска объявлений»* (Женский клуб, Доска объявлений Венгрия, Доска объявлений Будапешт, Венгрия жилая недвижимость, Венгрия: бизнес, работа и учеба, Работа в Венгрии, Гиды Венгрии, Программы Венгрии, Экскурсии Венгрии, Отдых и лечение в Венгрии, Курьерские услуги в Венгрии, Врачи в Венгрии, Учим вместе венгерский язык, Дружим и учим венгерский язык, Детская школа «Алфавит»).

- *Клубного типа по интересам*: «Русскоязычная молодежь Венгрии» с более, чем 6500 подписчиков; «Что, где, когда?»; «Йога для русских»; «Русскоговорящий гид в Венгрии»; «Украинский театр Будапешт – Театр “Грай”»; сайты транспортных

перевозок (в основном Украина и обратно); «Храм прп. Сергия Радонежского в Будапеште»; «Православная Венгрия»; «ВЕНГРИЯ: общение по интересам»; «Я и Венгрия».

Таким образом, виртуальное пространство представляло в большинстве своем довольно формализованные сайты.

Изучение русскоязычных сайтов проводилось методом включенного наблюдения как видом качественного исследования [9, 19], предполагающего личное вовлечение ученого в процесс общения с объектом исследования посредством членства в группах в социальной сети Facebook. Исследовалось их появление, содержание контента, развитие активности, что позволило сделать следующие выводы:

1. За время пандемии Ковид-19 – в 2020 и 2021 годах – значительно увеличилось количество виртуальных русскоязычных групп в социальной сети Facebook, связанных с Венгрией. Были основаны «Женский клуб» для помощи женщинам друг другу; «Врачи Венгрии» для консультаций и рекомендаций; «Музейные встречи с Машей» для регулярного обзора культурной ситуации в Венгрии; «Купи-продай»; «Подработки» и рекрут-сайты с объявлениями о вакансиях в Венгрии. Последние работали частично как рекрутские агентства и как доска объявлений: Работа в Венгрии; Венгрия – вакансии и реклама; Венгрия – объявления и реклама; Russian – Будапешт, Венгрия; Будапешт-инвестиции; Подработка в Будапеште; Венгрия – недвижимость. Количество членов этих групп составляло от 500 до 5000 человек. Часть объявлений дублировалась в нескольких группах, особенно это касалось информации о поездках на микроавтобусах или частных машинах в Украину. Также встречались объявления транспортного характера о пересечении границы, поскольку многие мигранты из стран СНГ *«застрали» в Венгрии*. В период ковидных волн по ЕС могли передвигаться только украинцы с двойным гражданством или жители из приграничной зоны Украины с нарушением правил (так как они ехали, в основном, работать в Будапешт).

2. Возникло много сайтов рекрутирования мигрантов, которые предлагают работу на крупных предприятиях, в строительстве и сельском хозяйстве Венгрии. Объявления рассчитаны, скорее, на украинцев, и зарплата нетто низкая – от 1000 до 2000 форинтов в час, продолжительность смены по 10 часов, иногда и в субботу. Сайты предупреждают, что люди должны быть физически выносливыми, значит, условия труда на этих предприятиях достаточно тяжелые.

3. Русскоязычные гиды как одни из наиболее пострадавших, потерявших на время работу, на своих страницах в Фейсбуке стали продвигать пешеходные экскурсии небольшими группами по Будапешту, виртуальные тематические туры или походы на природу, хоть и немного, но капитализируя свою профессию.

4. В онлайн довольно успешно перешли обучающие программы (образование детей в студии «Алфавит» [3], кружках живописи; преподавание русского и венгерского языков, занятия йогой и т. п.). Например, страница «По-венгерски все лучше и лучше» с 2500 человек подписчиками перешла на организацию курса в интерактивной манере, раз в неделю по скайпу проводились встречи в разговорном клубе «Венгерский язык» на венгерском и русском языках.

5. Русскоязычные театры в Венгрии начали представлять отрывки мини-спектаклей онлайн.

6. В Венгрии, как и во всем мире, активизировалась система платформенной экономики [8]. Магазины традиционных для стран бывшего СССР продуктов «Арбат» и «Смак» начали активно оказывать услуги доставки и онлайн-выбора товаров. Они изменили формат сайтов на интерактивный.

7. Духовенство православных церквей перешло на трансляцию служб и еженедельных молебнов онлайн, онлайн можно было также заказать требы, поскольку в первые месяцы пандемии резко уменьшилось количество прихожан в церквях. У подобного молебна даже появилось название «Молебен лицом к лицу», потому что в

отсутствие прихожан священнослужители служили без масок. Такая форма общения оказалась очень востребованной. В результате несколько сот человек виртуально стали принимать участие в молебнах [6].

8. Традиционное домашнее производство кондитерских изделий, пельменей и подобных блюд исчезли на время из рекламы из-за ковид-ограничений.

Исследование влияния пандемии на занятость и доходы, с учетом ограничительных мер, проводилось полностью в цифровом формате. Мы собрали нарративы, наблюдая за дискуссиями в русскоязычных группах Венгрии в социальной сети Facebook (включая «Русский Будапешт», «Русскоязычный Будапешт», «Русскоязычные мамы Венгрии», «Женский клуб» и другие), а также активно участвуя в них.

Авторы статьи разместили в нескольких русскоязычных группах Венгрии вопросы, послужившие темой для дискуссии. В отличие от традиционных фокус-групп и анкет, цифровые фокус-группы подразумевали добровольное участие и анонимность ответов. Были заданы несколько конкретных вопросов с предложенными вариантами ответов, например: «Каким образом пандемия Ковид-19 повлияла/влияет на вашу занятость и вашу финансовую ситуацию?» Можно было выбрать несколько вариантов ответов. Среди ответов предлагались такие варианты: «вследствие кризиса я потерял/а работу», «я сменил/а работу, но продолжаю работать по специальности», «я нашел/ла еще одну работу, чтобы пережить кризис». В ответах принимали участие только русскоговорящие члены социума – участники группы. Соответственно, ответы отражают исключительно их опыт и взгляды.

Ответы в цифровых опросах.

На вопросы, заданные в онлайн-опросе, ответили 25 человек (из которых 22 женщины и всего 3 мужчин). Таким образом, ответы в первую очередь отражают влияние пандемии на русскоговорящих женщин, проживающих в Венгрии, которых, согласно переписи 2011 больше, чем мужчин [Hungarian Census 2011]. Опишем 4 основных вопроса и ответы на них.

На вопрос «*Каким образом пандемия Ковид-19 повлияла/влияет на вашу занятость и вашу финансовую ситуацию?*» 13 из 25 ответили, что пандемия никак не повлияла, 3 ответили, что потеряли работу. Те же 13, финансовое состояние и занятость которых не изменились, являются наемными работниками, в основном менеджерами среднего звена. Еще 6 ответили, что переориентировались на другой вид деятельности, а двое сменили работу, но продолжают работать по специальности.

На вопрос «*В какой сфере вы работали до пандемии?*» самый высокий процент – 36 %, или 9 из 25, – ответили, что в туризме, ресторанах и/или гостиницах; 5 ответили, что работали в сфере финансовых услуг, и еще 5 – в сфере информационных технологий, а двое в сфере науки и образования.

На вопрос «*В какой сфере вы сейчас работаете?*» никто из 25 ответивших не указал сферу туризма, ресторанов и гостиничного бизнеса, хотя до пандемии в этих сферах были заняты 9 из 25 опрошенных (что подтверждает мировые тренды, выявленные в исследованиях УНКТАД (2020)). Из 25 респондентов 6 ответили, что работают в сфере финансовых услуг – это на одного больше, чем до пандемии. В сферу науки и образования добавился еще один ответивший.

Последний вопрос в фокус-группе касался экономического и финансового положения людей: «*Как пандемия повлияла на ваши потребительские привычки?*» Учитывая ограничительные меры по передвижению, неудивительно, что 15 из 25 ответивших указали, что они стали меньше путешествовать. Еще 5 из 25 ответили, что стали меньше тратить на товары не первой необходимости, а 4 указали, что стали меньше тратить на одежду, обувь и аксессуары.

Как показал анализ виртуальных русскоязычных сообществ, они быстро развиваются в Венгрии. Однако, если в доковидное время это были, скорее, клубы по

интересам, то в настоящее время возникают новые страницы, ориентированные, в основном, на рекламу, продажи или на рекрутмент русскоязычных мигрантов (в основном украинцев). Закрытие границ и требования вакцинации затрудняют использование сезонной рабочей силы из Украины, однако, судя по количеству объявлений именно заводов с производствами, Венгрия, несмотря на противоположные заявления премьер-министра страны Виктора Орбана, нуждается в рабочих – мигрантах для многих отраслей хозяйства страны. В целом по стране видно, что многие отрасли производства и сельского хозяйства нуждаются в мигрантах из-за закрытия границ.

Влияние пандемии COVID-19 отмечается в определенных секторах занятости членов русскоговорящих сообществ (туризм и сфера услуг красоты).

Дигитальные пространства в Венгрии в целом мало используются в качестве рекламной площадки продукции (услуг) для получения определенного дохода (за исключением сайтов риелторов, «купи-продай» или бизнес-сайтов). Традиционная выпечка кондитерских изделий и другой подобной продукции в ковидное время не рекламировалась из-за боязни передачи и распространения инфекции.

Последний, но не менее важный вывод данного исследования заключается в том, что сайты, созданные в доковидное время, продолжают работать в своем «жанре», но также добавляют интерактивные составляющие для ведения своих активностей (фитнес, церковь, образование, гиды, магазины, театр).

Анализ публикаций на страницах социальной сети Facebook, блогах и влогах отдельных русскоговорящих групп, опрос 25 человек показывают высокую степень тревожности населения за свое здоровье и здоровье своих близких. Введение правительством ограничений и запретов на передвижения как по стране, так и за ее пределами, на определенные виды досуга и сервиса (например, посещение спортивных секций, ресторанов, зрелищных мероприятий и салонов красоты) повлияли на мобильность русскоязычных мигрантов. Это отражает ситуацию с венгерским населением в целом.

Литература:

1. Венгрия. Взгляд изнутри [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hungary-ru.com> (www.rus.hu) (дата обращения: 10.07.2021).
2. Координационный совет организаций российских соотечественников Венгрии [Электронный ресурс]. URL: <https://russkie.hu/forum/index.php?topic=582.0> (дата обращения: 10.07.2021).
3. Культурно-образовательный фонд «Алфавит» [Электронный ресурс]. URL: <http://alfavit.hu/ru/bemutatkozas/> (дата обращения: 10.07.2021).
4. Молодикова И.Н., Храмова М.Н., Максимова С.Г., Смирнов А.В. Социально-экономические аспекты внутренней организации и идентичности русскоговорящих сообществ в Венгрии // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2020. №№ 1–2. С. 5–15. DOI: 10.26653/2076-46852020-1-2-01.
5. Российский центр науки и культуры в Будапеште [Электронный ресурс]. URL: <http://hun.rs.gov.ru/ru> (дата обращения: 10.07.2021).
6. Русская Православная церковь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.budapest.orthodoxy.ru/history/history4.html> (дата обращения: 10.07.2021).
7. AMICALL (Attitudes to Migrants, Communication and Local Leadership). Hungary Analytical Report (2011). Oxford/CEU.
8. Ahmad A., Isam F., Atreyi K. Digital Platforms: A Review and Future Directions // PACIS Proceedings, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/327971665_Digital_Platforms_A_Review_and_Future_Directions (дата обращения: 10.07.2021).

9. Atkinson P., Hammersley M. Ethnography and participant observation. Handbook of Qualitative Research, 1994. Pp. 248–261. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/1328721/Ethnography_and_participant_observation (дата обращения: 10.07.2021).
10. Bhutada C. Visualizing the Most Used Languages on the Internet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.visualcapitalist.com/the-most-used-languages-on-the-internet/> (дата обращения: 10.07.2021).
11. Gödri I., Csányi Z. (2020) Immigration from the Former Soviet Union to Hungary: Economic Mobility Rooted in Historical Links and Ethnic Ties. In: Denisenko et al. (eds.), Migration from the Newly Independent States, Societies Political Orders in Transition, Springer Nature Switzerland. P. 483–501. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7_22.
12. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Seventh edition Updated estimates and analysis (2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_767028.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
13. Karáth K. Covid-19: Hungary's pandemic response may have been worse than the virus [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1136/bmj.m4153> (дата обращения: 10.07.2021).
14. Medve F. Job Creation and Local Economic Development 2020: Rebuilding Better. The potential impacts of COVID-19 on local labour markets [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/Hungary.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
15. Moldicz Cs. Hungary social briefing: Jobs and Covid-19 in Hungary China-CEE Institute Vol. 32, No. 3 (HU) September 2020. Kína-KKE Intézet [Электронный ресурс]. URL: https://china-cee.eu/wp-content/uploads/2020/09/2020s09_Hungary.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
16. Population Census 2011. Hungary. Data on counties [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksh.hu/nepszamlalas/detailed_tables (дата обращения: 10.07.2021).
17. Rochet J-Ch, Tirole J. Platform Competition in Two-Sided Markets // Journal of the European Economic Association. 2003. Т. 1, 4. P. 990–1029.
18. Russian global Facebook page [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiaglobal.com/blog/fb.html> (дата обращения: 10.07.2021).
19. Schwartz M.S.; Schwartz C.G. Problems in participant observation // American Journal of Sociology. Vol. 60, No. 4 (Jan., 1955). P. 343–353.

Molodikova Irina
Social Geography Ph.D.
molodiko@ceu.edu
Central European University
Budapest, Hungary
Institute for Demographic Research FCTAS
RAS
Moscow, Russia

Tepavcevic Sanja
Dr.
sanja.tepavcevic@gmail.com
Institute of Advance Studies Koszeg
Koszeg, Hungary
University of Pannonia
Veszprém, Hungary

PECULIARITIES OF DIGITAL COMMUNICATIONS AND INTERNET ENTREPRENEURSHIP OF RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES DURING THE COVID-19 LOCKDOWN PERIOD ON THE EXAMPLE OF HUNGARY¹

The article is devoted to the issues of the changing role of digital communications and the Internet in communication of the Russian-speaking communities in Hungary. The analysis of the sites indicated that the Russian-speaking community in Hungary manifested a growing interest in digital networks. Over the past decade, many different groups have emerged, both institutionalized and non-institutionalized ones. Members of these groups are not only ethnic Russians, but also representatives of other post-Soviet republics, as well as Russian-speaking Hungarians. Analysis of the networks showed that groups have become more often used for business in the context of the Covid-19 pandemic. This fact is related to the development of platform economy (for example, purchase and sale of ethnic goods) and to the transition of Russian-speaking communities to virtual space for some types of services (educational, sports, sightseeing, religious, personnel recruitment and others).

Keywords: Russian-speaking communities; Covid-19; Internet; virtual service.

УДК 316.444.5

Ростовская Тамара Керимовна
доктор социологических наук
rostovskaya.tamara@mail.ru
Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского
центра РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1629-7780

Письменная Елена Евгеньевна
доктор социологических наук
nikitar@list.ru
Финансовый университет при
Правительстве РФ
Институт демографических
исследований Федерального научно-
исследовательского центра РАН
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0401-2071

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: ОБЗОР ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА²

Важным фактором, способствующим обмену знаниями между национальными и международными исследовательскими группами, является мобильность молодых исследователей на ранних этапах карьеры. Положительное влияние академической

¹ The reported study was funded by RFBR and FRLC according to the research project № 19-511-23001 and Institute of Advanced Studies Koszeg (IASK).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15043 МК.

мобильности в начале научной карьеры фиксируется целым рядом исследований в разных странах. В их числе дополнительные возможности для развития научной карьеры в будущем, интеграция в международные научные школы и коллективы, перспективы для более широкого участия в национальных и международных исследовательских грантах.

Ученые, которые мобильны в начале своей карьеры, также сообщают о положительном влиянии мобильности на результаты их исследований, сами исследования, развитие исследовательских навыков, развитие международных контактов и карьерный рост в дальнейшем.

На основе проведенного в 2021 году Всероссийского социологического исследования¹ представлен авторский анализ по выявлению проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации в условиях коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: академическая мобильность; проблемы и барьеры развития академической мобильности; молодой учёный; социологическое исследование; экспертный опрос.

На современном этапе академическая мобильность молодых ученых является одним из важнейших направлений профессионального роста кадров в сфере науки, технологий и инноваций, развития научных школ, общего повышения производительности российской сферы науки и технологий за счет синергии компетенций, обмена идеями и знаниями, ознакомления с лучшими практиками, интенсификации личных, научных и информационных обменов между организациями и коллективами, выполняющими научные исследования и разработки².

В 2021 году с целью выявления проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации в условиях коронавирусной инфекции был проведен экспертный опрос специалистов по научно-образовательной политике в образовательных и научных организациях в шести федеральных округах: Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском.

Анализ исследования позволил констатировать, что и без того сложная в реализации программа академической мобильности молодых ученых с наступлением коронавирусной инфекции оказалась в новых нестандартных условиях, что сразу привело к ряду последствий [1].

На вопрос *«Как пандемия повлияла на масштабы и эффективность академической мобильности молодых ученых в вашем вузе, научной организации?»* все эксперты единодушно ответили, что *«отрицательно, масштабы академической мобильности резко снизились»* или *«существенно ее ухудшила»*, *«резко сократилась физическая мобильность»* и *«она была заменена на виртуальную, которая менее привлекательна»*. Были и такие эксперты, которые это влияние оценивают негативно, *«поскольку пропала возможность очного обучения и трансфера человеческих ресурсов»*. Однако незначительная часть экспертного сообщества призналась, что *«никак не повлияла, т. к. у нас ее нет»*, и считает, что *«сложно влиять на то, что отсутствует»*. Но прозвучало и такое мнение, что несмотря на то, что *«масштабы*

¹ Всероссийское социологическое исследование «Выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации», проведенное в 2021 г. в шести федеральных округах: Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском. N=56 экспертов, специалистов по научно-образовательной политике в образовательных и научных организациях. Руководитель – д. соц. н., профессор Т.К. Ростовская.

² Рекомендации для молодых ученых, инженеров и технологических предпринимателей по построению успешной карьеры в области науки, технологий и инноваций (утв. Минобрнауки России 28.04.2018 № ГТ-861/14). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сведены к нулю, эффективность академической мобильности повысилась – эффект для мест постоянной работы вырос».

Такой масштабный и стремительный переход в онлайн-среду, с одной стороны, открыл *«новые возможности работы с использованием онлайн-технологий»*, а с другой, как отметили респонденты, повлек за собой *«меньшую вовлеченность из-за отсутствия личного контакта»*. При этом экспертным сообществом были определены и ряд трудностей, с которыми пришлось столкнуться в этот период при организации учебно-научной деятельности молодым ученым. Так, среди них названы коммуникационные затруднения: *«в координации между службами вуза»,* стало *«сложнее завести новые контакты», «отсутствие личных контактов»* и *«отсутствие возможности личного общения», «увеличение периода времени, отведенного на организацию деятельности»*.

Представители региональных вузов отметили технические трудности: *«проблему технической оснащённости, ограниченность ресурсов в техническом плане, сбои в программном обеспечении, ошибки в работе сайтов», «отсутствие надлежащего харда, нелегальный софт, не пускающий новые программы, но и отсутствие цифровых навыков тоже необходимо отметить»*. При этом была упомянута и *«неготовность массового использования Интернет-ресурсов»* молодыми учеными.

Эксперты отметили, что новые ограничения заморозили исследования из-за *«невозможности проведения ряда исследований в дистанционном формате»*, некоторые направления исследований предусматривают *«практические занятия непосредственно на специальном оборудовании и программах, что делает необходимым личное присутствие»*. Трудности были связаны, в первую очередь, *«с доступом к архивам и базам проведения исследований: музеям, библиотекам, домам народного творчества etc. В связи с этим требовалось трансформировать планы научно-исследовательской деятельности»*.

Среди трудностей участники опроса называли также *«несовпадение часового пояса с другими участниками»*, загруженность другими проектами и занятостью в нескольких местах. В период пандемии учебная нагрузка на профессорско-преподавательский состав сильно *«увеличилась, что снизило полевые научные изыскания, в то же время увеличилась возможность участия в различного рода конференциях»*. *«Экспедиции все были отложены на неопределенный срок, все исследования перешли в формат кабинетных»*. *«Возросла нагрузка в части преподавания, сильная накладка временная на мероприятия – одновременно приходилось «участвовать» в нескольких с разных гаджетов, соответственно, качество работы сразу упало»*.

Но пандемия открыла и возможности для академической мобильности молодых ученых в вузе, научной организации. Например, по мнению экспертов, стали более эффективными *«кабинетные исследования <...>, так как, например, в вузе открылись новые возможности по использованию различных библиотечных ресурсов, в том числе иностранных», «стали больше внимания уделять онлайн-курсам, проводить конференции в онлайн-формате»,* легче *«поддерживать уже существующие контакты»,* существенная экономия *«времени на мобильность (переезд) – возможность участия в один день в мероприятиях в разных регионах»*. Новая реальность в виде виртуальной академической мобильности эффективна *«в обмене преподавательским опытом, в участии в конференциях, в обучении (например, повышение квалификации, онлайн-курсы)»* и может быть эффективной только в *«гибридной: теория в онлайн, практика – только офлайн»* и только *«при условии высокой степени самоорганизации молодых ученых»*. Закрытые границы стимулируют *«более активное использование кураторства, удаленного взаимодействия с ведущими исследователями»*.

Вместе с тем представители экспертного сообщества указали на то, что такая виртуальная форма мобильности стимулирует *«в некоторой степени самостоятельно заниматься английским языком»*. Это позволяет в определенной степени использовать возможности и *«ресурсы лингвистических кафедр для устранения языкового барьера, сопровождения выступлений на научных мероприятиях, перевод докладов и пр. (волонтерская помощь преподавателей-лингвистов с переводом)»*. Однако это может быть лишь кратковременным решением, поскольку продолжение сотрудничества возможно лишь при непосредственном контакте исследователей».

Отмечают респонденты в качестве положительных последствий отложенной физической мобильности из-за ограничительных мер и *«повышение публикационной активности»*, и *«расширение доступа к научным ресурсам, учебно-методическим материалам»*, в том числе, *«доступ к онлайн курсам ведущих университетов мира, ... к электронным библиотекам многих стран»*, *«создание платформы онлайн-курсов, в т. ч. на английском языке, создание виртуальных совместных образовательных программ»*. При этом виртуальная мобильность расширила возможности для *«оперативного взаимодействия с партнерами»* и для *«более интенсивной коммуникации в рамках международного научного сообщества, отчасти облегчила барьеры входа для участия в международных мероприятиях (конференциях, симпозиумах и др.)»*.

Виртуальная или дистанционная форма научного взаимодействия *«позволяет вести научное сотрудничество с меньшими рисками для здоровья и затратами»*. При этом академическая мобильность стала *«доступна большему количеству групп потребителей, включая работающих людей и людей с ограниченными физическими возможностями»*, и появилась возможность *«пригласить к дистанционному участию большее количество молодых ученых других стран»*. Указывают эксперты и на *«повышение комфорта в общении и повышении свободы мысли»* для *«гениев-интровертов»*. Увеличилась готовность молодых ученых *«принять участие в программах внутрирегионального обмена»*, то есть актуальной стала внутрироссийская академическая мобильность, появилась возможность *«заинтересовать студентов в дальнейшей совместной работе»*, тем самым привлекать молодежь к научной деятельности, *«стало легче привлекать молодых ученых к проведению занятий среди студентов иностранных вузов-партнёров»*.

Как отметили эксперты, *«значительно расширились границы виртуальной академической мобильности, деловое общение через социальные сети, внедрены новые IT-технологии взаимодействия, который можно назвать прорывным за период пандемии»*. Чтобы развивалась виртуальная академическая мобильность, должна *«развиваться особая форма культуры цифрового общения, которая предполагает повышенную открытость, объединение цифровой личности и реальной. В России данные свойства субъектов необходимо формировать и развивать»*.

Таким образом, обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что в условиях пандемии COVID-19 российские образовательные и научные организации в целом справились с задачей ускоренной цифровизации, что повлияло, в том числе, и на развитие виртуальной академической мобильности [2, 3].

Литература:

1. Ростовская Т.К., Письменная Е.Е. Выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации: экспертный опрос // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 6. С. 129–141.

2. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И. Правовые аспекты образовательной миграции в контексте вызовов пандемии // Миграционное право. 2021. № 2. С. 3–7.

3. Тарасенко А.И. Об особенностях организации образовательного процесса для иностранных обучающихся в период распространения новой коронавирусной инфекции // Материалы научно-практической конференции «Экспорт образования как основа экономического развития Российской Федерации: российский и международный опыт» от 20.11.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://conf.rudn.ru/conf/vice-rector-2020/data/tarasenko.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

Rostovskaya Tamara Kerimovna

Doctor of Sociology

rostovskaya.tamara@mail.ru

*Institute of Demographic Research of the
Federal Research Sociological Center of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

Pismennaya Elena Evgenevna

Doctor of Sociology

nikitar@list.ru

*Financial University under the Government
of the Russian Federation
Institute of Demographic Research of the
Federal Research Sociological Center of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia*

ACADEMIC MOBILITY OF YOUNG SCIENTISTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF CORONAVIRUS INFECTION: REVIEW OF AN EXPERT SURVEY¹

An important factor contributing to the exchange of knowledge between national and international research groups is the mobility of young researchers at the early stages of their careers. The positive impact of academic mobility at the beginning of a scientific career is recorded by a number of studies in different countries. These include additional opportunities for the development of a scientific career in the future, integration into international scientific schools and collectives, prospects for wider participation in national and international research grants.

Researchers who are mobile at the beginning of their career also report the positive impact of mobility on the results of their research, the research itself, the development of research skills, the development of international contacts and career growth in the future.

Based on the All-Russian Sociological research conducted in 2021, the author's analysis is presented to identify problems and barriers to the development of academic mobility of young scientists in the Russian Federation in the conditions of coronavirus infection.

Keywords: *academic mobility; problems and barriers to the development of academic mobility; young scientist; sociological research; expert survey.*

¹ The article was prepared with the financial support of the RFBR, Grant No. 18-29-15043 МК.

Зарегистрировано в Министерстве
социальных ресурсов Венгрии.
Регистрационный номер 69.981/96

Издание Российского центра науки и культуры
Будапешт, VI, пр. Андраши, 120.
Отв. за выпуск – А.А. Уразбекова
Подписано к печати 20 декабря 2021 г.
Объём 12,7 п.л.
Тираж 100 экз.

